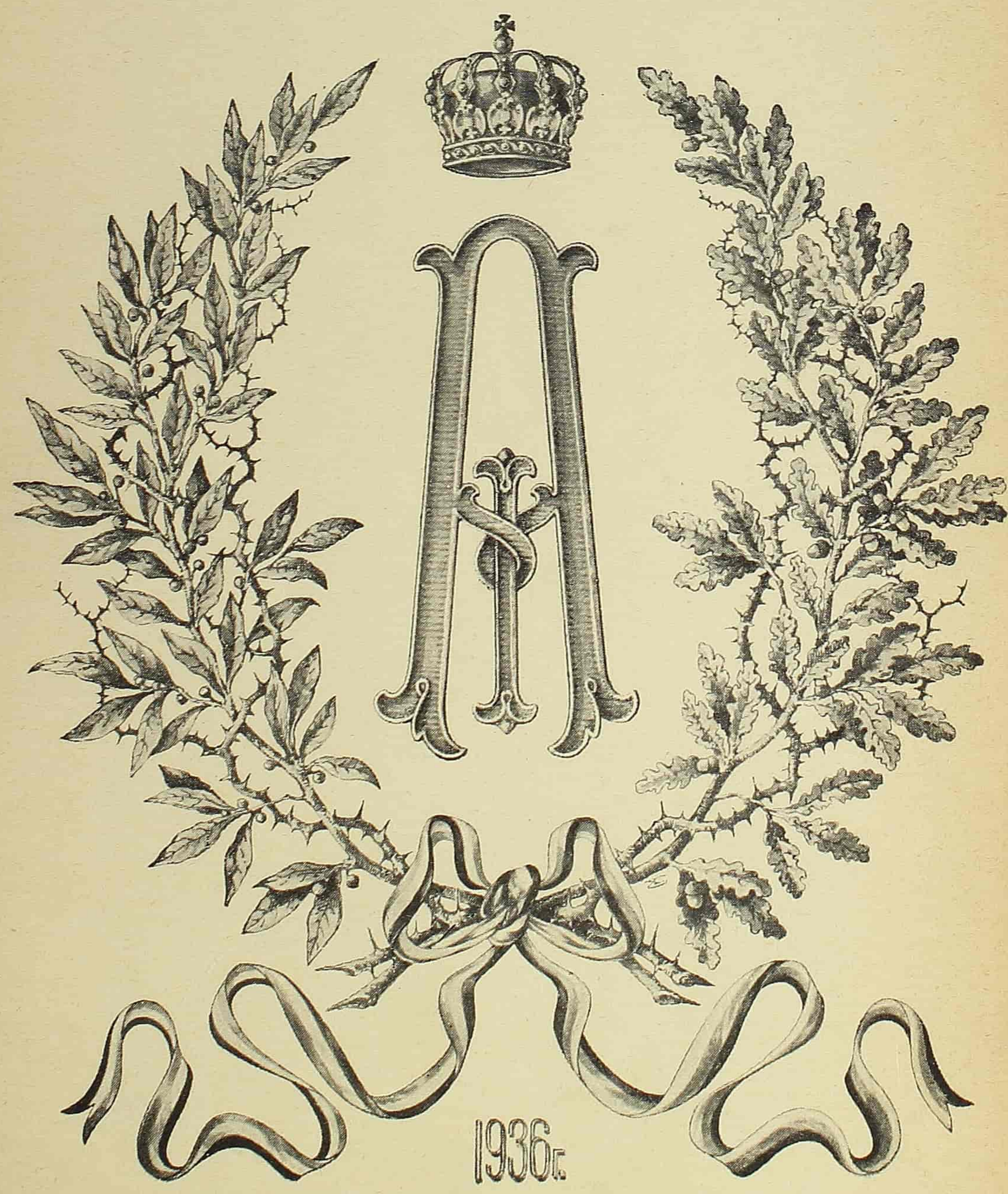

521 1507

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОКЛАД

1936г.

СОСТАВИЛА М. КОЖИНА - ЗАБОРОВСКАЯ

НЕТЛѢННЫЙ ВѢНОКЪ

Издание Национальнаго Общества Русскихъ Женщинъ

БѢЛГРАДЪ

1 9 3 6

НЕПЛАТЕН
ВЪНУКЪ

Всѣ права сохранены за издательствомъ
Tous droits réservés.

Русская Типографія С. ФИЛОНОВА.
НОВЫЙ САДЪ
Югославія

Есть обычай — къ подножью памятниковъ и на дорогія могилы приносить вѣнки.

Вѣнки бываютъ изъ живыхъ цвѣтовъ и металлическіе, вѣнки изъ лавра, изъ пальмовыхъ, еловыхъ вѣтвей, вѣнки изъ терній.

Съ незажившей болью и съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія Національное Общество Русскихъ Женщинъ приносить на могилу Блаженнопочившаго Короля-Витязя Александра I нерукотворный вѣнокъ. Вѣнокъ сплетенъ изъ добрыхъ дѣлъ Благороднѣйшаго Короля, жившаго для другихъ и жизнь Свою отдавшаго „за други своя“.

Русскія женщины вѣрятъ, что Зло, которое царствуетъ нынѣ въ мірѣ — преходяще, что Добро восторжествуетъ надъ Зломъ, и добрыя дѣла Короля

„нашъ вѣкъ переживутъ
и тлѣнья убѣгутъ“.

9 октября 1935 г.

Бѣлградъ.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО РУССКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ считаетъ своимъ долгомъ выразить
горячую и искреннюю благодарность всѣмъ
лицамъ, подѣлившимся съ Обществомъ своими
воспоминаньями о Блаженнопочившемъ Королѣ
Александрѣ I Объединителѣ.

ПРИНЯТО думать, что слезы являются внѣшнимъ проявленіемъ горя; а улыбка выражаетъ собой счастье и радость.

Въ жизни обыкновенныхъ людей такъ и бываетъ; человекъ улыбается въ отвѣтъ на сумму пріятныхъ впечатлѣній, полученныхъ имъ.

И надо быть исключительнымъ человекомъ, чтобы улыбаться не въ отвѣтъ, а наперекоръ жизни.

Такимъ исключительнымъ человекомъ былъ Король Александръ.

Жизнь была сурова къ Нему: Онъ рано лишился матери въ младенческіе годы не зналъ материнской нѣжности и ласки; дѣтство провелъ въ изгнаніи; въ отрочествѣ разстался съ горячо любимымъ отцомъ и уѣхалъ учиться въ Россію.

Юности, въ собственномъ значеніи этого слова, у Него не было. Двадцати съ небольшимъ лѣтъ Онъ уже былъ полководцемъ и въ 1912 году удивилъ всю Европу: въ теченіе одного мѣсяца разбилъ на голову турокъ и очистилъ отъ нихъ Южную Сербію.

Вмѣсто беззаботной, молодой радости, на Его долю рано выпала отвѣтственность сначала Главнокомандующаго и Регента, а потомъ Короля.

Жизнь сплелась изъ подвиговъ героизма, страданій за народъ и вмѣстѣ съ нимъ, — изъ жертвъ, борьбы, трудовъ и творчества, самаго тяжелаго въ жизни — государственнаго.

И на всѣхъ путяхъ Своихъ Король улыбался. Улыбался наперекоръ впечатлѣніямъ суровой жизни, улыбался улыбкой Доброты и безпредѣльной Любви къ людямъ.

Его улыбки не могла согнать даже смерть.

И МѢНІЕ подѣ Которомъ. На террасѣ бѣлаго каменнаго дома сидѣли французенка-гувернантка и маленькая дѣвочка.

— Сегодня къ намъ привезутъ маленькаго Княжича. Вы будете играть вмѣстѣ съ Нимъ, — говорила французенка. — Не забудьте, что вы должны быть привѣтливы и должны улыбаться, если Онъ случайно разобьетъ какую-нибудь вашу игрушку.

— Почему? — удивилась дѣвочка.

— Потому что Онъ — Княжичъ и меньше васъ. И потомъ за каждую испорченную игрушку вы получите новую.

Послѣ обѣда маленькій серьезный Княжичъ сидѣлъ въ высокомъ креслицѣ, принадлежавшемъ дѣвочкѣ. Она показывала Ему свои игрушки.

— Если хотите, сломайте, пожалуйста, эту куклу. Она уже старая и надоѣла мнѣ.

— Хочу! — съ готовностью исполнить чужое желанье отвѣчалъ Княжичъ.

— Какъ Вамъ нравится Вашъ маленькій другъ, Ваше Высочество? — спросила француженка, положивъ руку на плечо дѣвочки. Княжичъ внимательно посмотрѣлъ большими черными глазами.

— Мой другъ, — повторилъ Онъ и улыбнулся дѣвочкѣ милой и доброй улыбкой.

КНЯЖИЧУ Александру было тринадцать лѣтъ. Онъ учился въ Петербургѣ въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Его сестра, Великая Княгиня Елена Петровна, въ годы ученія Брата, жила въ Петербургѣ. Во время лѣтнихъ каникулъ 1903 года Братъ и Сестра рѣшили отправиться на богомолье въ монастырь Сергіева Пустынь. День выдался прекрасный, теплый и тихій.

Настоятель монастыря и молахи вышли навстрѣчу молодымъ паломникамъ. Ихъ ввели во храмъ, показали иконостасъ, алтарь,

чудотворныя иконы, золотыя кресты, осыпанные драгоценными камнями, и церковную утварь. Въ храмѣ мерцали лампы, и въ полусумракѣ смотрѣли съ иконостаса благіе лики Христа и святыхъ.

Княжичъ Александръ, всегда любившій церковную живопись, заинтересовался одной иконой Богоматери. Ликъ Богоматери, Ея глаза показались Княжичу необыкновенными: съ какой стороны ни подходилъ Онъ къ иконѣ, глаза Богоматери прямо смотрѣли на Него. Онъ низко наклонился надъ иконой, чтобъ получше разсмотрѣть ее. Нечаянно задѣлъ головой за лампаду, висѣвшую надъ образомъ Св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, Своего Небеснаго Покровителя. Елей изъ лампы пролился на Его голову и чело...

Княжичъ обернулся къ Сестрѣ.

— Что это течетъ по моему лицу?

— Это добрый знакъ, мой дорогой Александръ, — тихо отвѣтила Сестра.

Въ тотъ же день вечеромъ петербургскія газеты объявили о чрезвычайномъ засѣданіи Скупщины и объ избраніи Королемъ Сербіи женевакаго гражданина Князя Петра Карагеоргиевича.

Второй Сынъ Короля никогда не забывалъ пророческаго для Него знака Провидѣнія въ старомъ русскомъ монастырѣ.

Съ 1905 г. по 1908 годъ Королевичъ Александръ учился въ Пажескомъ Корпусѣ. Вотъ, что рассказываетъ о Немъ Его школьный товарищъ Г. А. Моллеръ.

„Однажды во время уроковъ къ намъ пришелъ инспекторъ и объявилъ:

— Въ вашемъ классѣ будетъ учиться сербскій Королевичъ Александръ.

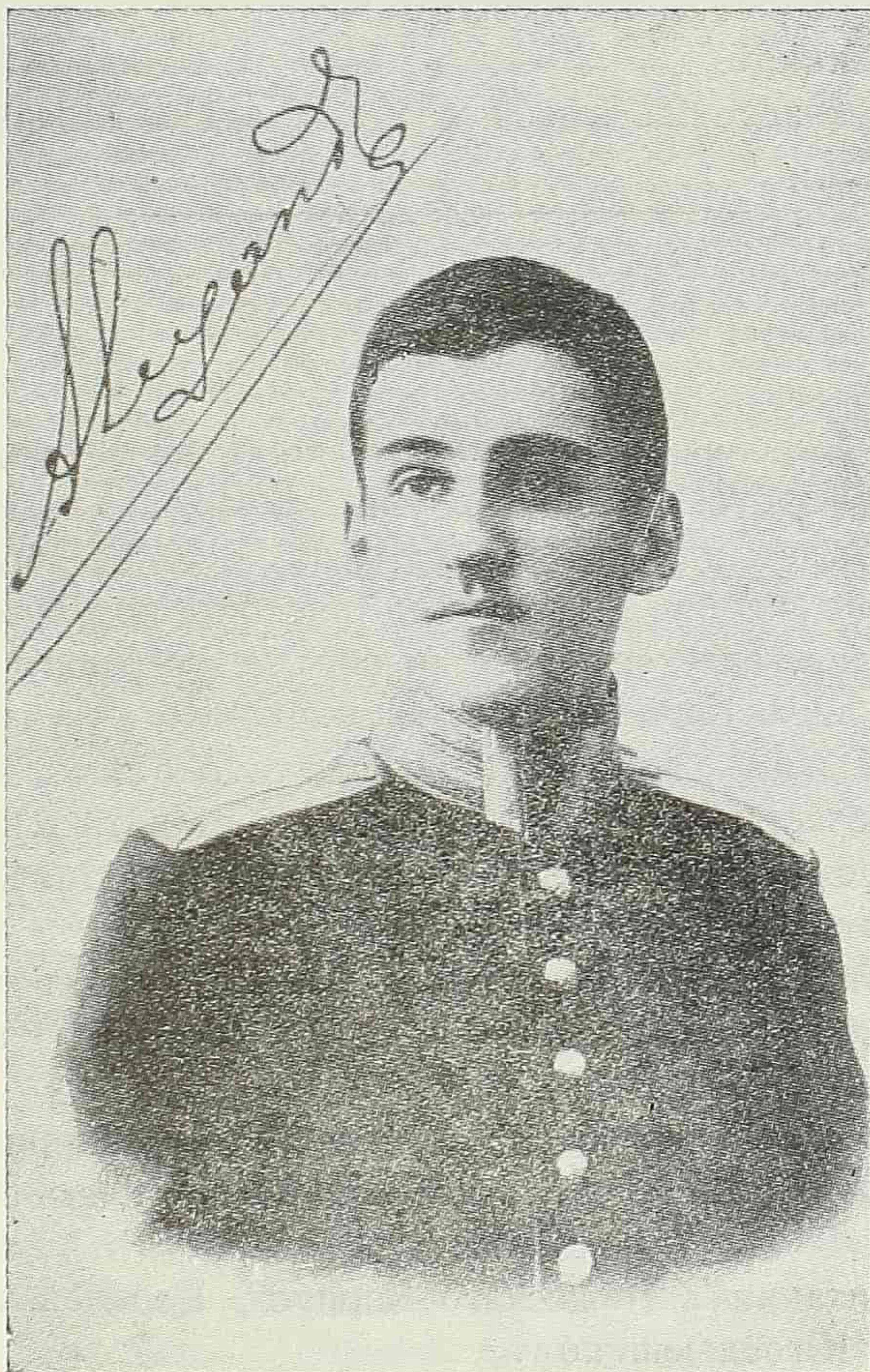
Немного позднѣе въ нашемъ V-мъ классѣ появился новый ученикъ, лѣтъ пятнадцати, со смуглымъ лицомъ и красивыми глубокими глазами. Случайно на моей скамейкѣ оказалось пустое мѣсто, и Королевичъ сѣлъ рядомъ со мной. Мы съ нимъ быстро подружились.

Королевичъ отлично учился, любилъ верховую ѣзду, гимнастику, охоту и военные предметы. Вспоминаю, какъ часто Онъ намъ рассказывалъ о Своей милой Родинѣ и о сербской арміи. Нѣсколько разъ Онъ говорилъ мнѣ:

— Знаешь, если бы Я былъ Королемъ, (Онъ тогда еще не былъ и Престолонаслѣдникомъ) и если бъ началась война, Я хотѣлъ бы командовать арміей!

Будущій Король Югославіи жилъ очень скромно, сначала на квартирѣ одного, а потомъ другого преподавателя Корпуса. Король

Петръ, желая приучить Сына къ скромности и бережливости, присылалъ Ему на мелкіе расходы двадцать пять рублей въ мѣсяць. И только въ VII классѣ Королевичъ сталъ жить въ Зимнемъ Дворцѣ“.

Королевичъ дѣлилъ со своими товарищами и радость, и горе; принималъ близко къ сердцу всѣ ихъ невзгоды. Когда они были въ VI-мъ классѣ, исторію читалъ у нихъ желчный и очень строгій преподаватель. Воспитанники рѣшили какъ-то всѣмъ классомъ не отвѣчать на урокъ исторіи.

— А Ты какъ? — спросилъ Моллеръ своего сосѣда.

— Я поступлю такъ, какъ всѣ, — отвѣчалъ Королевичъ.

Преподаватель вошелъ въ классъ и первымъ вызвалъ Королевича Александра.

Онъ молчалъ.

Преподаватель задалъ нѣсколько вопросовъ, на которые не получилъ отвѣта.

— Почему Вы не отвѣчаете, Ваше Высочество?

— Я ничего не знаю, — сказалъ Королевичъ.

Преподаватель посадилъ Его на мѣсто и поставилъ единицу, первую и послѣднюю въ Его жизни.

Потомъ поочередно были вызваны всѣ ученики класса, и всѣ получили по единицѣ.

Весь классъ былъ наказанъ и со всѣми наравнѣ Королевичъ.

КОГДА Королевичъ Александръ былъ въ VII-мъ классѣ Пажескаго Корпуса, въ Петербургъ пріѣхала делегація видныхъ сербовъ, съ цѣлью информировать русское общественное мнѣніе о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Эта делегація сразу же пріобрѣла усерднаго и неутомимаго помощника въ лицѣ Королевича Александра. Послѣ учебныхъ занятій, пренебрегая отдыхомъ, желаніемъ подышать свѣжимъ воздухомъ, пренебрегая развлеченіями, которыя могла предоставить Юношѣ Сѣверная Пальмира, Королевичъ стремился въ скромный домъ на Литейной; тамъ помѣщалась делегація.

Въ этомъ домѣ Королевичъ работалъ надъ текстомъ обращенія къ русской общественности, рисовалъ тяжелую картину разобщенія на Балканахъ родственныхъ племенъ.

Тамъ Онъ впервые страстно и громко защищалъ идею, осуществленную Имъ ровно черезъ десять лѣтъ — идею созданія тріединой Югославіи.

Воспитанникъ Пажескаго Корпуса, Королевичъ Александръ былъ первымъ Югославяниномъ,

„Югославяниномъ раньше Югославіи“.

В 1908 году Королевичъ Александръ сталъ Наслѣдникомъ Престола и былъ отозванъ Королемъ Петромъ въ Сербію.

На одномъ большомъ приѣмѣ къ Престоноаслѣднику приблизилось двое молодыхъ людей: юноша — гвардейскій офицеръ и дѣвушка величественной красоты.

— Позвольте, Ваше Высочество, представить Вамъ мою сестру, — произнесъ молодой офицеръ.

Престоноаслѣдникъ всмотрѣлся въ склонившуюся предъ нимъ дѣвку.

— Представлять не нужно. Я узналъ вашу сестру. Вѣдь вы, — обратился Королевичъ къ дѣвкѣ, — Мой другъ, Мой маленькій другъ изъ Котора.

О ДНАЖДЫ Престолонаслѣдникъ оживленно бесѣдовалъ со „Своимъ другомъ“. Рѣчь зашла объ одной дамѣ.

Молодая дѣвушка высказала о ней свое мнѣніе убѣжденно и съ большимъ жаромъ. Потомъ, спохватившись невольнымъ жестомъ поднесла руку ко рту и замолчала.

Престолонаслѣдникъ коснулся ея руки.

— Никогда не жалѣйте о томъ, что сказали Мнѣ правду. Я очень благодаренъ вамъ, Мой другъ!

БЫВШІЙ русскій военный агентъ вспоминаетъ одинъ день изъ жизни Престолонаслѣдника Александра.

Этотъ трудовой день длился 19 часовъ и въ немъ, какъ въ фокусѣ, отразилась вся послѣдующая разносторонняя дѣятельность будущаго Короля.

Престолонаслѣднику шелъ двадцать четвертый годъ. Онъ получилъ назначеніе Главнаго Инспектора Сербской арміи и очень серьезно отнесся къ Своимъ обязанностямъ.

Узнавъ, что на островѣ Дубравица (на Дунаѣ) австрійцы производятъ какія-то земляныя работы, Престолонаслѣдникъ рѣшилъ ознакомиться съ ними.

20 іюня 1911 года въ 7 час. утра Престолонаслѣдникъ, въ сопровожденіи всего двухъ лицъ, отправился въ село Дубравица, находящееся противъ острова того же имени. Уяснивъ на мѣстѣ все возможное, Престолонаслѣдникъ переѣхалъ въ Костолцу, гдѣ осмотрѣлъ стекольный заводъ и рудники бураго угля-лигнита. Въ окрестностяхъ Костолцы производились раскопки предметовъ старины, римскихъ монетъ, которымъ Престолонаслѣдникъ также удѣлилъ Свое вниманіе.

Потомъ Онъ посѣтилъ государственную рошу „Рогать“ — знаменитый питомникъ сернъ. Въ тотъ же день Престолонаслѣдникъ былъ на Родинѣ Своихъ предковъ — въ Тополѣ, гдѣ намѣтилъ планъ работъ по украшенію родовой Усыпальницы въ Опленцѣ. Оттуда Онъ поѣхалъ въ Аранджеловацъ, гдѣ проектировалъ устройство большого курорта.

Въ теченіе всего дня бывшій военный агентъ имѣлъ счастье наблюдать, съ какой простотой и теплотой бесѣдовалъ Престолонаслѣдникъ съ крестьянами, какъ живо входилъ Онъ во всѣ ихъ интересы.

Въ 11 часовъ вечера автомобиль Престолонаслѣдника отказался дальше служить. Обратный путь въ Бѣлградъ — 80 километровъ пришлось продѣлать на желѣзнодорожной дрезинѣ.

Обѣдалъ въ тотъ день Престоноаслѣдникъ въ 2 часа ночи.

На другой день б. военный агентъ получилъ собственноручное письмо Престоноаслѣдника, въ которомъ Королевичъ Александръ справлялся о здоровьѣ Своего спутника, который могъ устать.

„А о Петрѣ вѣдайте: Ему жизнь не дорога. Жила бы Россія“.

(Слова Петра Великаго передъ Полтавской битвой).

К ОРОЛЯ Александра называютъ „Кумановскимъ героемъ“. Битвой подъ Куманово (1912 г.) Сербія вознаградила себя за Косовскую погибель, за 500-лѣтнее тяжелое иго.

Сербы разбили и гнали полки Джавида-паши. Миновали Прилѣпъ; приближались къ Битолу. Останавливаться нельзя было.

А Главнокомандующій Королевичъ Александръ разболѣлся. Его трясла жестокая лихорадка, и врачи запретили Ему выходить изъ палатки.

Но „долгъ сильнѣе болѣзни“. Королевичъ сердцемъ Своимъ зналъ, что чувствуетъ каждый Его солдатъ.

Ночью, обманувъ бдительность дежурнаго врача, Королевичъ всталъ съ постели и помчался къ мѣсту боя.

Его войска были въ тяжеломъ состояніи: бой длился уже восемь часовъ. Восемь часовъ стояли люди, почти по грудь, въ холодной, осенней водѣ рѣки Черной.

Появленіе Главнокомандующаго подняло духъ замерзавшихъ героевъ. Турки были разбиты на голову.

Южная Сербія — держава Неманичей — освобождена.

Началась новая сербская исторія.*)

*) Разказы, помѣченные звѣздочкой, — изъ книги Prof. St. Roca „Viteški Kralj Ujedinitelj u narodu“.

ЕВРОПЕЙСКАЯ война застигла Сербію врасплохъ. Недавно закончившая Балканскую войну, Сербія могла выставить только 200 тысячъ воиновъ. Но великъ былъ духовный подъемъ всего народа и Молодого Вождя-Регента Александра.

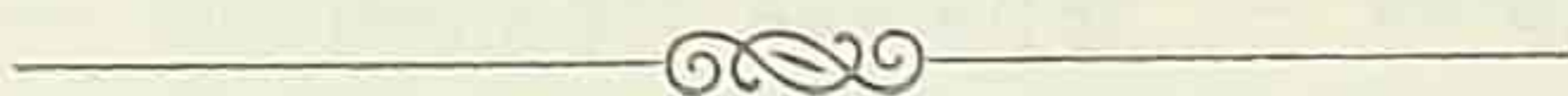
Къ декабрю 1914 года австрійцы были смяты, и Южная Сербія очищена отъ враговъ.

Днемъ Престолонаслѣдникъ-Регентъ работалъ въ Штабѣ; ночью обходилъ госпитали, ободрялъ раненыхъ, и всѣмъ въ Его присутствіи становилось легче работать и страдать.

Какъ черная туча, надвинулась новая опасность — сыпной тифъ. 50% однихъ врачей умерло отъ тифа. Престолонаслѣдникъ по-прежнему посѣщалъ госпитали.

Однажды въ русскомъ госпиталѣ производили операцію тяжело раненому солдату полка имени Престолонаслѣдника.

Въ халатѣ, блѣдный и сосредоточенный, стоялъ Престолонаслѣдникъ до самаго конца операціи. Потомъ взялъ на память осколокъ снаряда, вынутый изъ раны; а раненаго наградилъ золотой медалью „за храбрость“ и повысилъ въ званіи.

НАСТУПИЛЪ 1915 годъ. Австрійцы стянули силы. Выступила Болгарія. Регентъ Александръ безуспѣшно просилъ союзниковъ выслать на помощь хотя бы одинъ корпусъ.

Союзники недооцѣнивали Балканскій фронтъ. „Волокита, непониманіе обстановки, національные эгоизмы и политическіе расчеты причиняли Сербской арміи невыносимыя страданья“, писалъ русской военный агентъ.

Больше всѣхъ страдалъ Регентъ; и душевно, и физически (отъ тяжелой серіозной болѣзни).

Сербская армія отступала.

Косово поле опять стало кладбищемъ. Трупы замерзавшихъ,

раненыхъ и убитыхъ покрыли собой длинный путь отъ Бѣлграда до Албанскихъ горъ.

И въ эти трагическіе дни, когда положеніе Сербской арміи казалось безвыходнымъ, Регентъ Александръ находилъ въ себѣ силы проявлять трогательное вниманіе къ лицамъ, не покидавшимъ Его въ бѣдѣ и хлопотавшимъ о помощи Его арміи.

Въ это время Онъ наградилъ орденомъ св. Саввы III-ей степени русскаго военнаго врача, орденомъ Караджорджевой звѣзды IV ой степени русскаго военнаго агента и многихъ другихъ.

ОКТЯБРЬ 1915 года. Въ самый разгаръ эвакуаціи военныхъ учрежденій изъ Крагуевца, на узловой станціи „Лапово“ скопилось огромное количество поѣздовъ, загромоздившихъ всѣ пути. И вотъ среди нихъ русскій военный врачъ увидѣлъ цѣлый составъ вагоновъ и платформъ, груженныхъ мѣднымъ хламомъ. Здѣсь были пришедшіе въ негодность мѣдные котлы, кастрюли, мѣдныя стружки, обрѣзки мѣдныхъ листовъ и т. д.

Видъ этого состава удивилъ врача и вызвалъ въ душѣ его чувство горечи. Онъ зналъ, что въ городахъ и на станціяхъ оставались неэвакуированными больные и раненые, цѣлые госпитали; для нихъ не хватало поѣздныхъ составовъ; а наряду съ этимъ вывозили никому, казалось, ненужный хламъ.

Русскій врачъ подошелъ къ сербскому полковнику, распоряжавшемуся отправкой эшалоновъ и подѣлился съ нимъ своимъ недоумѣніемъ.

Полковникъ молча выслушалъ врача.

— Мы вывозимъ эту мѣдь, — отвѣтилъ онъ, — не потому, что она нужна намъ. У насъ ничего не осталось; пѣсенка наша спѣта. Но вы знаете, что для нѣмцевъ сейчасъ мѣдь дороже золота. Мы вывозимъ эту мѣдь потому, чтобы она не попала въ руки нѣмцевъ, и чтобы они не употребили ее для изготовки снарядовъ, которыми будутъ стрѣлять по васъ, наши союзники. Это распоряженіе Главнокомандующаго - Престононаслѣдника.

Престононаслѣдникъ заботился о сохраненіи жизней своихъ союзниковъ тогда, когда въ отвѣтъ на просьбу помочь маленькой героической арміи, фронтъ которой растянулся на полторы тысячи километровъ, — союзники прислали телеграмму:

„Не смущайтесь отдачей территоріи; главное — сохранить армію.“

ПОЛУБОЛЬНОЙ Престоноаслѣдникъ остановился въ г. Лешѣ. Какъ-то въ сумерки Онъ вышелъ изъ дому. Его сопровождалъ адъютантъ. Переходя на противоположную сторону улицы, Престоноаслѣдникъ увидѣлъ крестьянина, который сидѣлъ на голой, холодной землѣ и держалъ на рукахъ совершенно неподвижнаго мальчика.

— Боленъ онъ у тебя? — спросилъ Престоноаслѣдникъ.

— Нѣтъ, только голоденъ. Мы нѣсколько дней ничего не ѣли.

Престоноаслѣдникъ оставилъ на улицѣ адъютанта, вернулся домой и принесъ оттуда хлѣба, шоколада и денегъ.

— Накорми сына и не сиди съ нимъ на голой землѣ. Мальчикъ можетъ простудиться. Куда ты идешь? — спросилъ Престоноаслѣдникъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ крестьянинъ. — Я иду за нашимъ Престоноаслѣдникомъ. У насъ никого больше нѣтъ, кромѣ Бога и Престоноаслѣдника. Я вѣрю, что Онъ насъ не оставитъ.

НОЯБРЬ 1915 года. Регентъ Александръ пріѣхалъ въ Призренъ. Отступавшая Сербская армія подошла къ неприступнымъ обледенѣвшимъ горамъ.

Штабъ Главнокомандующаго рѣшилъ не сдаваться и продолжать отступление.

На глазахъ у Регента происходили раздирающія душу сцены прощанья женъ и матерей съ мужьями, отцами и сыновьями. Женщинъ ожидали голодъ, звѣрства и — неизвѣстность. Мужчинъ — Голгоѳа.

Переходъ черезъ снѣжные хребты Албаніи былъ поистинѣ крестнымъ путемъ сербскаго народа. Въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ бокъ о бокъ со Своими солдатами шелъ Регентъ-Престоноаслѣдникъ.

Впослѣдствіи въ воспоминаніе объ Албанскомъ походѣ была отчеканена медаль: „Своимъ боевымъ товарищамъ — Александръ“.

Въ началѣ 1916 года несчастная армія вышла къ берегамъ Адриатическаго моря. Весь міръ былъ потрясенъ ея подвигомъ.

Но когда оборванные, измученные и сѣрые люди подошли къ заливу св. Іоанна Медуанскаго, они не нашли ничего: ни продовольствія, ни судовъ...

Престоноаслѣдникъ Александръ заболѣлъ и слегъ.

Однажды въ заливъ пришелъ союзный крейсеръ.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ стоятъ суда для перевозки Моей арміи? — спросилъ Престоноаслѣдникъ капитана.

— Я имѣю предписаніе перевезти только Ваше Высочество — отвѣчалъ капитанъ.

Престоноаслѣдникъ сошелъ на берегъ.

— Въ такомъ случаѣ, отправляйтесь безъ Меня. Я не могу уѣхать раньше Моей арміи и, что было бы еще тяжелѣе для Меня — безъ нея.

— Мы въ настоящее время не располагаемъ достаточнымъ количествомъ крейсеровъ, — пытался объяснить положеніе капитанъ.

— Я взойду на корабль только тогда, когда будетъ эвакуированъ послѣдній солдатъ Моей арміи, — твердо отвѣтилъ Престолонаслѣдникъ.

РЕГЕНТЪ Александръ и Его обезсиленная армія передвигались по болотистому побережью Адриатическаго моря, отъ залива св. Іоанна Медуанскаго по направленію къ городамъ Дураццо и Валонъ.

Въ городѣ Драчъ (Дураццо) скопилось масса народа, отступавшаго вмѣстѣ съ арміей: старики, женщины, дѣти, высшіе чиновники и бѣдный людъ. Всѣхъ соединило общее горе. Всѣ ждали возможности быть эвакуированными.

Одна группа этихъ несчастныхъ подошла къ носилкамъ больного Регента.

— Всѣ насъ покинули. Одинъ Ты остался съ нами... Спаси насъ!

Регентъ по телеграфу вытребовалъ пароходъ для бѣженцевъ, а пока онъ не пришелъ, Регентъ ежедневно заботился о питаніи бѣдныхъ людей, и адъютантъ Регента дѣлилъ имъ хлѣбъ. Потомъ бѣженцевъ увезли во Францію.

Наконецъ, Государь Императоръ Николай II настоялъ, чтобы многострадальную Сербскую армію перебросили на пригодный для житія греческій островъ Корфу.

Здѣсь Сербская армія отдохнула, получила долгожданное подкрѣпленіе и стала готовиться къ освобожденію Родины.

НА островѣ Корфу, въ тѣни тысячелѣтнихъ маслинъ, правильными рядами были построены палатки сербскихъ воиновъ.

Однажды въ лагерь Дунайскаго полка царило необыкновенное оживленіе: стало извѣстно, что Престолонаслѣдникъ собирается посѣтить лагерь. Дежурный майоръ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы украсить лагерь и привести его въ идеальный порядокъ.

Въ лагерь было нѣсколько больныхъ солдатъ; имъ было приказано не выходить изъ наглухо закрытыхъ палатокъ.

Насталъ моментъ, и полковой трубачъ заигралъ: „смирно!“
Появился Престононаслѣдникъ Александръ со Своей свитой.

Принявъ рапортъ, Престононаслѣдникъ съ братской и товарищеской любовью вступилъ въ разговоръ со своими храбрыми соратниками.

Обходя лагерь, Престононаслѣдникъ случайно остановился у одной закрытой палатки; Онъ продолжалъ начатый разговоръ.

И вотъ, ко всеобщему изумленію и ужасу, палатка стала раскрываться. Сначала просунулась голова, а потомъ появился всей своей фигурой старый солдатъ третьяго призыва. Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ вытянуться и стоялъ дрожащій и сгорбленный.

Престононаслѣдникъ замѣтилъ его.

— Откуда ты?

— Изъ Бѣлградскаго округа, Ваше Высочество.

— У тебя плохой видъ. Какъ чувствуешь себя?

— Я, Ваше Высочество, долженъ еще благодарить Бога: остался въ живыхъ. Только, знаете, нужда...

Престононаслѣдникъ вынулъ изъ кармана червонецъ и протянулъ его солдату.

— Если ты боленъ, почему не въ больницѣ?

— Не принимаютъ, — грустно отвѣтилъ солдатъ.

Престононаслѣдникъ обернулся къ майору.

— Этого солдата нужно немедленно отправить въ больницу. Тамъ ему долженъ быть обезпеченъ наилучшій уходъ. Скажите: Я распорядился.*

СЕРБСКАЯ армія находилась на островѣ Корфу. Наступилъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Во всѣхъ полкахъ и батальонахъ громко читали пасхальное обращеніе Престононаслѣдника.

На островъ пріѣхалъ извѣстный англійскій журналистъ. Онъ долго былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, и много картинъ, сильныхъ и великихъ, развернулось передъ его глазами.

И вотъ онъ пришелъ въ сербскій лагерь. Видѣлъ, какъ въ изгнаніи, съ непоколебимой вѣрой въ лучшее будущее, празднуетъ сербскій народъ Свѣтлое Христово Воскресенье.

Въ походной церкви кончилось богослуженіе.

Сербская армія выстроилась передъ храмомъ.

Появился Престононаслѣдникъ.

— Христось Воскресе, мои герои! — громко и радостно произнесъ Онъ.

— Воистину Воскресе! — точно изъ одной груди, отвѣтила вся многотысячная армія.

Ничего подобнаго нигдѣ не видѣлъ и не слышалъ журналистъ. И потомъ, когда онъ вернулся въ Лондонъ и дѣлалъ докладъ обо всемъ видѣнномъ, онъ говорилъ:

— Самое сильное впечатлѣніе, которое я получилъ за всѣ годы войны, была Пасха на о. Корфу, когда вдали отъ Родины Глава Народъ свидѣтельствовалъ Своему вооруженному народу о воскресеніи Христа Спасителя.

ДЕНЬ Св. Николая Чудотворца. По базарной площади острова Корфу шли три друга. Въ этотъ день у всѣхъ трехъ былъ праздникъ „крестной славы“. Имъ хотѣлось купить традиціонную свѣчу, немного ладану и у кого-нибудь изъ знакомыхъ попросить нѣсколько драхмъ на вино и скромную закуску.

Неожиданно передъ ними выросъ молодой стройный Полковникъ.

Узнавъ отъ друзей объ ихъ намѣреніяхъ, Полковникъ вынулъ изъ кармана 100 драхмъ и далъ имъ.

— Это хорошо, что вы соблюдаете народные обычаи, — похвалилъ Онъ.

Друзья растерялись. Только позднѣе, въ разгаръ торжества узнали они, Кто былъ добрый Полковникъ.*

САЛОНИКСКИЙ фронтъ былъ образованъ весной 1919 года. Осенью того же года начались военныя операціи: дружный прорывъ непріятельскаго фронта, взятіе вершины Каймакчаланъ и побѣдоносное продвиженіе вглубь Македоніи.

Но Главное Командованіе Салоникскаго фронта отдало приказъ: остановиться...

По тактическимъ соображеніямъ, болѣе двухъ лѣтъ серьезныхъ операцій не было. Сербская армія сидѣла въ окопахъ и страдала отъ затишья.

Регентъ Александръ жилъ въ лѣсу, въ Ставкѣ „Ялакъ“.

Какихъ усилій и трудовъ стоило Ему тогда доказать союзникамъ, что Его армія жива и способна творить чудеса!

Регентъ и въ это время ничѣмъ не выдавалъ Своего душевнаго состоянія: Онъ постоянно навѣщалъ Своихъ солдатъ, ободрялъ ихъ, улыбался имъ.

ЭТО было въ 1917 г. на Салоникскомъ фронтѣ. Ночью, во второй смѣнѣ стоялъ на часахъ сербскій солдатъ. Невдалекѣ отъ него находился австрійскій фронтъ.

Небо было ясно. Ярко горѣли звѣзды.

Прислонившись къ дереву, солдатъ смотрѣлъ на горныя вершины своей прекрасной, захваченной врагами, родины. Онъ мечталъ о боѣ, рѣшительномъ боѣ, послѣ котораго окончательно опредѣлилась бы судьба родного края.

Вдругъ, справа отъ себя, онъ услышалъ шаги.

— Стой! Стрѣлять буду! — крикнулъ часовой, вскидывая ружье.

— Я остановился, — отвѣчалъ изъ темноты чей-то голосъ.

— Пароль!

— „Боже, храни Сербію!“ — отчетливо проговорилъ тотъ же голосъ.

— Можешь идти! — разрѣшилъ часовой.

Изъ мрака вышелъ Престононаслѣдникъ съ двумя офицерами.

Часовой смутился было, но привѣтствовалъ Главнокомандующаго твердо, по уставу.

Престононаслѣдникъ заинтересовался, откуда родомъ часовой и не надоѣла ли ему война.

— Не война надоѣла, Ваше Высочество, — отвѣчалъ солдатъ, — а ожиданіе. По моему, начали бы наступленіе, а тамъ или — или...

— Погоди, молодецъ, подготовимся получше и пойдѣмъ въ наступленіе, — успокоилъ Король. — А что женатъ ли ты?

— Нѣтъ еще, Ваше Высочество.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Тридцать стукнуло...

— Эге, молодецъ, — покачалъ головой Король. — Я и ты состарились на войнѣ. Когда-то еще мы поженимся?

— Когда освободимъ Родину, Ваше Высочество!

— Это ты хорошо сказалъ, — замѣтилъ Король. — А теперь слушай: когда надумаешь жениться въ свободной Землѣ, зови Меня: буду посаженнымъ Отцомъ.

Король удалился, а часовой заплакалъ отъ радости и счастья.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Король исполнилъ Свое обѣщаніе: былъ посаженнымъ Отцомъ на свадьбѣ бывшаго солдата, крестилъ его старшаго сына и принималъ во Дворцѣ своего кума такъ, какъ это предписываютъ старыя обычаи.

Въ 1925 году послѣ Заутрени за пасхальнымъ Королевскимъ столомъ въ Илджанскомъ Дворцѣ было всего шесть человѣкъ гостей. Среди нихъ былъ крестьянинъ, кумъ Короля.*

„Карагеоргиевичи не знаютъ страха“
(Влада Петровичъ Ньгушъ).

Всю Великую войну Престоноаслѣдникъ Александръ провелъ на фронтѣ. Ни мучительная болѣзнь, ни привходящія обстоятельства и соображенія — ничто не могло отдалить Его отъ доблестныхъ соратниковъ.

Однажды, обходя передовыя позиціи, Престоноаслѣдникъ попалъ въ полосу огня.

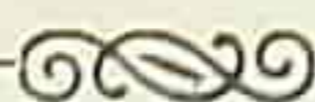
— Здѣсь опасно, Ваше Высочество! — остановилъ Его одинъ поручикъ. — Лучше было бы, если бъ Вы отошли подальше.

Въ окопахъ.

Но Престоноаслѣдникъ не послѣдовалъ совѣту офицера и обратился къ солдатамъ:

— Позвольте Мнѣ, Мои герои, остаться съ вами. Я думаю, что славы, которую вы заслужите, хватить для насъ всѣхъ.*

НЕМУДРЕНО, что сербскіе солдаты на Салоникскомъ фронтѣ любили поговорить о своемъ Главнокомандующемъ. Съ увлеченіемъ передавали они другъ-другу чудесные рассказы о Его храбрости, самопожертвованіи и добротѣ. Какъ-то ночью, послѣ очередного рассказа, похожаго на необыкновенный вымыселъ, одинъ изъ слушателей замѣтилъ:

— А знаете, ребята, лучше было бы не говорить объ этомъ. У Престононаслѣдника обычай — ночью ходить среди солдатъ. Того и гляди, ненарокомъ услышитъ насъ и...

— ... И что сдѣлаетъ вамъ? — неожиданно спросилъ чей-то голосъ изъ темноты.

Солдаты встрепнулись и вскочили на ноги.

— Ничего, Ваше Высочество! — въ одинъ голосъ отвѣтили всѣ. — Престононаслѣдникъ только обрадовалъ бы насъ Своимъ присутствіемъ и еще больше силы далъ бы намъ для борьбы съ врагомъ.

Престононаслѣдникъ засмѣялся и надѣлилъ солдатъ папиросами.*

ОДНАЖДЫ въ дождливый весенній день 1918 г. добровольцы на Салоникскомъ фронтѣ ожидали пріѣзда Главнокомандующаго.

Палатки у всѣхъ были маленькія, ветхія. Только у командира батальона была удобная большая палатка, которую солдаты изъ почтенья называли „косовской“.

Несмотря на усилившійся дождь, послѣ полудня показался крытый автомобиль и въ немъ Престононаслѣдникъ въ дождевомъ плащѣ.

Принявъ рапортъ, Престононаслѣдникъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился передъ серединой батальона.

— Богъ въ помощь, братья!

Батальонъ дрогнулъ.

— Помоги Тебѣ Богъ! — проломилъ воздухъ единодушный отвѣтъ.

На глазахъ у солдатъ заблестѣли слезы; мускулы ихъ лицъ подергивались. Престононаслѣдникъ быстро обвелъ глазами всѣхъ, и каждому показалось, что Регентъ взглянулъ, именно, на него.

Престононаслѣдникъ заговорилъ о счастіи, которое выпало на Его долю: о счастіи командовать сербами, хорватами и словенцами въ борьбѣ за общее освобожденіе.

— Ура! — съ неподдѣльной искренностью воскликнулъ батальонъ.

— На мѣстѣ вольно!

Престолонаслѣдникъ сталъ обходить ряды и запросто бесѣдовать съ солдатами.

Дождь не переставалъ.

Ни „косовская“ палатка, ни горячій кофе, приготовленный по особому хорватскому рецепту, не могли оторвать Престолонаслѣдника отъ интересныхъ для Него разговоровъ.

— Почему ты отпустилъ такую бороду? — остановился Регентъ около одного, заросшаго до глазъ, богатыря.

— Даль обѣтъ, Ваше Высочество, не бриться до паденія Австро-Венгрии.

Только черезъ два часа, подъ восторженные клики безграничной любви, уѣхалъ изъ батальона ласковый и добрый Престолонаслѣдникъ.*

„Я провель Великую войну въ чинѣ унтеръ-офицера“, рассказывалъ одинъ изъ боевыхъ товарищей Короля.

„Въ началѣ кампаніи мы мало знали молодого Престолонаслѣдника. Наша любовь къ Нему росла по мѣрѣ того, какъ мы узнавали о Его добрыхъ дѣлахъ и заботахъ о насъ.

Мы знали, что Престолонаслѣдникъ запрещалъ бранить солдатъ и наказывать ихъ за незначительные проступки. Подъ Его вліяніемъ и по Его личному примѣру, нашъ командный составъ сталъ мягко и совершенно по-дружески обращаться съ нами.

Во время военныхъ операцій и во дни затишья Престолонаслѣдникъ постоянно обходилъ полки, и каждый солдатъ могъ свободно выйти впередъ и рассказать Ему о своихъ невзгодахъ. Надо было видѣть, съ какимъ воодушевленіемъ выбѣгали навстрѣчу Ему солдаты и какъ, вмѣсто всякихъ жалобъ и просьбъ, счастливо кричали: „Ура!...“

За все время кампаніи мы ни разу не видѣли Его въ комфортабельныхъ условіяхъ, одѣтымъ въ новый или дорогой костюмъ. Онъ жилъ такъ, какъ мы; ѣлъ и одѣвался тоже не лучше любого боевого офицера.

Только въ минуты опасности и нападеній Онъ былъ всегда впереди, и намъ стыдно бывало отстать отъ Него...“

„И все-таки между нами существовала разница, продолжалъ рассказчикъ. Мы, рядовые, имѣли право на смѣну, на отдыхъ, на послѣобѣденный сонъ. Онъ этимъ никогда не пользовался.

Не могу забыть одного прекраснаго лѣтняго дня 1915 года. Мы стояли въ г. Свилайнцѣ. Было около трехъ часовъ дня. Я, бывшій

тогда штабнымъ полковымъ писаремъ, и мой товарищъ только что вошли въ канцелярію. Вдругъ зазвонилъ телефонъ, и изъ сосѣдняго села Лапово намъ дали знать, что Престононаслѣдникъ только что былъ у нихъ и уѣхалъ въ направленіи Свилайнца.

Мы не успѣли и оглянуться, какъ передъ окнами канцеляріи остановился автомобиль. Улыбающійся и бодрый, Престононаслѣдникъ быстро вошелъ къ намъ.

Мы смутились, такъ какъ старшій, тотъ, кто долженъ былъ подойти съ рапортомъ, еще отдыхалъ въ сосѣдней съ канцеляріей комнатѣ.

Престононаслѣдникъ посмотрѣлъ на насъ, подождалъ, потомъ засмѣялся и, отвернувшись къ стѣнѣ, сталъ разсматривать карту.

Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся намъ вѣчностью, дверь смежной комнаты открылась — и Престононаслѣдникъ, не переставая улыбаться, принялъ рапортъ.

Самый строгій разносъ не могъ бы имѣть такихъ послѣдствій, какъ улыбка, съ какой смотрѣлъ Престононаслѣдникъ на заspanные глаза нашего старшаго товарища“.

„Однако апогея своего достигла наша любовь къ Престононаслѣднику послѣ албанскаго перехода, послѣ того, какъ каждый изъ насъ получилъ медаль съ надписью:

„Своимъ боевымъ товарищамъ — Александръ“.

Я видѣлъ, какъ многіе рыдали надъ этой надписью. Слезы не проронили, когда покидали родной край, семьи на произволъ судьбы, умирающихъ друзей... А, получивъ эту медаль, плакали.

Подумать только: я — простой солдатъ и я — другъ, товарищъ Короля!..

Гдѣ, въ какой исторіи, у какого народа былъ такой совершенный примѣръ равенства и братства!“ — съ жаромъ воскликнулъ бывшій унтеръ-офицеръ.

„Зато и любили мы Его, какъ Короля и какъ Друга, дороже Котораго нѣтъ никого на свѣтѣ!“

„Война кончилась.

Прошло лѣтъ десять.

Однажды нѣсколько человекъ насъ, боевыхъ товарищей, съѣхалось въ г. Лесковцѣ.

Мы сидѣли за столикомъ передъ рестораномъ и говорили о своихъ затрудненіяхъ и житейскихъ невзгодахъ.

Улица стала наполняться людьми, и вдали показалась процессія. Шли социалисты.

Мы прочли ихъ лозунги и продолжали сидѣть. Посмотрѣли другъ на друга: среди насъ было много горячихъ головъ, но на груди у каждаго висѣла медаль: „Своимъ боевымъ товарищамъ — Александръ“.

Въ тотъ моментъ мы поняли, что мы — друзья Короля до смерти, всегда и во всемъ“.

ПРЕСТОЛОНАСЛѢДНИКЪ, во время военныхъ операций подъ г. Крушевцомъ, поздно вечеромъ обходилъ окопы.

Весь день шелъ дождь. Вечеромъ началась перестрѣлка.

Проходя вдоль окоповъ, Престолонаслѣдникъ видѣлъ однообразныя фигуры солдатъ.

Но въ одномъ изъ окоповъ, къ Своему великому изумленію, Онъ замѣтилъ рядомъ съ солдатомъ женскую фигуру.

Престолонаслѣдникъ подошелъ ближе.

Немолодая женщина — крестьянка проворно и сосредоточенно работала руками и что-то подавала, стоявшему рядомъ съ ней, солдату.

Солдатъ стрѣлялъ часто и увѣренно.

— Что ты тутъ дѣлаешь, тетушка? — спросилъ Престолонаслѣдникъ.

Женщина подняла голову.

— Пришла провѣдать сына. Мы — изъ ближняго села. Да, вотъ, стрѣляютъ... Поздороваться, какъ слѣдуетъ, не дали.

Сынъ слегка толкнулъ мать и шепнулъ:

— Помолчи... Это — Престолонаслѣдникъ.

Женщина не смутилась.

— Вишь, — продолжала она, — дождливое время стоитъ. Пули то у него всѣ заржавѣли. Надо ихъ почистить...

И крестьянка снова принялась перетирать пули концомъ своего грубаго шерстяного передника.

— Ты — герой, тетушка! — взволнованнымъ голосомъ сказалъ ей Престолонаслѣдникъ.

— Э, что я за герой! — возразила женщина. — Я — только сербка и Жикина мать.

.

Этотъ случай былъ не единичнымъ. Сербскія женщины, дѣйствительно — героини.

Когда военныя операции происходили вблизи ихъ селъ, — матери, жены, сестры приходили въ окопы помогать своимъ близкимъ. Другія съ начала кампаніи сражались, какъ рядовые солдаты. Онѣ бывали ранены, искалѣчены; были среди нихъ — убитыя...

В ОЙНА была кончена.

Престолонаслѣдникъ ѣхалъ изъ Южной Сербіи въ столицу. Крестьяне одного села, лежащаго въ сторонѣ отъ большой дороги, рѣшили попросить Престолонаслѣдника свернуть въ ихъ село.

Раннимъ утромъ вышла на большую дорогу депутація крестьянъ. Ждали все утро, весь день. Пали сумерки.

Наконецъ, вдали показался долгожданный автомобиль. Онъ шель съ такой скоростью, что у крестьянъ пропала надежда задержать его.

Кто-то горько вздохнулъ.

И вотъ, когда автомобиль почти поравнялся съ группой крестьянъ, одинъ изъ нихъ неожиданно упалъ поперекъ дороги.

Шофферъ поспѣшно затормозилъ автомобиль, который едва не раздавилъ лежавшаго.

Престолонаслѣдникъ почти на ходу соскочилъ на землю.

— Что съ тобой? Зачѣмъ ты бросился подъ колеса? — наклонился Онъ къ лежавшему.

— ... Только чтобъ видѣть Тебя, Высочество! — отвѣчалъ крестьянинъ.

— Но вѣдь ты рисковалъ жизнью!

— Не бѣда! На войнѣ насъ больше умирало...

Подошли остальные крестьяне.

Престолонаслѣдникъ измѣнилъ маршрутъ и посѣтилъ маленькое село.

Н АСТУПИЛА весна 1918 года. Послѣ двухлѣтняго затишья, сербамъ удалось убѣдить союзное командованіе въ необходимости возобновить операціи на Салоникскомъ фронтѣ. Произошелъ, такъ называемый, „прорывъ команднаго состава союзниковъ“.

Первая атака Сербской и Союзной арміи произошла 1-го сентября 1918 года. 17-го сентября капитулировали, разобщенные съ нѣмцами, болгары. Сербская армія прошла всю Македонію и въ три дня заняла крѣпость Нишъ.

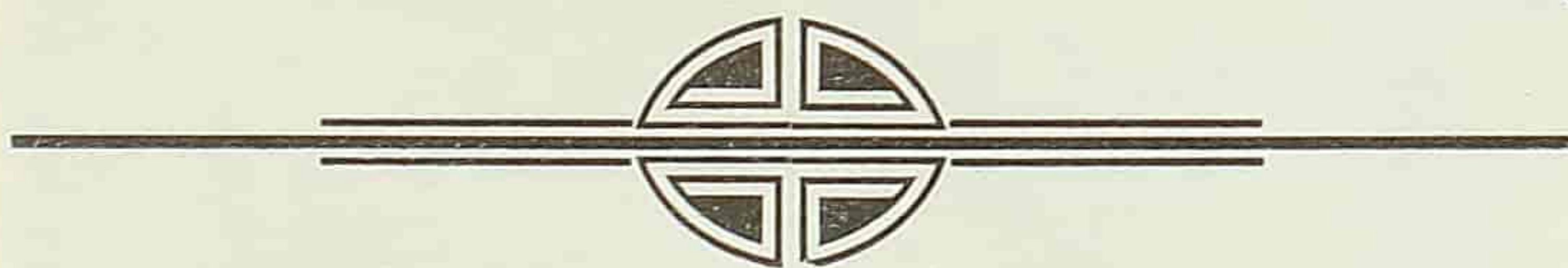
Сербы продвигались ежедневно на 15-20 километровъ впередъ и подъ Нишемъ опередили Союзныя войска на 250 километровъ. Союзное командованіе хотѣло остановить сербовъ, но на этотъ разъ Регентъ-Престолонаслѣдникъ отвѣчалъ:

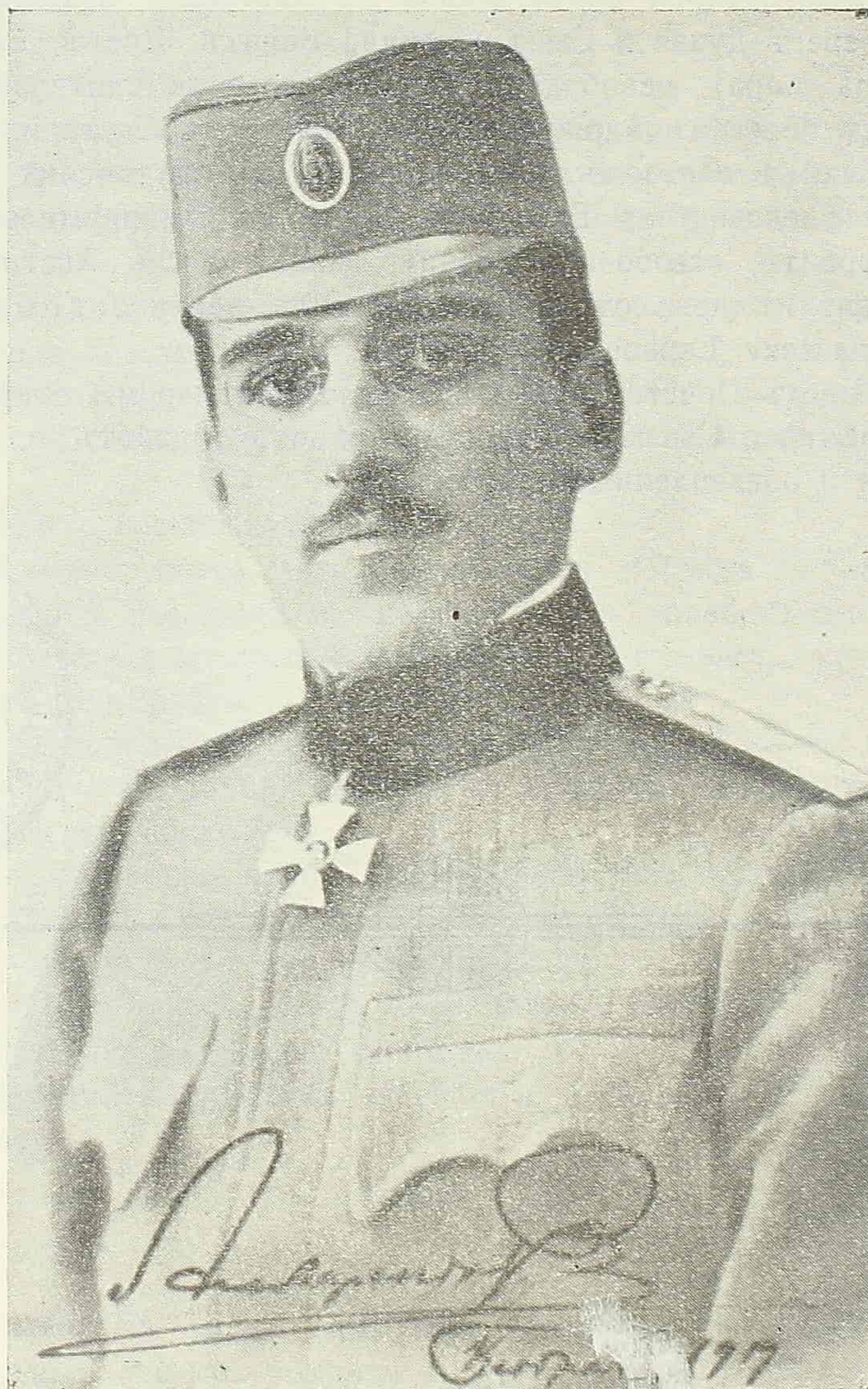
— Нѣтъ силы, которая могла бы задержать Мою армію!

19-го октября сербы вошли въ Бѣлградъ; потомъ перешли на лѣвый берегъ Дуная и Савы и заняли Банатъ, Сремъ, Бачку (Венгрія просила мира), освободили Черногорію и побѣдителями вышли еще разъ къ берегамъ Адриатическаго моря — въ Скутари.

Такимъ образомъ, меньше, чѣмъ въ два мѣсяца Престононаслѣдникъ Александръ и Его армія уничтожили непріятеля на Салоникскомъ фронтѣ, освободили Родину, заняли часть Австро-Венгрии, открыли тылъ нѣмцевъ съ юга и совершили великое доброе дѣло: ускорили развязку Европейской войны.

Передъ Престононаслѣдникомъ Александромъ открылось новое поле заботъ о Своемъ тріединомъ народѣ и заботъ о, ставшихъ бездомными и обездоленными, русскихъ.

М ОЛОДОЙ русской полковникъ.

Блѣдный, болѣзненнаго вида. Говоритъ тихимъ, прерывающимся голосомъ.

„... Между Полтавой и Кіевомъ я былъ раненъ. Девять ранъ; попалъ подъ пулеметъ“.

Полковникъ сконфуженно останавливается, точно проситъ извиненія за то, что съ нимъ случилось такое несчастье.

„Отправили меня въ Севастополь; оттуда — въ Варну. Въ Варнѣ наскоро перевязанныя раны стали нестерпимо болѣть. Я чув-

ствовалъ, что мнѣ нуженъ серіозный и систематическій уходъ. Температура подымалась. Я плохо соображалъ, что дѣлаю.

Помню вышелъ какъ-то на улицу и добрался до вокзала. Тамъ увидѣлъ товарный вагонъ; перевозили имущество какого-то музея.

Безъ визы, крадучись забрался я въ вагонъ, спрятался между пакетами и доѣхалъ до Бѣлграда. Въ Бѣлградъ, союзный и почему-то близкій Бѣлградъ, безъ думъ, но всей душой стремился я тогда.

Бывшій россійскій военный агентъ помѣстилъ меня въ больницу, а когда раны стали заживать, меня перевели въ лазаретъ Краснаго Креста, которымъ завѣдовала Н. В. Духонина; лазаретъ этотъ находился въ Топчидерѣ. Тамъ я дождался дня, когда мнѣ позволили ходить.

На костыляхъ, съ трудомъ передвигался я, жадно вбирая въ себя впечатлѣнія окружающей меня славянской — новой, но понятной жизни.

Однажды я вышелъ за предѣлы лазарета. По широкой дорогѣ навстрѣчу мнѣ шелъ автомобиль. Еще за нѣсколько шаговъ увидѣлъ я красивое лицо Престононаслѣдника и, вытянувшись, насколько мнѣ позволяли костыли, всталъ во фронтъ.

Черезъ нѣсколько дней я опять былъ на прежнемъ мѣстѣ, и опять мимо меня проѣхалъ молодой Престононаслѣдникъ.

— Черезъ полчаса Регентъ поѣдетъ обратно, сказалъ мнѣ въ этотъ день жандармъ.

Мнѣ очень хотѣлось еще разъ увидѣть Королевича Александра, и я рѣшилъ ждать. Между тѣмъ, погода измѣнилась; подулъ вѣтеръ, и началъ накрапывать дождь. Когда вдали показался Королевскій автомобиль, дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Я спрятался между деревьями и оттуда смотрѣлъ на дорогу. Престононаслѣдникъ, однако, замѣтилъ меня и приказалъ шофферу остановиться.

— Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь въ такую погоду? — съ ласковой укоризной спросилъ Онъ меня.

Я объяснилъ.

— Но вѣдь вы можете простудиться. Гдѣ вы живете?

Узнавъ, что въ ближайшемъ лазаретѣ, Престононаслѣдникъ улыбнулся и спросилъ:

— Въ которомъ часу вы ложитесь обычно спать?

— Въ девять часовъ, Ваше Высочество.

— Завтра ляжете позднѣе. Завтра въ девять часовъ Я приѣду къ вамъ пить чай. А теперь садитесь, Я васъ довезу.

Но отъ грязи и дождя мой костюмъ принялъ такой видъ, что я не могъ согласиться.

На другой день вечеромъ мы ждали Престононаслѣдника. Всѣ, кто могъ держаться на ногахъ, стояли радостно-взволнованной

группой. Престононаслѣдникъ вошелъ, улыбаясь. Улыбаясь, протянулъ руку каждому изъ насъ.

Его улыбки нельзя забыть. Въ ней было что-то безконечно-доброе, притягательное и неповторимое.

Смущеніе первыхъ минутъ прошло. Мы живо отвѣчали на вопросы Престононаслѣдника; рассказывали Ему о себѣ, о фронтѣ, о надеждахъ, еще пламенныхъ въ 1919 году...

— А вы, маленькій полковникъ, чѣмъ любите заниматься въ свободное время? — спросилъ Престононаслѣдникъ меня.

— Я рисую. Но, къ сожалѣнію, здѣсь у меня нѣтъ красокъ.

Престононаслѣдникъ пріѣзжалъ къ намъ въ лазаретъ нѣсколько разъ.

Когда я сталъ двигаться свободнѣе, по распоряженію Королевича Александра меня перевезли въ прекрасную климатическую санаторію въ Илиджъ; перевезли въ королевскомъ автомобилѣ, въ кратчайшій срокъ.

„Въ Илиджѣ меня ждали новые знаки вниманія и милости Престононаслѣдника. Все было предоставлено мнѣ бесплатно: комната, питаніе, денщикъ. Даже въ парикмахерской и кондитерской съ меня не брали денегъ, если я заходилъ туда. Первое время я стѣснялся и ѣлъ самые дешевые обѣды. Но вскорѣ получилъ нагоняй отъ Престононаслѣдника и приказаніе питаться, какъ слѣдуетъ и по возвращеніи показаться Ему.

Я пробылъ въ Илиджѣ три мѣсяца.

— Поправились, но не такъ, какъ бы Я хотѣлъ, — сказалъ, увидя меня послѣ санаторіи, Престононаслѣдникъ.

Потомъ, сдѣлавъ шагъ ко мнѣ, Онъ произнесъ грустнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Вашего Государя Императора Николая II, Который могъ бы достойно наградить Васъ, нѣтъ... За Него и вмѣсто Него Я жалуя васъ орденомъ Бѣлаго Орла (4-ой степени) съ мечами.

Нѣтъ словъ, чтобы передать мои тогдашнія чувства восторга, благодарности и безпредѣльной любви къ молодому Монарху“, взволнованно говоритъ полковникъ.

„Но долгъ офицера и любовь къ Россіи были у меня всегда на первомъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ на фронтъ въ армію генерала Врангеля.

Я получилъ еще портретъ Короля съ Его подписью и письмомъ, датированное 30 октября 1920 года. Письмо Собственноручное, составленное въ теплыхъ, не Монарху присущихъ, выраженіяхъ“.

... „живя здѣсь, Вы могли убѣдиться въ томъ, что сербскій народъ питаетъ глубокія чувства симпатіи къ Вашей великой Родинѣ. Славяне Юга помогутъ Россіи... Вы можете рассчитывать на нихъ“.

„Когда я пріѣхалъ на фронтъ, то засталъ эвакуацію въ пол-

номъ разгарѣ“, продолжаетъ свой разсказъ полковникъ. „Со всѣми вмѣстѣ я оказался въ Константинополѣ. Положеніе было тяжелое. Раны мои открылись. Я сталъ искать возможности получить визу въ Югославію. Вмѣсто визы, пришла личная телеграмма отъ Короля. Захвативъ съ собой нѣсколько человѣкъ офицеровъ, я вторично уѣхалъ въ Бѣлградъ.

За время моего отсутствія Король увидѣлъ у супруги б. російскаго посла мою копию Сѣровскаго портрета Государя Императора Николая II. Королю она очень понравилась, и Онъ взялъ ее Себѣ. Узнавъ, что это — моя работа, Король улыбнулся и кивнулъ головой: — А, маленькій полковникъ. Знаю, знаю...

Король уѣхалъ за границу, былъ серьезно боленъ и много дѣлалъ государственныхъ и важныхъ, казалось, поглотили все Его вниманіе.

Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ моего вторичнаго пріѣзда въ Бѣлградъ, меня вызвала къ Себѣ Сестра Короля, Великая Княгиня Елена Петровна. Подавая большой заграничный и дорогой ящикъ красокъ, Великая Княгиня сказала:

— Братъ просилъ передать вамъ.

Этотъ ящикъ я берегу, какъ святыню — со слезами на глазахъ и совсѣмъ тихо произноситъ полковникъ.

Судьбѣ угодно было, чтобъ въ этотъ второй пріѣздъ на мою долю долго не выпадало счастья получить аудіенцію у Короля.

Однажды я опять сталъ на пути слѣдованія королевскаго автомобиля. Король увидѣлъ меня, узналъ и въ тотъ же день принялъ меня во Дворцѣ.

— Какъ долго вы въ Бѣлградѣ?

— Два мѣсяца, Ваше Величество.

Съ лица Короля сбѣжала улыбка, и съ большимъ участіемъ Онъ сталъ спрашивать меня о членахъ Императорской Семьи, объ арміи Врангеля, о судьбѣ отдѣльныхъ полковъ, о моихъ родныхъ.

— Какую работу хотѣли бы вы получить здѣсь? — участливо спросилъ меня Король.

— Я былъ бы счастливъ получить самое маленькое мѣсто, — скромно отвѣчалъ я. — Вѣдь на большее я уже не гожусь...

— Полно, полно! — съ живостью перебилъ меня Король и крѣпко сжалъ мои руки.

Говорили, что Король хотѣлъ оставить меня при Себѣ. Но есть воля Рока, которая подчиняетъ своей власти жизни отдѣльныхъ маленькихъ людей.

Потянулись дни, печальные для меня дни ожиданія и безработицы.

— Вы похудѣли, Мой полковникъ. Ужъ не больны ли вы? — замѣтилъ, увидя меня еще разъ, Король.

Я продавалъ тогда послѣднія вещи, чтобы прокормиться.

Наконецъ, я получилъ мѣсто въ „Державной Статистикѣ“.

Короля я встрѣчалъ потомъ въ Офицерскомъ Собраніи, на торжественныхъ засѣданіяхъ и въ церкви. Съ неизмѣнной добротой Онъ подходилъ ко мнѣ и милостиво бесѣдовалъ.“

Полковникъ встаетъ и показываетъ мнѣ два портрета Короля съ Собственноручной надписью на каждомъ, письмо Короля и краски.

„Вотъ — то видимое, что осталось у меня“... — дрогнувшимъ голосомъ говоритъ полковникъ.

„Его смерть... Я еще не могу думать о ней...“

Полковникъ закрываетъ рукой глаза и молчитъ нѣсколько мгновений.

„И все-таки не могу объяснить себѣ, чѣмъ я заслужилъ такое счастье, такое вниманіе къ себѣ и ласку Короля. Это — въ прошломъ; но это было... Это непонятное счастье...“

Я стараюсь не смотрѣть на полковника и обвожу глазами стѣны его комнаты.

Комната — скромная, бѣженская; но она богата воспоминаньями. На стѣнахъ, этажеркахъ, на столахъ стоятъ рѣдкіе портреты членовъ Императорской и Королевской Семей Художественные портреты. Прекрасные глаза прекрасныхъ лицъ.

За окномъ сгущаются сумерки, и похоронной тѣнью темнѣютъ каштаны...

ПОСЛѢ эвакуаціи и трагическаго для Русской арміи 1920 года, въ Бѣлградъ пріѣхалъ русскій докторъ, прошедшій съ Престононаслѣдникомъ и Регентомъ Александромъ всѣ этапы Великой войны на Балканахъ.

Услышавъ о пріѣздѣ доктора, Король немедленно пригласилъ его во Дворецъ.

— Сколько дней вы въ Бѣлградѣ, докторъ? — съ безконечной теплотой въ голосѣ спросилъ Король.

— Дней десять, Ваше Величество.

— И до сихъ поръ не пришли ко мнѣ!.. — съ укоризной продолжалъ Король. — Развѣ вы забыли, что связывало насъ раньше?

Докторъ смущенно посмотрѣлъ на свой старый, потрепанный костюмъ.

— Мнѣ не въ чемъ было явиться, Ваше Величество — съ трудомъ сказалъ онъ. — И къ тому же мое положеніе теперь измѣнилось: я — больше не гражданинъ Великой Россіи...

— Сейчасъ вы для Меня дороже, чѣмъ были до сихъ поръ, — живо перебилъ доктора Король. — Сейчасъ, когда вы —

больше не гражданинъ Вашей Великой Страны, когда у васъ нѣтъ друзей — помните, что у васъ остался Я...

С ПУСТЯ немного времени, и русскій докторъ получилъ практику въ Югославіи.

На очередной аудіенціи Король милостиво и, какъ показалось доктору, очень долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Помня, что время Короля рассчитано и боясь злоупотребить добротой Короля, докторъ заторопился уходить.

Король, улыбаясь, удерживалъ его, но потомъ отпустилъ.

Выйдя затѣмъ въ смежную залу, Король, съ Ему одному присущей простотой, спросилъ Своего стараго знакомаго:

— Скажите пожалуйста, какое важное дѣло было у доктора? Почему онъ такъ скоро ушелъ?

.

Король наградилъ доктора орденомъ „Югославянской Круны IV степени“.

Въ орденской грамотѣ, въ графѣ: по чьему представленію награждается — стоитъ:

„желая дать доказательство Нашего Королевскаго благоволенія“...

Этой особой Милости Короля удостоились многіе русскіе, поступившіе на сербскую службу.

П ОСЛѢ революціи, рассказываетъ Г. А. Моллеръ, я очутился въ Югославіи.

„**П**риѣхалъ въ Бѣлградъ.

Первымъ желаніемъ моимъ было повидать моего школьнаго Друга — Престононаслѣдника и Регента Александра.

Я пришелъ во Дворецъ и расписался въ книгѣ посѣтителей. На другой день я получилъ письмо отъ Маршала Двора, въ которомъ послѣдній извѣщалъ, что Регентъ назначилъ мнѣ аудіенцію въ 6 часовъ вечера.

Въ назначенное время я былъ во Дворцѣ. Вошелъ Королевичъ. Онъ мало измѣнился и остался прежнимъ, добрымъ Александромъ.

Онъ принялъ меня очень сердечно и пригласилъ обѣдать. Когда я обратился къ Нему со словами: „Ваше Королевское Высочество“, Онъ остановилъ меня.

— И тебѣ не стыдно, Моллеръ, такъ называть своего стараго школьнаго Друга! Для тебя Я былъ и остался только Александромъ.

Въ 1923 году у меня родился сынъ. Согласно желанію Короля, я немедленно извѣстилъ Его объ этомъ. Въ отвѣтъ получилъ телеграмму: „Прошу назвать Александромъ. Я — крестный отецъ“.

„О КОРОЛѢ Александрѣ говорятъ, какъ о Герое, Витязѣ, какъ о Великомъ Дѣятелѣ“, грустно поникнувъ головой, дѣлилась со мной своими воспоминаніями подруга дѣтскихъ лѣтъ Короля.

„Мнѣ хочется къ Его характеристикѣ прибавить еще одну черту: не всѣ знали, что Король Александръ былъ рѣдкимъ Джентельменомъ и Рыцаремъ по отношенію къ женщинамъ.“

Не могу забыть одной аудіенціи.

Молодой Король, улыбаясь, встрѣтилъ меня у дверей. Пододвинувъ столикъ для куренія, Онъ раскрылъ ящикъ.

— Благодарю Васъ, Ваше Величество, я не курю, — сказала я.

— А Мнѣ позволите? — спросилъ Король.

Подобный вопросъ большинство мужчинъ произноситъ почти машинально и часто, не ожидая отвѣта дамы, зажигаетъ папиросу.

А Король не протягивалъ руки къ ящику, пока я, вѣроятно, очень смущенная, не произнесла всѣхъ, принятыхъ въ такихъ случаяхъ, словъ. Но и, выслушавъ меня, Король, не закурилъ.

— Нѣтъ, Я не буду курить. Я это могу сдѣлать позже. Вы поете, и Вамъ можетъ быть непріятенъ дымъ.

И я не могла разубѣдить Его. Въ тотъ разъ мы говорили о счастіи. Я была уже замужемъ. Король былъ помолвленъ.

— Вы будете счастливы, Ваше Величество. Вы должны быть счастливы, — говорила я.

— Счастье рѣдко бываетъ удѣломъ королей, — глядя прямо передъ собой, отвѣчалъ Король.

Мы вспоминали наше дѣтство, годы ученія, проведенные за границей.

— Когда Я еще разъ увижу васъ, Мой другъ? — спросилъ Король, провожая меня.

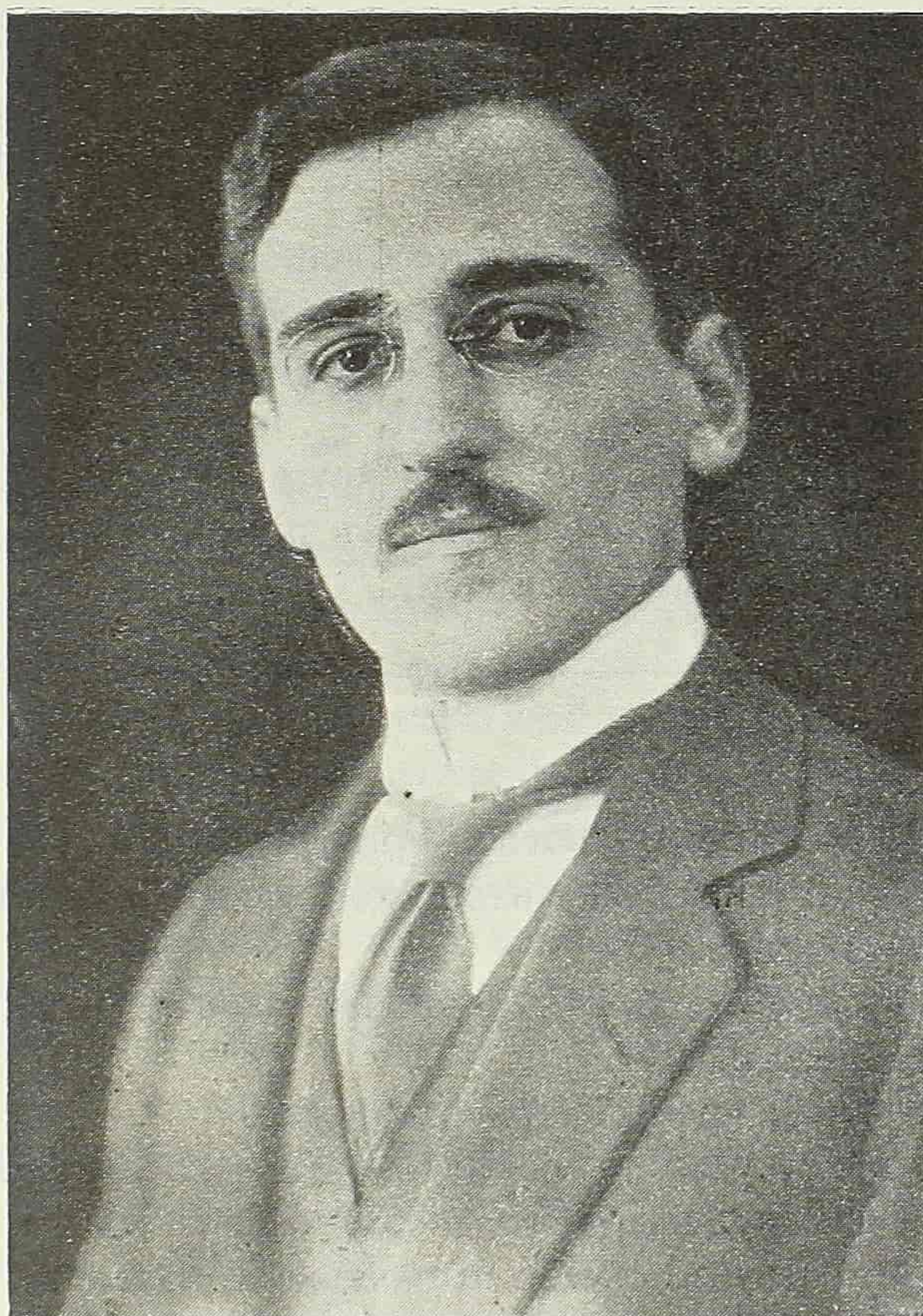
Я была молода и въ тотъ день мнѣ было непонятно весело.

— Я была бы счастлива, Ваше Величество, видѣть Васъ ежедневно, — дѣлая глубокой реверансъ, отвѣчала я.

— Король разсмѣялся и спросилъ, нѣтъ ли у меня какого-нибудь болѣе исполнимаго желанія.

— Есть, Ваше Величество, — отвѣчала я, подумавъ. — Подарите мнѣ, пожалуйста, папиросу, которую Вы давеча предложили!

Король взялъ мою сумочку, раскрылъ, расправилъ ее содержимое и положилъ туда папиросу изъ Своего ящика.

Восемь лѣтъ потомъ я носила эту сумочку, не прикасаясь къ тому, что было внутри...“ — тихо говоритъ дама.

„Помню, какъ я рассказывала объ этомъ, продолжаетъ она дальше, въ присутствіи одной иностранки, недавно пріѣхавшей въ Югославію.

— Вы говорите о Королѣ съ такимъ восторгомъ, потому что Онъ — Король... — сдѣлала предположеніе иностранка.

— Нѣтъ, — отвѣчала я. — Оттого, что Онъ — Король, я привыкла сдерживать мой восторгъ...“

.....

„Шли года.

Король пользовался каждымъ относительно свободнымъ днемъ, каждой возможностью, чтобъ посѣщать Свой народъ. Онъ любилъ ходить Одинъ, безъ провожатыхъ и свиты.

Мы всѣ, кто ближе зналъ Короля, дрожали за Его жизнь“.

Въ голосѣ дамы послышались слезы; пальцы ея нервно сжимали и разжимали платокъ.

— Ваше Величество, какъ Вы не боитесь за Свою жизнь, которая драгоценна для столькихъ миллионовъ людей!... — рѣшилась какъ-то я сказать Королю.

— Я боюсь одного, — серьезно отвѣтилъ мнѣ Король, — какъ бы Я не сталъ бояться...

— И потомъ, — послѣ небольшого молчанія грустно продолжалъ Король, — Я такъ рѣдко бываю свободенъ, и, Мнѣ кажется, такъ мало времени могу удѣлять посѣщеніямъ Моего народа; гораздо меньше, чѣмъ этого хотѣлось бы Мнѣ.

— ... Я очень усталъ, Мой другъ, — сказалъ мнѣ въ тотъ разъ Король, — и Мнѣ было бы совсѣмъ плохо, если бъ не Королева, Добрая Королева Моя и Моихъ дѣтей..."

БЪЛГРАДЪ. Вскорѣ послѣ пріѣзда первой группы русскихъ эмигрантовъ, по Александровской улицѣ медленно шла скромно одѣтая дама.

Все въ дамѣ: прическа, покрой платья, манеры и даже походка выдавали русскую.

Мимо дамы прошли три офицера.

— Здравствуйте! — поклонился средній офицеръ.

Дама взглянула на Него и задрожала.

— Здравствуйте, Ваше Королевское Величество! — со слезами на глазахъ и протянувъ впередъ руки, отвѣтила она.

Король оглянулся и, улыбаясь, еще разъ приложилъ руку къ козырьку.

ЯСНЫЙ осенній день. По одной изъ аллей Топчидера шли бабушка съ внукомъ.

Вдругъ они услышали отчаянный дѣтскій плачь и сердитый женскій голосъ.

Ребенка били.

Бабушка и внукъ поспѣшили впередъ. Но наперерѣзъ имъ, изъ боковой аллеи быстрыми шагами вышелъ Офицеръ.

Онъ подошелъ къ разсерженной женщинѣ и вырвалъ изъ ея рукъ пруть.

— Довольно! Не смѣй больше бить дитя!

— Это мой ребенокъ. Почему Вы мѣшаете мнѣ?... — запротестовала женщина.

— Молчи! — прикрикнулъ Офицеръ.

Избитый ребенокъ поднялъ заплаканное личико.
— Кралю!.. — застѣнчиво и нѣжно произнесъ онъ.
— Добрый Король! — прошептала чужая бабушка.

Въ русской церкви молилась дѣвочка.
Высокая и худенькая, она казалась старше своихъ лѣтъ.
Особенно старило ее выраженіе безысходнаго горя, смотрѣвшаго изъ печальныхъ глазъ, сквозившаго въ каждой складкѣ поношеннаго платица, вѣявшаго отъ всей ея бѣдной, жалкой фигурки.

Дѣвочка молилась истово и жарко, не отводя глазъ отъ скорбнаго Лика Спасителя.

Въ русской церкви служили панихиду по убіеннымъ Вождямъ Бѣлаго движенія. И на панихиду пріѣхалъ Король.

Прошелъ незамѣтно на клиросъ и оттуда увидѣлъ дѣвочку. Добрымъ сердцемъ Своимъ почувствовалъ ея горе и приказалъ узнать: о чемъ такъ не по-дѣтски можетъ молиться дитя?

Оказалось, что дѣвочка окончила основную школу. Дома была нужда, та вопіющая нужда, которая толкаетъ большихъ людей на самоубійства и другіе поступки противъ природы своей и чужой.

А дѣвочкѣ хотѣлось учиться.

Книгъ, знаній, гимназической жизни, хотѣлось больше, чѣмъ иногда голодному хочется хлѣба.

Король послалъ ей значительную сумму денегъ.

Прошло больше десяти лѣтъ.

Король умеръ.

Дѣвочка выросла; вышла замужъ. Мужъ — шофферъ потерялъ работу. Маленькій ребенокъ. Опять нужда, голодъ...

Взявъ на руки дитя, несчастная женщина пришла въ приемную хорошо всѣмъ русскимъ извѣстнаго дома.

— Я — та, чья молитва когда-то тронула Короля...

Во Имя Короля еще разъ ей была оказана помощь.

Король умеръ, но помогать продолжаетъ... изъ гроба.

ЭТО было въ 1921 году.

Молодой Король выѣхалъ верхомъ на прогулку. Онъ удалился на довольно приличное разстояніе отъ Бѣлграда, когда замѣтилъ, что навстрѣчу Ему приближается, запряженная парой, телѣга.

Внезапно лошади испугались и понесли. Телѣга опрокинулась

и полетѣла въ ровъ; лошади оторвались и въ мгновенье ока скрылись изъ глазъ. Хозяинъ бросился за ними.

Король увидѣлъ, что на дорогѣ остался выведенный изъ телѣги снопъ соломы, изъ подъ котораго высовывался кусокъ рядна. Подъ рядномъ и соломой кто-то шевелился и стоналъ.

Король соскочилъ съ сѣдла и подошелъ ближе. Развернувъ солому, Онъ увидѣлъ женщину съ пылающимъ лицомъ и, повидимому, безъ сознанія...

Король Своими руками сдѣлалъ ей изголовье, уложилъ поудобнѣе и сталъ ждать крестьянина. Послѣдній долго не появлялся.

Наконецъ, ему удалось поймать лошадей и, громко жалуюсь на свою судьбу, онъ вернулся къ опрокинутой телѣгѣ.

— „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“, — съ горечью сказалъ крестьянинъ. — Вотъ заболѣла жена. Везу ее въ городъ, въ больницу, а тутъ — новое горе...

Король помогъ крестьянину поднять и уложить въ телѣгу больную женщину. Далъ денегъ на лѣченіе.

А черезъ недѣлю заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Доктора долго не могли понять: гдѣ и какъ заразился Король?

Король перенесъ болѣзнь, но осложненія послѣ тяжелой формы тифа остались. Они подтачивали организмъ Короля, и Онъ страдалъ отъ нихъ до трагическаго конца Своей жизни*

Въ 1922 году, вскорѣ послѣ бракосочетанія съ принцессой Маріей Румынской, Король принималъ во Дворцѣ депутацію крестьянъ изъ Славоніи. Пришло 300 человекъ. Одинъ изъ нихъ, въ дѣдовскомъ домѣ котораго нѣкогда, еще подъ именемъ Петра Мрконица, былъ Король Петръ-Освободитель, приблизился къ Королю и сказалъ:

— Давно уже я далъ завѣтъ поцѣловать руку Короля, который подаритъ намъ наивысшее благо — свободу. Такъ какъ Короля Петра нѣтъ уже въ живыхъ, я прошу Ваше Величество, протянуть мнѣ руку, въ которой я вижу символъ державной мощи объединеннаго народа.

Вмѣсто отвѣта, Король обнялъ крестьянина и поцѣловалъ его.

Пришедшіе крестьяне принесли Королю въ видѣ свадебнаго подарка бѣлую подушку изъ деревенскаго холста съ вышитыми на ней золотомъ буквами „А“ и „М“.

Король былъ въ отличномъ расположеніи духа, расспрашивалъ крестьянъ объ урожаѣ, цѣнахъ на хлѣбъ, объ ихъ нуждахъ и въ заключеніе посовѣтовалъ почаще пріѣзжать въ Бѣлградъ, чтобы ближе познакомиться съ мѣстнымъ населеніемъ.*

УПРАВЛЯЮЩІЙ Королевскимъ имѣніемъ въ Опленцѣ жилъ въ небольшомъ уютномъ домикѣ, вблизи Королевской виллы.

Король часто бывалъ въ этомъ домикѣ, подолгу бесѣдовалъ со старичкомъ управляющимъ и, въ особенности, съ его женой, душевный и умственный складъ которой располагалъ къ себѣ Король. Приходя къ старичкамъ, чтобы передать имъ Свои желанія о мѣстѣ, гдѣ и какъ разбить паркъ или Свои соображенія о какой-либо постройкѣ, Король незамѣтно втягивался въ разговоръ, далекій отъ темъ повседневной жизни.

Идеалистически настроенная жена управляющаго имѣла счастье понимать Короля съ полуслова и цѣлыми часами бесѣдовать съ Нимъ. Чаще всего ихъ разговоръ принималъ философски-религіозное направленіе, при чемъ обнаруживалось полное сходство во взглядахъ Молодого Короля и пожилой русской дамы. Много и часто говорили они о безсмертіи души.

Когда Король собирался уходить, и Его собесѣдница подходила съ Нимъ къ калиткѣ, то нерѣдко бывало, что здѣсь ей приходили въ голову самыя неопровержимыя доказательства вѣчнаго бытія души. Король слушалъ, соглашался и замѣчалъ:

— Рѣшительно вы, русскіе, не умѣете прощаться сразу. Нужно будетъ поставить скамейку здѣсь, у калитки.

Скамейку поставили, и прощальные разговоры удлинились.

Когда жена управляющаго серьезно захворала, Король ежедневно пріѣзжалъ навѣщать больную.

Узнавъ, что она довѣряетъ только проф. Игнатовскому, Король привезъ профессора въ Своемъ автомобилѣ.

Но возрастъ больной былъ преклоннымъ, и 63-хъ лѣтъ отъ роду она скончалась. Черезъ полгода послѣ ея смерти умеръ и ея мужъ.

Честные и благородные люди, они были совершенными безсребренниками и не оставили послѣ себя никакого имущества. Ихъ сыну-студенту пришлось бы прекратить посѣщеніе лекцій, если бы объ этомъ своевременно не узналъ Король. Онъ помогъ юношѣ окончить университетъ и поступить на службу.

Пріѣзжая потомъ въ Опленецъ, Король съ грустью останавливался около заколоченнаго домика и двухъ могилъ у подножія Опленца.

Король заказалъ Своимъ умершимъ друзьямъ прекрасный памятникъ и велѣлъ перенести и поставить около ихъ могилъ скамейку, стоявшую раньше у калитки.

Король садился на нее и вспоминалъ...

ОДНО время жила въ Опленцѣ вдова русскаго священника, мать четверыхъ дѣтей.

Въ 1919 году большевики разстрѣляли ея мужа за то, что онъ открыто осуждалъ безбожіе и безчинства и проповѣдовалъ Слово Божіе. Мужественный священникъ зналъ, что его ожидало, но, какъ Пастырь Добрый, онъ не покидалъ своей скромной сельской паствы.

Его убили. Потомъ арестовали жену, и тѣло убитаго сожгли.

Несчастливая женщина не помнила себя отъ горя. Въ душѣ ея еще звучали предсмертныя слова мужа: „Господь не оставитъ дѣтей“; а жизнь становилась съ каждымъ днемъ все страшнѣй и непосильнѣй.

Но Богъ сжалился надъ бѣдной вдовой, и она получила работу въ Хабаровскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ стали учиться два ея сына.

Корпусъ сначала перевели во Владивостокъ, а потомъ эвакуировали въ Шанхай.

Тамъ, въ далекомъ Китаѣ, въ корпусной церкви вдова услышала о намѣреніи Его Величества Короля Югославіи взять корпусъ подъ Свое покровительство.

Со всѣми дѣтьми вдова совершила почти кругосвѣтное путешествіе и, приѣхавъ въ Югославію, поселилась въ Опленцѣ.

Король часто приѣзжалъ въ Опленецъ отдыхать отъ государственныхъ дѣлъ и помолиться у могилы Своего Отца.

Бывая тамъ, Король заходилъ въ семью управляющаго Его имѣніемъ, гдѣ увидѣлъ вдову священника и узналъ объ ея страшномъ горѣ.

Какъ-то глубокой осенью, въ день именинъ замученнаго священника Король приѣхалъ въ Опленецъ и передалъ черезъ управляющаго Свой первый денежный даръ вдовѣ.

Вскорѣ послѣ этого Король лично посѣтилъ вдову. Увидѣвъ Короля, бѣдная женщина разрыдалась.

Король успокоилъ ее, обласкалъ и обѣщавъ позаботиться объ образованіи ея дѣтей.

Впослѣдствіи Король помогъ вдовѣ вылѣчить заболѣвшую дочь. Узнавъ, что вдова страдаетъ ревматизмомъ, Король послалъ ее на курортъ.

Религіозно настроенная семья молилась на Короля и видѣла въ Немъ Божественное воплощеніе предсмертныхъ словъ мученика - отца.

Память о Королѣ въ этой семьѣ священна.

У г. Гроцка производились археологическія раскопки. Король Александръ, интересовавшійся ими, не разъ посѣщаль село Винчи, гдѣ работали археологи.

Однажды на пути черезъ Гроцка Король остановился у городской электрической станціи, которой завѣдовалъ одинъ русскій инженеръ. Въ моментъ пріѣзда Короля завѣдующій находился въ механической мастерской и былъ занятъ дѣломъ, не относящимся къ его специальности и прямымъ обязанностямъ: онъ скатывалъ шарики дробы.

Увидѣвъ Короля, инженеръ вскочилъ съ мѣста.

— Здравія желаю, Ваше Королевское Величество! — по-русски, съ видимымъ смущеніемъ проговорилъ онъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? — по-сербски спросилъ Король.

— Дробь, Ваше Величество... Я былъ недоволенъ моимъ охотничьимъ ружьемъ и передѣлалъ его; а теперь готовлю для него дробь.

Король вскинулъ глазами на завѣдующаго, осмотрѣлъ мастерскую и пожелалъ видѣть другія помѣщенія станціи.

Невдалекѣ отъ домика завѣдующаго Король замѣтилъ пасѣку.

— А это что такое?

— Это я, Ваше Величество, немного занимался пчеловодствомъ, — отвѣчалъ инженеръ.

— Кто вамъ дѣлалъ ульи?

— Да все я. Кому жъ другому? — развелъ руками инженеръ.

Король подошелъ ближе.

— Образцовые ульи. Гм... а что вы еще умѣете дѣлать?

Инженеръ смущенно оглянулся.

— Мебель, Ваше Величество... Я вотъ всю обстановку сдѣлалъ самъ, — открывая дверь своего домика, сказалъ инженеръ.

— Да, вы, Я вижу, мастеръ на всѣ руки, — съ улыбкой осматривая обстановку, произнесъ Король.

— Вотъ еще, Ваше Величество, — нерѣшительно продолжалъ хозяинъ, — занавѣси, покрывало, скатерть... — это тоже мои издѣлія.

Король пришелъ въ очень хорошее настроеніе духа и съ интересомъ присматривался къ странному завѣдующему электрической станціей.

— У васъ, вѣроятно, имѣется какое-нибудь желаніе? — спросилъ на прощанье Король.

— Да, Ваше Величество! Я хотѣлъ бы попасть въ штатъ... — робко попросилъ инженеръ.

— Это, кажется, желаніе всѣхъ русскихъ, — замѣтилъ Король. — Всѣмъ помочь нельзя, а о васъ Я подумаю, — ласково посмотрѣвъ еще разъ на завѣдующаго, сказалъ Король.

Адъютантъ Короля записалъ фамилію инженера и данныя объ цензѣ и стажѣ.

Но когда всё пришли на вокзалъ, тотъ же адъютантъ по-
дозвалъ къ себѣ инженера.

— Немедленно идите домой и принесите сюда свои бумаги.
Король приказалъ.

Потомъ протянулъ инженеру конвертъ съ 1000 динарѣ.

— А это Король передаетъ вамъ на покупку новаго охотни-
чьяго ружья и дрови къ нему.

„И СТОРІЯ моя самая обнаковенная,“ стала рассказывать про-
стая русская женщина. „Конецъ вотъ только чудесный.
Приѣхали мы съ мужемъ въ эту землю-королевство. Стали
оное работать. Я — больше по хозяйству; онъ, по муж-
скому положенію, то ли на постройкѣ, то ли улицы асфальтомъ по-
ливаетъ.

Жили мы такъ, не помню, сколько годовъ. Тутъ намъ ко
времени Господь ребенка послалъ. Очень желали мы ребеночка; потому —
бездѣтныя были. Въ скорости мой мужъ, замѣсто, чтобы радоваться,
возьми да и заболѣй! Продуло его гдѣ или тяжелое что поднялъ, а
только внутренность у него вся попортилась.

Ну, поболѣлъ онъ, поболѣлъ, сколько полагается (дохтура
даже звали); да и померъ.

Осталась я съ дитѣмъ одна. Куда ни ткнусь — нигдѣ съ
ребенкомъ не принимаютъ. Тутъ стала я женщину одну — старушка
такая — просить: — возьми за ради Христа дитѣ къ себѣ. Платить,
говорю, буду.

Ну, стала я по домамъ ходить. Кому бѣлье постирать, кому
полы подмыть. Хоть не сыто, а все-таки жили. Анъ тутъ, случись,
зимой, и меня прохватило. Кашель сталъ одолѣвать. Какъ советъ меня,
какъ советъ... ну, разогнуться никакъ не могу. И въ домахъ стала я
нежелательна. Рабочая женщина здоровая требуется.

А ѣсть - пить надо. И опять же дитѣ... Стала я изъ дому
все выносить. Повѣрите ли, милая барыня, стола, стула не осталось!
Вчистую распродалась.

Лежу это я на доскахъ, газетами укрываюсь. Вдругъ прихо-
дитъ ко мнѣ старушка эта самая, что дитѣ мое держитъ.

— Ты что, говоритъ, какъ принцесса колодой лежишь!..
Помочь сама, что - ли, къ тебѣ придетъ?

— Да гдѣ мнѣ искать помочи - то этой? — заплакала я.

— Къ Королю поиди! Во Дворецъ...

Тутъ я и замолчала. Въ умѣ, думаю, тронулась старушка моя.
А на другой день — эво: приходитъ, дитѣ принесла и на голову пла-
токъ дала, какъ же! Вывела на улицу.

— Иди! — говоритъ.

И какъ я шла — не помню. Совсѣмъ безчувственная была. А только пришла. Вижу — Дворецъ и кругомъ люди, все незнакомые. Однако жъ, вѣжливые, понимающіе.

— Вамъ, говорятъ, госпожа, въ канцелярію надо.

И какъ въ канцелярію привели — тоже не вспомню. Только подняла я глаза — передо мной Король. Ну, такой, какъ на картинкахъ рисуютъ. Очень на Себя похожій.

Сталь Онъ меня спрашивать. Королеву велѣлъ кликнуть. Королева изъ Себя очень красивая, а ужъ до чего добрая! Такъ слезки въ глазахъ и стоятъ...

Тутъ ребеночка у меня живымъ манеромъ взяли, а меня — въ санаторію; на поправку, значитъ.

На другой день корзину мнѣ прислали изъ Дворца, изъ самага: съ бѣльемъ и вещами для меня и ребенка.

А какъ стала я поправляться, цѣльный капиталъ получила: три тыщи... Построила я себѣ „халупу“.

Тутъ въ скорости мнѣ мѣсто дворничихи вышло. Халупу теперь я сдаю чужимъ людямъ, въ наймы.

М ОЛОДОЙ русскій инженеръ кончилъ лѣсное отдѣленіе Бѣлградскаго Университета. Три года онъ былъ безъ службы. Семья: жена и дочь терпѣли всевозможныя лишенія. Наконецъ, инженеръ получилъ временную, всего на полгода, работу въ Комиссіи по разграниченію лѣса. И эта служба кончилась...

Стояла осень. Лилъ дождь. Кругомъ было такъ безпросвѣтно, какъ въ душѣ молодого инженера.

И вотъ въ одинъ изъ мрачныхъ дней въ комнату инженера поспѣшно вбѣжалъ взволнованный и радостный его помощникъ.

— Король... Король здѣсь! — крикнулъ онъ.

— Вы шутите? Въ такой ливень!.. — не повѣрилъ инженеръ.

— Да нѣтъ же! Король съ Королевой. Промокли... Сидятъ теперь въ нашей избушкѣ.

Оказалось, что утромъ того дня въ Бѣлградѣ была отличная погода. Король и Королева отправились на прогулку въ автомобилѣ. Королева управляла.

Вдругъ полилъ дождь. Проселочныя дороги быстро испортились. Автомобиль увязъ въ грязи. Король вышелъ изъ автомобиля и, какъ былъ, въ одномъ спортивномъ костюмѣ, подъ проливнымъ дождемъ отправился искать ближайшую жандармскую станцію. Тамъ Его вначалѣ не узнали, но все-таки послали въ село за волами, которые вытащили автомобиль.

Жандармъ посовѣтовалъ Королю обсушиться и переждать непогоду въ избушкѣ комиссіи по разграниченію лѣса.

Тамъ Король разговорился со всѣми лѣсничими и, въ частности, съ русскимъ; узналъ объ его безвыходномъ положеніи.

— Постараюсь оказать вамъ протекцію, — улыбаясь, сказалъ на прощанье Король и записалъ фамилію инженера.

Дальше все произошло, какъ въ сказкѣ: Инженеръ сталъ штатнымъ служащимъ и по интервенціи Короля получилъ прекрасное мѣсто въ окрестностяхъ Загреба.

О ДНАЖДЫ Король былъ въ банѣ. Когда Король ушелъ, банщикъ, убирая помѣщеніе, нашелъ двѣ тысячи динарѣ. Онъ поспѣшилъ отнести деньги дежурному адъютанту Короля.

— Король не забылъ, а оставилъ эти деньги вамъ, — сказалъ банщику адъютантъ.

З ЕМУНЪ. Въ маленькомъ домѣ старой постройки жилъ небогатый русскій учитель.

Все, что было ему дорого, что давало смыслъ жизни, осталось далеко, на Родинѣ.

Учитель недавно женился, и весь неизрасходованный запасъ нѣжности перенесъ на молодую, добрую и веселую жену.

И вотъ жена заболѣла. У нея появилась какая-то злокачественная кожная болѣзнь, изуродовавшая молодое лицо.

Учитель водилъ жену къ докторамъ Земуна и Бѣлграда, совѣтовался со специалистами, пробовалъ различные способы лѣченія. Напрасно! Ничто не помогало. Раны на лицѣ не затягивались, а расширялись, точно кто-то незамѣтно подрѣзалъ ножомъ ихъ края.

Врачи совѣтовали учителю везти жену за границу, называли свѣтилъ, которымъ извѣстны способы лѣченія этой странной и рѣдкой болѣзни.

Ихъ совѣты приводили въ отчаяніе учителя. Онъ зарабатывалъ мало; имъ едва хватало на жизнь; затянувшаяся болѣзнь жены стоила дорого. О поѣздкѣ за границу нечего было и думать.

Учитель возвращался домой разстроеннымъ и убитымъ, а дома видѣлъ заплаканные глаза и бинты на миломъ лицѣ.

Однажды онъ заговорилъ о болѣзни жены въ присутствіи лица, часто бывавшаго при Дворѣ. Господинъ этотъ оказался весьма отзывчивымъ и въ тотъ же день, сопровождая въ Тополу Королевскую Семью, рассказалъ о несчастіи русскаго учителя.

Король приказалъ выдать учителю три тысячи динаръ на поѣздку за границу и лѣченіе его жены.

Молодая женщина выздоровѣла.

НѢСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ передъ зданіемъ Военнаго Министерства нѣкими злоумышленниками были брошены двѣ бомбы. Одна изъ нихъ взорвалась немедленно; другая лежала на землѣ. Мѣсто катастрофы оцѣпили и послали за техническимъ экспертомъ, который долженъ былъ разрядить снарядъ. Таковымъ оказался одинъ русскій майоръ, служившій въ Военномъ Министерствѣ.

Бомба лежала, пока посылали за майоромъ; лежала, пока онъ шелъ, взволнованный и поблѣднѣвшій. А когда подошелъ вплотную, бомба взорвалась и смертельно ранила майора.

Раненаго немедленно перевезли въ лѣчебницу.

Вечеромъ того же дня, узнавъ о катастрофѣ, въ лѣчебницу пріѣхалъ Король, долго совѣтовался съ врачами, съ болью смотрѣлъ на умирающаго и, уѣзжая, приказалъ узнать о семьѣ майора.

РУССКІЙ юноша. Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ лишился матеріальной и моральной поддержки. Самъ добывалъ средства къ существованію; самъ, безъ помощи старшихъ, подготовился и выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости („большую матуру“). Мечталъ стать священникомъ.

Его призвали для отбыванія воинской повинности. Истощенный и худой, съ узкой грудной клѣткой и дѣтскимъ вѣсомъ, онъ произвелъ на комиссію неудовлетворительное впечатлѣніе. Его забраковали. И вотъ, когда онъ стоялъ передъ комиссіей, неожиданно пріѣхалъ Король.

Всѣ поспѣшили Ему навстрѣчу, а нашъ юноша, забывъ, гдѣ онъ находится и въ какомъ видѣ стоитъ, вытянулся и по старой, еще кадетской привычкѣ воскликнулъ:

— Здравія желаю, Ваше Королевское Величество!

Быстрыми шагами Король подошелъ къ нему.

— Русскій? Да? Но почему такой худой?

Юноша вспомнилъ тяжелые мѣшки на пристани и синіе рубцы отъ нихъ, мѣшавшіе спать. Вспомнилъ стужу и замерзавшія руки на постройкѣ моста черезъ Саву. Вспомнилъ службу телеграфиста на забытой всѣми глухой станціи, ночныя дежурства, глаза, слипавшіеся отъ желанья заснуть и полудѣтскихъ слезъ. Многое вспомнилъ...

Но развѣ королямъ можно говорить о мелочахъ нашей повседневной жизни? Ихъ время такъ драгоцѣнно.

А Король смотрѣлъ. Смотрѣлъ внимательнымъ, вопрошающимъ и добрымъ взглядомъ.

— Почему худой?

Юноша вспомнилъ готовую, тоже изъ корпуса, фразу.

— Не могу знать, Ваше Королевское Величество!

Король отошелъ и, обратившись къ доктору, сказалъ нѣсколько словъ.

— Постарайтесь хорошенько о немъ!

Юношу послали въ санаторію, одну изъ лучшихъ въ Королевствѣ, откуда онъ вышелъ здоровымъ, окрѣпшимъ и еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ прежде: Добрый Король убитъ... Его нѣтъ больше.

Б ЪЛГРАДЪ. Въ старомъ Дворцѣ работали маляры. Двое изъ нихъ были русскими, товарищами по кадетскому корпусу. Въ разгаръ работы маляры замѣтили, что кто-то унесъ ихъ кисти. Они стали искать кисти и незамѣтно перешли на русскій языкъ. Ихъ услыхалъ проходившій мимо Король. Ему понравилась работа молодыхъ маляровъ и узнавъ, что они — люди со среднимъ образованіемъ и круглыя сироты, Король спросилъ:

— А не хотѣли бы вы продолжать образованіе?

Маляры вспыхнули отъ радости.

— Я съ дѣтства мечталъ объ Академіи Художествъ, — несмѣло сказалъ одинъ изъ нихъ.

— А я — объ авіаціи, — произнесъ второй.

Король послалъ ихъ учиться въ Бельгію.

Н А красивѣйшемъ побережьи Боки Которской, въ Герцегнови жила маленькая хромая дѣвочка. У нея не было ни отца, ни матери. Воспитывала ее тетка, женщина суровая и скупая. Съ ранней весны до поздней осени заставляла она сиротку продавать цвѣты богатымъ посѣтителемъ курорта.

Хромую цвѣточницу всѣ знали. Хотя цвѣты ея были не всегда свѣжи и не такъ разнообразны, какъ у другихъ, за ней оставалось лучшее мѣсто — противъ самой большой гостиницы.

Ея цвѣты покупали, потому что ей было восемь лѣтъ, потому что она предлагала ихъ надтреснутымъ дѣтскимъ голосомъ, потому, наконецъ, что она будила жалость своимъ физическимъ недостаткомъ, уменьшавшимъ и безъ того ея маленькій ростъ.

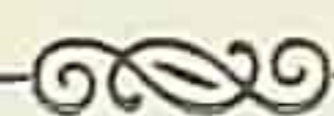
Однажды въ Герцегнови прѣхалъ Король. Изъ оконъ самой большой гостиницы Онъ увидѣлъ маленькую цвѣточницу.

Король купилъ всѣ ея цвѣты и приказалъ Своему адъютанту узнать о семейномъ положеніи дѣвочки, а докторамъ — осмотрѣть ея больную ножку.

Оказалось, что дѣвочка жила въ нищенскихъ условіяхъ, и что увѣче ея — результатъ голодной жизни — излѣчимо.

Король послалъ дѣвочку въ санаторію, а когда она, дѣйствительно, совершенно выздоровѣла и окрѣпла, Король сдѣлалъ ее Своей питомицей и далъ возможность получить законченное образованіе.

Все это было бы похоже на сказку, если бы не имѣло мѣста въ жизни, если бъ не повторялось постоянно на добрыхъ путяхъ Добраго Короля.

УТОМЛЕННЫЙ дневными заботами, Король вышелъ какъ-то подъ вечеръ на прогулку.

Пѣшкомъ, въ штатскомъ костюмѣ, безъ свиты Король шелъ по Авальскому шоссе, ласково и внимательно всматриваясь въ лица прохожихъ.

На „сѣдмомъ километрѣ“ отъ Авалы Король увидѣлъ сидѣвшаго подъ липой пожилого крестьянина.

— Добрый вечеръ, дядюшка! — привѣтливо произнесъ Король, опускаясь на траву рядомъ съ крестьяниномъ.

Послѣдній тотчасъ пододвинулъ къ Королю хлѣбъ и сыръ, которымъ закусывалъ.

— Угощайтесь!

— Спасибо! Я недавно ѣлъ, — поблагодарилъ Король и спросилъ крестьянина, откуда онъ и какъ его зовутъ?

— Меня? — переспросилъ крестьянинъ.

— Ну да, тебя!

Крестьянинъ отвѣтилъ.

— Куда идешь теперь? — продолжалъ спрашивать Король.

— Въ Бѣлградъ, Господинъ.

— По дѣлу?

— Да какъ сказать... — замялся крестьянинъ. — И будто бы по дѣлу, и нѣтъ...

— Да ты не бойся! — ободрялъ его Король. — Скажи Мнѣ съ глазу на глазъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — собравшись съ мыслями, началъ крестьянинъ. — Составилъ я этой ночью планъ: непременно идти къ Королю, увидѣть Его и все Ему рассказать... Но, чтобъ попасть во Дворецъ, мнѣ нужно что-нибудь придумать и обмануть стражу...

— Ну, въ этомъ дѣлѣ Я могу тебѣ помочь. У Меня много знакомыхъ въ Бѣлградѣ, — успокоилъ его Король. — Только Ты скажи Мнѣ, зачѣмъ хочешь видѣть Короля?

— Вотъ, какая оказія вышла, — заговорилъ крестьянинъ, понизивъ голосъ. — Вчера жена родила мнѣ девятаго сына. Я и надумалъ просить Короля быть кумомъ. Авось, думаю, и мнѣ перепадетъ бороду подстричь.

Король весело разсмѣялся и всталъ.

— Ну, куманекъ, поздравляю! Незачѣмъ тебѣ идти въ Бѣлградъ. Отправляйся-ка домой по-добру, по-здорову; поздравь отъ Меня твою хозяйку. Маленькаго назови Александромъ, а это прими отъ Меня на крестины.

И Король далъ счастливому отцу два золотыхъ дуката.

Крестьянинъ сначала опѣшилъ, а потомъ прослезился и сталъ ловить руку Короля.

— Дай мнѣ поцѣловать руку, которая управляетъ моею страной!

— Оставь это! — не позволилъ Король. — Кумовья дѣлаютъ такъ... — и Король крестъ-накрестъ расцѣловался съ названнымъ кумомъ.

КОРОЛЬ искалъ случая оказывать помощь бѣднѣйшимъ людямъ Своей земли.

Самъ вышедшій изъ народа и никогда отъ народа не уходившій, Онъ зналъ, что характерной чертой славянина (которой не могло стереть многовѣковое рабство), является чувство собственного достоинства и гордость.

Поэтому, Король часто помогалъ неимущимъ подъ видомъ благодарности за оказанное Ему гостепріимство.

Бывшій военный агентъ вспоминаетъ, какъ послѣ счастливаго окончанія Балканской войны молодой Престононаслѣдникъ во время одной загородной экскурсіи увидѣлъ старуху албанку, которая пекла „ущипцы“ (оладьи). По просьбѣ Престононаслѣдника, албанка, съ видимымъ удовольствіемъ, предложила это народное кушанье своимъ нежданымъ гостямъ. Престононаслѣдникъ щедро расплатился за угощеніе.

И впоследствии Король нерѣдко останавливался въ полѣ и принималъ участіе въ скудной трапезѣ Своихъ крестьянъ.

Уходя на работу, югославскіе крестьяне берутъ съ собою „заstrуги“ (круглыя деревянныя коробки) съ сыромъ, чеснокомъ и кукурузнымъ хлѣбомъ — „проей“.

Почти всегда неузнанный, Король присаживался къ крестья-

намъ, закусывалъ съ ними, спрашивая о дѣлахъ и, уходя, щедро платилъ „за хлѣбъ - соль“.

И долго потомъ озадаченные крестьяне смотрѣли Ему вслѣдъ.

КОРОЛЬ Александръ очень цѣнилъ народныя преданья. Въ Его большомъ и добромъ сердцѣ одинаково находили мѣсто повѣрья православныхъ и католиковъ, людей духовныхъ и свѣтскихъ, грамотныхъ и простого народа.

По пути изъ Печи въ Призренъ въ густомъ лиственномъ лѣсу находится лучшій памятникъ средневѣковаго сербскаго искусства — монастырь „Высокіе Дечане“.

Этотъ монастырь сооруженъ за упокой души Стефана Дечанскаго, сына Короля Милутина и отца Царя Душана Сильнаго. Главнымъ архитекторомъ этой православной святыни былъ, какъ ни странно, католическій монахъ изъ Котора.

Храмъ строили восемь лѣтъ и окончили при царѣ Душанѣ.

Послѣ Косовской битвы вдова князя Лазаря, княгиня Милица принесла въ даръ храму двѣ большихъ свѣчи съ изображеніемъ Стефана Дечанскаго и сербскимъ гербомъ на каждой изъ нихъ.

Свѣчи поставили по обѣимъ сторонамъ богатаго иконостаса. Княгиня Милица завѣщала, чтобы эти свѣчи зажегъ тотъ, кто освободитъ Косово.

И вотъ настала день, когда, освободивъ Родную Землю, въ „Высокіе Дечане“ пришелъ Герой и Витязь - Король Александръ. На глазахъ у радостно возбужденнаго народа Онъ зажегъ завѣтныя свѣчи княгини Милицы.*

ГИДРОТЕХНИЧЕСКІЯ работы, производимыя въ южной Сербіи, привлекали къ себѣ вниманіе Короля.

Когда Король былъ въ селѣ Рахче и обстоятельно спрашивалъ дѣлопроизводителя общины о работахъ и урожаѣ, къ Нему приблизился одинъ албанецъ и попросилъ подольше остаться въ ихъ мѣстахъ.

— А какова у васъ охота? — улыбаясь, спросилъ Король.

— Отличная. Надо только выждать, чтобъ выпалъ первый снѣгъ.

Албанецъ скрылся и черезъ нѣсколько минутъ появился вновь, неся большого зайца.

— Вотъ, Государь! Поймалъ сегодня утромъ и счастливъ подарить его Вашему Величеству.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это для тебя, — пытался отказаться Король.
— Государы! Богъ и Король — выше всего на свѣтѣ. Я буду несчастенъ, если Вы не примете зайца, — настаивалъ мусульманинъ.
— Ну, если такъ, принимаю съ удовольствіемъ. Спасибо! — отвѣтилъ Король и далъ албанцу золотой.*

Въ окрестностяхъ Бледа происходила охота. Въ одномъ мѣстѣ на стражѣ стоялъ солдатъ, молодой деревенскій паренъ. Скучая отъ бездѣлья, онъ свернулъ папироску и сталъ шарить по карманамъ, ища спичекъ. Ихъ не было. Вдали показался автомобиль. Солдатъ сталъ посерединѣ дороги и поднялъ вверхъ руку.
— Что случилось? — спросилъ шофферъ, останавливая автомобиль.

— Огонька бы мнѣ, братокъ...
Сидѣвшій внутри Офицеръ разсмѣялся и далъ солдату прикурить.

— Что ты тутъ дѣлаешь?
— Да какъ тебѣ сказать... — протянулъ солдатъ, съ удовольствіемъ раскуривая папиросу. — Стою на часахъ. Говорятъ, Король поѣдетъ...

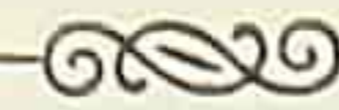
— Куда?
— Право не знаю. Мнѣ не сказали. Въ Бѣлградѣ, вѣроятно... Офицеру, видимо, нравился разговоръ, и Онъ не торопился уѣзжать.

— Ну что Король? Видѣлъ ли ты Его?
— Никогда! — рѣшительно отвѣчалъ солдатъ, принявъ непринужденную позу.

— Король передъ тобой! — вполголоса произнесъ второй офицеръ, сидѣвшій въ автомобильѣ.

— Эхъ, братокъ, не сталъ бы я курить передъ Королемъ! — возразилъ солдатъ.

Но мгновенье спустя онъ стоялъ, вытянувшись во фронтъ и широко раскрывъ глаза... Папироска дымилась у его ногъ. Автомобиль укатилъ.*

ШОФФЕРЪ одного частнаго автомобиля возвращался изъ Аранджеловца въ Бѣлградъ; онъ везъ двухъ пассажировъ. Въ дорогѣ моторъ испортился. Осмотрѣвъ машину, шофферъ пришелъ къ неутѣшительному выводу: дальше ѣхать нельзя было.

Ничего другого не оставалось, какъ сидѣть и ждать попутнаго автомобиля.

Черезъ нѣкоторое время показалась сильная красивая машина. Шофферъ издали залюбовался ея ходомъ.

Когда машина поравнялась, шофферъ увидѣлъ Короля и вскочилъ съ мѣста.

— Здравія желаю, Ваше Величество!

— Плохо дѣло? — успѣлъ спросить Король.

— Плохо... — безнадежно отвѣтилъ шофферъ.

— Подождите, пошлемъ на помощь!.. — высунувшись изъ окна, крикнулъ Король.

И, дѣйствительно, не прошло и двадцати минутъ, какъ показался одинъ изъ дворцовыхъ автомобилей, который довезъ потерпѣвшихъ до Бѣлграда.

— Знаете, — рассказывалъ потомъ шофферъ, — часто обыкновенные путники, выѣхавшіе для развлечения, не хотятъ оказать помощи и даже остановиться, когда видятъ своего собрата въ бѣдѣ. А тутъ Король, самый занятой человѣкъ въ государствѣ, справился о нашей неприятности и выручилъ насъ.*

КОРОЛЬ Александръ обладалъ исключительной памятью. Разъ увидавъ человѣка, Король навсегда запоминалъ его лицо и спустя много лѣтъ безошибочно вспоминалъ, при какихъ обстоятельствахъ видѣлъ его впервые.

Такъ Король помнилъ почти всѣхъ солдатъ, промелькнувшихъ передъ Его глазами въ Балканскую и въ Великую войны.

По прошествіи десяти и больше лѣтъ, Король съ удовольствіемъ узнавалъ старыхъ соратниковъ, шумадинцевъ, личанъ на постройкѣ желѣзной дороги или моста, на монтажѣ или въ рудникѣ.

— Откуда ты? Былъ ли на войнѣ? — спрашивалъ cadaго Король.

Однажды, ѣдучи въ Чачакъ, Король встрѣтилъ малоземельнаго крестьянина, который, въ поискахъ работы, пѣшкомъ направлялся въ городъ.

— Я изъ молодыхъ, но на Салоникскомъ фронтѣ былъ, — отвѣчалъ на вопросъ Короля крестьянинъ.

— Садись! Довезу тебя быстрѣй, чѣмъ дойдешь пѣшкомъ, — сказалъ Король.

НЕДАЛЕКО отъ Задра, въ селѣ Земуникѣ, жилъ необыкновенно одаренный мальчикъ — пастухъ. Простымъ крестьянскимъ ножикомъ вырѣзывалъ онъ изъ дерева диковинные узоры. Никто не могъ налюбоваться его издѣліями. Слухъ о немъ дошелъ до префекта г. Задра. Послѣдній предложилъ мальчику послать его учиться на казенный счетъ въ Римъ; но для этого пастухъ долженъ былъ принять итальянское подданство.

Мальчикъ отказался наотрѣзъ.

— Я рожденъ славяниномъ и никогда не буду итальянцемъ. Онъ продолжалъ пасти стада и вырѣзывать изъ дерева.

Отецъ зачастую бранилъ его и билъ, находя, что сынъ мало вниманія удѣляетъ овцамъ.

Случайно пріѣхалъ въ Задръ посланникъ Ватикана. Въ домѣ сербскаго консула онъ увидѣлъ рѣзныя работы талантливаго пастуха; онѣ ему чрезвычайно понравились. Уѣзжая въ Бѣлградъ, посланникъ взялъ съ собой нѣсколько работъ и на первой же аудіенціи показалъ ихъ Королю.

Король немедленно вызвалъ въ Бѣлградъ даровитаго пастуха и позаботился объ его образованіи; въ годы ученія онъ жилъ и питался въ королевскомъ дворцѣ.

Въ настоящее время молодой художникъ является гордостью Югославіи, какъ выдающійся скульпторъ.

СЕРБСКІИ народъ очень почитаетъ кумовство. „Кумомъ“ сербы называютъ и посаженнаго отца, и крестнаго. Безъ кума не рѣшается ни одного важнаго семейнаго вопроса. Кумъ является защитникомъ семьи, когда это нужно, другомъ, опекуномъ и даже судьей. Кума всѣ слушаются и уважаютъ.

Помимо „вѣнчаннаго“ и „крестнаго“ кума, въ сербской семьѣ нерѣдко бываетъ, такъ называемый, „стриженный“ кумъ — тотъ, кто первый подстригъ волосы годовалому ребенку. Званіе „стриженнаго“ кума такъ же почетно, какъ и вѣнчаннаго, въ особенности, если онъ подстригъ волосы старшему сыну или внуку въ семьѣ.

Однимъ лѣтнимъ утромъ Король отправился на прогулку въ окрестности Сараева. Недалеко отъ „Врелой Босны“ Онъ зашелъ отдохнуть въ домъ къ одному многосемейному крестьянину.

Разговорившись съ хозяиномъ и домочадцами, Король замѣтилъ маленькаго ребенка съ еще нетронутыми ножницами волосами. Король предложилъ дѣду ребенка „стриженное“ кумовство.

Вся семья потеряла голову отъ радости... Принесли ножницы, и Король по-старинному народному обычаю подстригъ волосы счастливому мальчугану.*

ТРУДНО представить себѣ сельскій край живописнѣе Шумадиі! Особенно хороша она весной, когда цвѣтутъ сады, когда ярко зеленѣютъ луга и, какъ бѣлыя невѣсты, стоятъ деревья по сторонамъ проселочныхъ дорогъ.

Въ этомъ Богомъ благословенномъ краѣ есть своя житница — Мачва. Много горя извѣдала Мачва, много крови впитала въ себя ея плодородная почва. Мачва помнитъ суровые вѣка чужеземнаго владычества, помнитъ героическіе подвиги послѣдней войны. И гордо высятся на ней стойкій, побѣдоносный Шабаць — югославскій Верденъ.

Весной въ Мачвѣ цвѣтутъ луга, и разливается многоводная Сава. Иногда разливы ея принимаютъ стихійные размѣры наводненія; рѣка сноситъ дома, деревья, деревни; гибнетъ скотъ; вновь и вновь бѣдствуетъ населеніе, точно чаша страданій его никакъ не можетъ наполниться до краевъ.

Въ 1925 году въ Мачвѣ было сильное наводненіе. Узнавъ о катастрофѣ, Король отправился въ затопленныя мѣста.

Ни въ чьемъ сердцѣ горе мачванцевъ не могло найти такого отклика, какъ въ сердцѣ Короля; ибо Онъ возлюбилъ Мачву двойной любовью: за ея прошлое и за настоящее.

Король ѣхалъ въ лодкѣ, останавливаясь у cadaго разрушеннаго дома, около каждой группы сокрушенныхъ, бездомныхъ людей.

— Много ли ты потерялъ? — спросилъ Король одного бѣдняка, укрывшагося съ женой и дѣтьми на небольшомъ холмикѣ.

— Нѣтъ, Государь, не очень много... Утонула только корова, двѣ козы, свинья...

— А ты говоришь: немного, — замѣтилъ Король.

— Конечно, немного, — стоялъ на своемъ крестьянинъ. Когда мы видимъ Нашего Короля, который печется о насъ въ бѣдѣ, всѣ наши потери кажутся намъ маленькими. На войнѣ, на примѣръ, я больше потерялъ и то живу, слава Богу...

— А что ты потерялъ на войнѣ? — спросилъ Король.

— Что было, то прошло, — тихо отвѣчалъ крестьянинъ. — Ногу потерялъ...

Тутъ Король обратилъ вниманіе, что у крестьянина одна нога была искусственная.

— Ну, этого я тебѣ вернуть не могу, — грустно произнесъ Король. — А все другое получишь.

Инвалидъ молодцевато выпрямился и весело отвѣчалъ:

— Много благодаренъ, Ваше Величество! А насчетъ ноги не извольте беспокоиться. Думаю, что она мнѣ больше не понадобится. Теперь намъ не на кого нападать, а убѣгать мы и раньше не умѣли.

Въ началѣ 20-ыхъ годовъ Король пріѣхалъ какъ-то на Опленецъ въ Страстную Субботу. Послѣ заутрени Король христосовался съ молящимися и раздавалъ крашеняя яйца.

Въ церкви было масса народа, и каждому хотѣлось похристосоваться съ Королемъ.

У самыхъ дверей церкви стояла дряхлая старушка, которую толпа все время отгѣсняла назадъ.

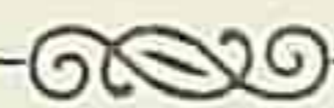
Король замѣтилъ старушку, сошелъ со Своего мѣста и черезъ всю церковь прошелъ къ ней.

— Христось Воскресе, бабушка! Какъ поживаешь?

Старуха заморгала глазами, сгоняя нахлынувшія слезы.

— Да какъ можетъ поживать мать, у которой убили единственнаго сына!... Вотъ пришла посмотрѣть на Тебя, Величество, и счастлива, что вижу...

Король приказалъ дать старухѣ денегъ и поправить ея избушку.

КОГДА шли работы по украшенію Храма - Усыпальницы на Опленцѣ, Король часто пріѣзжалъ туда. Въ штатскомъ, въ кепкѣ, безъ провожатыхъ, Король внѣшне мало отличался отъ рядового инженера. Такимъ увидѣлъ Короля пріѣхавшій однажды въ Опленецъ американскій журналистъ.

Съ трудомъ выговаривая сербскія слова, журналистъ обратился къ Королю съ вопросомъ: кѣмъ и когда было начато сооруженіе этого величественнаго Храма?

Король удовлетворилъ любопытство журналиста и, въ свою очередь, спросилъ, откуда онъ. Узнавъ, что журналистъ командированъ распространенной нью-іоркской газетой, Король перешелъ на англійскій языкъ. Обрадованный журналистъ подѣлился съ Королемъ своими впечатлѣніями о Храмѣ, Югославіи, о Молодомъ Королѣ, Котораго очень хотѣлъ бы видѣть...

— Но я слышалъ, что это — трудно, почти невозможно, — сказалъ журналистъ.

— Напротивъ, Король часто ходитъ одинъ, безъ свиты.

— Въ предѣлахъ Своего Дворца?

— Нѣтъ, всюду, и здѣсь въ Опленцѣ. А зачѣмъ вамъ хочется видѣть Его? — поинтересовался Король.

— Чтобы задать нѣсколько вопросовъ.

Въ глубокихъ глазахъ Короля пробѣжала улыбка.

— Если вы останетесь на этомъ мѣстѣ и будете задавать вопросы, то, увѣряю васъ, услышите отвѣты отъ Самого Короля.

Удивленный журналистъ растерянно оглянулся на всѣ стороны.
— О чемъ же вы хотѣли спросить Меня?... — раздался спокойный голосъ Короля.

ЮЖНАЯ Сербія — колыбель старой культуры и героическихъ воспоминаній. Множество храмовъ и монастырей повѣствуютъ о державной мудрости Неманичей и ихъ наслѣдниковъ. Южная Сербія богата узорами народныхъ одеждъ, искусными вышивками, рѣзными работами, фресками старыхъ храмовъ, прекрасными пѣснями и преданьями.

На югѣ находится Косово поле — мѣсто крестныхъ мукъ сербскаго народа и его воскресенія.

Понятно, что Король Александръ очень любилъ Южную Сербію и дорожилъ ея культурой. Онъ часто бывалъ на Югѣ, ободрялъ и ласкалъ населеніе, помогалъ нуждающимся и одареннымъ.

Однажды Король охотился сѣвернѣе Битоля. Около полудня Онъ спустился къ селу Цапара, гдѣ Ему былъ приготовленъ полевой обѣдъ.

Приходъ Короля привлекъ вниманіе четырехъ пастушатъ изъ села Цапара. Они оставили свои стада и робко приблизились къ Королю. Король сталъ ихъ спрашивать о семейномъ положеніи, возрастѣ и т. п.

— Собираетесь ли вы учиться послѣ окончанія основной школы? — спросилъ Король.

— Хотѣлось бы, да отецъ не позволитъ. Нужно пасти стадо, — отвѣчалъ самый шустрый.

— А сколько васъ братьевъ въ семьѣ?

— Четверо.

— Въ такомъ случаѣ, одинъ изъ васъ долженъ учиться дальше, — рѣшительно сказалъ Король. — Ты, на примѣръ, могъ бы поступить въ Подофицерскую школу. Потомъ можешь дослужиться до полковника.

У мальчика заблестѣли глаза.

— Это было бы отлично. Я хочу быть офицеромъ!

Королю понравились откровенность и простодушіе дѣтей. Онъ вынулъ билетъ въ 1000 динаръ и спросилъ:

— Знаете ли вы, что это такое?

Одинъ изъ пастушатъ перевернулъ билетъ и съ удовольствіемъ прочелъ:

— Тысяча динаръ.

— Сколько получитъ каждый изъ васъ, если раздѣлите поровну? — спросилъ Король.

— Раздѣлить - то мы сумѣемъ; мы — добрые товарищи, — отвѣтилъ старшій.

Но Королю хотѣлось знать, какъ справятся ребята съ ариѳметической задачей.

— Тотъ, кто раздѣлитъ быстрѣе всѣхъ и правильно, получитъ еще 100 динаръ.

— По двадцать пять „банокъ“ (десятидинарокъ), — подумавъ, отвѣтилъ самый младшій.

— Ему легко: онъ — сынъ торговца, — закричали товарищи. Король улыбнулся и далъ мальчугану еще 100 динаръ.*

Б ЛАЖЕННОПОЧИВШІЙ Король Александръ родился въ Черногоріи, въ г. Цетинье, на родинѣ Своей Матери Княгини Зорки. Когда Король бывалъ въ Черногоріи, населеніе ея не помнило себя отъ радости.

— Солнце наше небесное! Герой нашъ желанный! Сабля наша острая! Счастье Ты наше! — восклицали старыя черногорки, падая на колѣни.

Бывшая кормилица Короля увѣряла, что Король еще въ младенствѣ былъ такъ добръ и тихъ, какъ ни одно дитя на свѣтѣ.

— Сегодня Солнце меня озарило, и я могу умереть покойно, — сказала она, увидѣвъ Короля послѣ долгой разлуки.

Король обнялъ Свою кормилицу и долго разговаривалъ съ ней, находя много темъ, равно интересныхъ для Него — Великаго Короля и для простой старой женщины.

Въ другомъ селѣ навстрѣчу Королю и Королевѣ вышелъ старый знаменосецъ Короля Петра I. Онъ былъ въ богатомъ нарядѣ, дарованномъ ему Королемъ Петромъ, со звѣздой Карагеоргія на груди.

Король протянулъ руку старику.

Въ г. Никшичѣ Король увидѣлъ выстроенныхъ рядами героев - черногорцевъ. Впереди всѣхъ стоялъ внукъ Вука Мичуновича, воспѣтаго Нѣгошемъ въ „Горскомъ вѣнцѣ“ — Марко Мичуновичъ.

— Ты можешь, Государь, спать покойно, облокотясь о руку Черногоріи, — сказалъ Марко Королю.

— Да унаслѣдуетъ Твой Сынъ и нашъ Наслѣдникъ доблестныя качества Своего Отца и всего рода Карагеоргіевичей! — пожелалъ Марко на прощанье.

Король выслалъ славному командиру звѣзду Карагеоргія и орденъ Бѣлаго Орла.*

Н А берегу Адриатического моря находится знаменитый во многих отношеніяхъ г. Сплитъ. Здѣсь нѣкогда построилъ себѣ дворецъ и мавзолей римскій императоръ Діоклетіанъ. Здѣсь въ торжественные дни раздается звонъ „бумбала“, колокола въ 1400 klg. вѣсомъ, отлитаго въ XVII вѣкѣ.

Сплиту поручилъ Король Александръ хранить Югославское Адриатическое море.

Сплитъ видѣлъ Добраго Короля послѣдній разъ Живымъ и первый — Мертвымъ...

И хранитъ этотъ городъ трогательный разсказъ о добротѣ Короля.

Жила какъ-то въ Сплитѣ дѣвочка-сиротка. Не было у нея ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ.

Больше всего на свѣтѣ сиротка любила ученье и книги. Была очень способна.

И вотъ однажды во время приѣзда въ Сплитъ Короля Александра, сиротка приблизилась къ Нему и подала прошеніе. Дѣтскими словами писала она о своей любви къ ученю и о томъ, что въ Немъ — Королѣ она видитъ Отца и Защитника.

Потомъ прошло не мало времени.

Наступилъ день рожденія Короля, и сиротка получила три тысячи динаръ и увѣдомленіе о томъ, что принята въ Учительскую школу въ Скопльѣ, какъ королевская питомица.

Она съ успѣхомъ кончила школу и получила мѣсто.*

И въ государственной жизни, и въ частной Король Александръ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ югославскаго единства. Однажды, во время пребыванія Короля въ Загребѣ, тамъ былъ устроенъ большой балъ.

На балу къ Королю подошла одна дама и представилась:

— Я — сербка изъ Загреба.

— А Я, — съ милой улыбкой отвѣчалъ ей Король, — Хорватъ изъ Бѣлграда.*

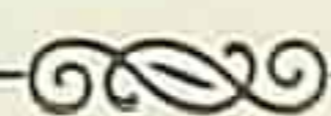

О ДНАЖДЫ Король, въ сопровожденіи маршала Двора, ѣхалъ въ г. Нишъ. Автомобиль шелъ быстро. Тѣмъ не менѣе, увидѣвъ по дорогѣ женщину съ ребенкомъ на рукахъ, Король приказалъ остановиться.

— Куда несешь ребенка? — спросилъ Король женщину.

— Въ городъ, въ больницу.
— Что съ нимъ? Покажи!
Крестьянка подошла ближе.
— Горить весь...
— Садись сюда! — показалъ Король женщинѣ на мѣсто въ автомобилѣ. — Пѣшкомъ ты и до вечера не дойдешь.
Женщина смутилась и стала отказываться.
— Господамъ будетъ неудобно...
Король настаивалъ и для убѣдительности привелъ сербскую пословицу: — „Въ избѣ всѣмъ довольно мѣста, если всѣ живутъ безъ бѣса“.

Женщина сѣла.
Дорогой Король смотрѣлъ на милое пылавшее личико ребенка.
Когда подѣхали къ больницѣ, Король лично распорядился, чтобы ребенку былъ предоставленъ внимательный уходъ.
Король нѣсколько дней оставался въ районѣ г. Ниша; Онъ ежедневно справлялся о здоровьѣ привезеннаго Имъ ребенка и былъ очень огорченъ, когда мальчикъ умеръ. На Королевскій счетъ тѣло ребенка было перевезено въ деревню къ матери.

УХОДЯ изъ Дворца, Король обыкновенно клалъ въ одинъ карманъ стодинарки, въ другой — билеты по тысячѣ динаръ; въ карманы тужурки — серебряныя пятидесятидинарки.

Однажды Король приѣхалъ на постройку новаго дворца въ Дединье. На боковой стѣнѣ полузаконченнаго дома, одна около другой, висѣли котомки рабочихъ.

— Посмотримъ, что они берутъ съ собой, уходя на цѣлый день, — предложилъ Король сопровождавшему Его маршалу Двора.

Развязали первую котомку. Въ ней былъ ломоть хлѣба, немного копченаго сала и соль въ тряпочкѣ.

— И этимъ долженъ быть сытъ человекъ, который работаетъ съ утра до вечера! — грустно замѣтилъ Король.

Во второй котомкѣ и сала не оказалось: только хлѣбъ, лукъ и небольшой кусокъ овечьяго сыра.

Въ третьей, четвертой котомкахъ было то же самое.

— Давай положимъ имъ денегъ! То-то обрадуются, когда развяжутъ... — сказалъ Король.

И Онъ вторично прошелъ вдоль боковой стѣны и въ каждую котомку опустилъ по крупной серебряной монетѣ или кредитному билету.

Потомъ Король тихо отошелъ въ сторону и официально появился передъ главнымъ фасадомъ.

У КОРОЛЯ былъ обычай, прїѣзжая на постройки, награждать всѣхъ рабочихъ. И послѣдніе это знали.

На живописномъ берегу Адриатическаго моря, къ югу отъ Будвы, Король выбралъ мѣсто (Милочеръ), гдѣ рѣшилъ построить виллу для Своей Семьи.

По Королевскому распоряженію, на работы брали нуждающихся жителей Приморья.

Когда приступили къ постройкѣ дома для свиты, въ Милочеръ прїѣхалъ Король. Въ полдень всѣ каменщики собрались на обѣдъ. Каждый нашелъ передъ своимъ мѣстомъ наполовину разрѣзанный хлѣбъ съ серебряной пятидесятидинаркой внутри.

ВЪ Опленецъ на работы нерѣдко присылали узниковъ. Король встрѣтилъ одного такого осужденнаго и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

Узникъ признался Королю въ преступленіи, которое онъ совершилъ, искренно раскаялся и просилъ помилованія.

Король пожалѣлъ его, простилъ и, наградивъ, отпустилъ домой.

ГУЛЯЯ по тропинкамъ въ окрестностяхъ Опленца, Король набрелъ на старую избушку, въ которой нашелъ только двухъ дѣтей.

— А гдѣ родители?

— Ушли на заработки, — отвѣчали дѣти.

Король приласкалъ малышей и оставилъ имъ денегъ. Впослѣдствіи Онъ повелѣлъ снести избушку и построить на ея мѣстѣ прочный домъ.

Когда дѣти подросли, Король опредѣлилъ ихъ въ школу.

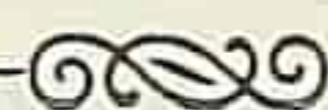
КОРОЛЬ Александръ былъ набожнымъ христіаниномъ. На каждомъ шагу Своей недолгой жизни Онъ творилъ добрыя дѣла: помогалъ мірянамъ, помогалъ Церкви. Король жертвовалъ различнымъ храмамъ иконостасы, колокола, облаченія, церковную утварь, дѣлалъ богатые вклады.

Король отстраивалъ на Свой счетъ старые храмы, напр. храмъ въ Тополѣ, соборъ въ Никшичѣ, часовню на горѣ Ловченѣ, храмъ славы въ Скопльѣ и много другихъ.

Въ старыхъ сербскихъ храмахъ встрѣчаются надписи: „Изволеніемъ Отца, поспѣшительствомъ Сына построень этотъ святой храмъ (или иконостасъ) во дни Благовѣрнаго Короля...“

Скромность Короля Александра не поддается описанію; Онъ не позволялъ въ подобныхъ надписяхъ упоминать Его имя.

Равнымъ образомъ, отремонтировавъ скромную церковку Своего Дѣда — Короля Николы, Король Александръ не позволилъ прибить мраморной доски съ надписью, что въ этой церкви Онъ былъ крещенъ.

МНОГО героическихъ воспоминаній хранить прекрасная Шумадія. Еще во времена перваго возстанія сербовъ за свою независимость (1806 г.) прославилась старая крѣпость Делиградъ. Делиградъ отчаянно сопротивлялся турецкимъ силамъ; жарко боролся въ годы Балканской войны; какъ раненый левъ, угрожалъ неприятелю во время Всемирной войны.

Въ память славныхъ побѣдъ въ Делиградъ рѣшено было построить храмъ.

Храмъ былъ оконченъ снаружи, а внутри еще стояли лѣса, когда однажды пріѣхалъ Король Александръ. Войдя во храмъ, Король увидѣлъ иконописца, сидѣвшаго подъ куполомъ.

— Добрый день, мастеръ! Какъ дѣла?

— Здравствуйте, — съ высоты не видя съ Кѣмъ говоритъ, отвѣчалъ мастеръ. — Вотъ пишу Ликъ Господень.

— Богъ въ помощь!

Иконописецъ нагнулся, чтобъ разсмотрѣть пришедшаго, и стремительно спустился внизъ.

— Я пожертвовалъ иконостасъ, — сказалъ Король. — Пришелъ взглянуть, какъ идутъ работы.

— Иконостасъ прекрасенъ, — отвѣчалъ мастеръ. — А вотъ моими произведеніями я не доволенъ.

Король посоветовалъ мастеру побывать въ Опленцѣ и разсмотрѣть дивную роспись знаменитаго Храма.

— Радъ бы поѣхать, Ваше Величество, — сказалъ мастеръ, — да не имѣю ни времени свободнаго, ни денегъ. Все, что ни заработаю, съѣдаютъ дѣти.

Король вынулъ 1000 динаръ и протянулъ иконописцу.

— На дорогу въ Опленацъ.

Отъ радости и неожиданности мастеръ не нашелъ словъ для благодарности.*

Н А курортъ во Врнци, когда туда прїѣзжалъ Король, сходилось и съѣзжалось множество народа. Старики, женщины, инвалиды, дѣти запросто подходили къ Королю и подавали ему прошенія о бѣдности и болѣзняхъ. И рѣдко, бывало, чтобы по пути къ цѣлебному источнику Король не раздавалъ нѣсколькихъ тысячъ нуждающимся просителямъ.

Выпивъ воды, Король обыкновенно уходилъ въ окрестности курорта. Такъ одинъ разъ Онъ посѣтилъ бывшаго соратника, построившаго себѣ домъ въ старомъ шумадинскомъ стиѣ.

Другой разъ пришелъ на „славу“ къ коменданту городка.

Потомъ какъ-то зашелъ въ самую бѣдную хижину на селѣ.

— И здѣсь живетъ Мой народъ. Можетъ быть, здѣсь живетъ одинъ изъ тѣхъ, кто отступалъ со Мной черезъ горные хребты Албаніи или участвовалъ въ прорывѣ Салоникскаго фронта.

Въ хижинѣ была такая нищета, что у Короля выступили слезы на глазахъ. Въ углу возилась изможденная женщина; она соскребала со стѣнъ деревяннаго ларя остатки кукурузной муки, чтобы сварить немного „прочи“ (народнаго кушанья, средняго между кашей и хлѣбомъ). Ей и въ голову не пришло, что передъ ней — Король.

Король далъ ей денегъ и приказалъ старостѣ снести ея полуразвалившуюся хижину и построить новую.

Односельчане бѣдной женщины взялись выстроить ей избушку бесплатно.

Когда Король узналъ объ этомъ, Онъ наградилъ и добровольцевъ - рабочихъ.*

В О Врнцахъ, гдѣ находится извѣстный курортъ „Врнячка баня“, имѣется метеорологическая станція. Король, любившій совершать продолжительныя прогулки, попросилъ какъ-то метеоролога (русскаго) опредѣлить погоду на слѣдующій день.

— Погода измѣнится, Ваше Величество; будетъ дождь, — сказа ть метеорологъ.

Тѣмъ не менѣе, Король рѣшилъ не откладывать прогулки. Ушелъ рано утромъ, когда небо было безоблачнымъ. Къ полудню поднялся вѣтеръ, небо затянуло тучами, и пошелъ сначала мелкій, а потомъ все болѣе и болѣе сильный дождь, который не прекращался до самаго вечера.

Король вернулся, промокшимъ до нитки.

На другой день Онъ позвалъ къ Себѣ метеоролога, поблагодарилъ его за вѣрное претсказаніе погоды и подарилъ ему серебряный портсигаръ. Узнавъ, что метеорологъ женатъ и что жена его серьезно больна, Король послалъ больную въ санаторію.

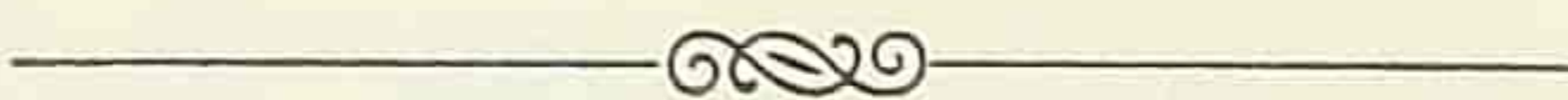
МНОГИМЪ покажется неправдоподобной одна особенность бѣлградской придворной жизни: Король былъ необыкновенно доступенъ. Его могъ видѣть каждый, кому это нужно было. У Короля могъ просить милости или помощи человѣкъ любого званія. Дворцовая канцелярія была открыта для всѣхъ.

Житель маленькаго городка Бабушница попалъ въ тяжелое матеріальное положеніе: за нимъ числилось много неуплаченныхъ налоговъ, и не было возможности облегчить долговое бремя. Надо было продавать имущество. Но прежде чѣмъ пойти на такой крайній шагъ, провинціалъ рѣшилъ попытаться счастья увидѣть Короля и рассказать Ему о своемъ положеніи.

Съ большими затрудненіями добрался онъ до Бѣлграда и до канцеляріи королевскаго Дворца. Но въ послѣднюю минуту, увидѣвъ Короля вблизи, бѣдный человѣкъ такъ смутился, что хотѣлъ было удалиться, никому ничего не сказавъ.

Однако Король замѣтилъ его волненіе, подошелъ, ободрилъ его и спросилъ. Выслушавъ незамысловатый рассказъ, Король пообѣщавъ облегчить участь Своего гостя.

Съ той поры житель Бабушницы не видалъ больше у себя представителей финансовой власти. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ привелъ въ порядокъ свои дѣла и сталъ исправнымъ плательщикомъ налоговъ.

МЛОДАЯ крестьянка пришла во Дворецъ. Она просила разрѣшенія повидать Короля и лично передать Ему прошеніе. Ее привели въ пріемную; тамъ было много министровъ, военныхъ и другихъ знатныхъ лицъ. Дѣвушка растерялась и опустила глаза. Вдругъ надъ ней раздался голосъ:

— Вы желали говорить со Мной?

Крестьянка вздрогнула отъ неожиданности, но тотчасъ же успокоилась, увидѣвъ добрые глаза Короля. Она протянула Королю плетеную корзинку цвѣтовъ, украшенную національными лентами, и прошеніе.

— Скажите на словахъ, о чемъ вы просите! — сказалъ Король, принимая корзинку.

— Мой братъ отбываетъ воинскую повинность, — заговорила дѣвушка. — Онъ серьезно боленъ. Мои родители и я просимъ Ваше Величество отпустить его домой на лѣченіе.

Король пообѣщавъ исполнить просьбу и отошелъ къ другимъ.

Изъ внутреннихъ покоевъ крестьянку вынесли въ подарокъ серебряную корзиночку.*

КОРОЛЮ Александру была присуща потребность дѣлать добрыя дѣла — непреодолимая потребность, почти такая, какой у другихъ людей является потребность двигаться или говорить. Утомленный и озабоченный, Король весь преобразался, когда Ему удавалось кому-нибудь помочь: Его лицо свѣтлѣло, глаза сіяли, отъ Него исходилъ запасъ какой-то новой энергіи и силы.

Король ѣхалъ въ городокъ „Власотинце“. Онъ зналъ, что жители предувѣдомлены объ Его пріѣздѣ, что Его ждуть рѣчи и заранѣе обдуманый пріемъ.

Не доѣзжая до села „Модре Стене“, Король приказалъ шоферу остановиться и выразилъ желаніе пройтись пѣшкомъ. Передъ Нимъ была тропинка, которая вывела Его сначала къ чьему-то огороду, а потомъ къ дверямъ неказистой избушки, одиноко стоявшей на краю села. Король постучался.

Въ избушкѣ была хозяйка. Она вынимала только что испеченный полукукурузный хлѣбъ. Взглянувъ на Гостя, баба приняла Его за солдата, идущаго домой на побывку. Она привѣтливо пододвинула къ очагу маленькую трехногую скамеечку.

Король сѣлъ. Разговорились. Хозяйка рассказала о своемъ житьѣ-бытьѣ, а потомъ участливо, по-бабьи спросила, какъ имъ, „солдатамъ“, живетъ въ городѣ, не тяжела ли военная служба.

Гость, видимо тронутый, отвѣчалъ бодрымъ тономъ. Но хозяйка, слушая Его, сокрушенно качала головой. „Солдатъ“ казался ей очень истомленнымъ.

Она вышла въ сѣни и вернулась съ большой стопкой домашней водки.

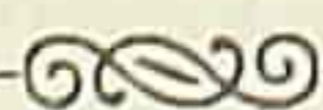
Король выпилъ водку и похвалилъ. На закуску хозяйка отрѣзала большой ломоть свѣжаго, еще горячаго хлѣба. Король отломилъ кусочекъ, а остальное спряталъ „на дорогу“.

Поблагодаривъ хозяйку за гостепріимство, Король сталъ прощаться. Уходя, Онъ задержался около шкафчика съ посудой и зачѣмъ-то передвинулъ стояшіе съ краю горшки.

Къ обѣду вернулся мужъ бабы. Онъ присутствовалъ на торжественной встрѣчѣ Короля и былъ полонъ впечатлѣній о томъ, какъ ласковъ Король, что Онъ говорилъ, какъ былъ одѣтъ.

Баба, въ свою очередь, рассказала о бывшемъ у нихъ Гостѣ. Разказъ жены показался крестьянину страннымъ, и онъ сталъ спрашивать о подробностяхъ.

Когда жена упомянула о шкафчикѣ, хозяинъ подошелъ къ нему и за однимъ изъ горшковъ нашель тысячу динаръ.

ВЪ другомъ селѣ Король подошелъ къ бабѣ, стиравшей бѣлье. Подъ закопченнымъ потолкомъ висѣли и сушились правильно наръзанные куски мяса.

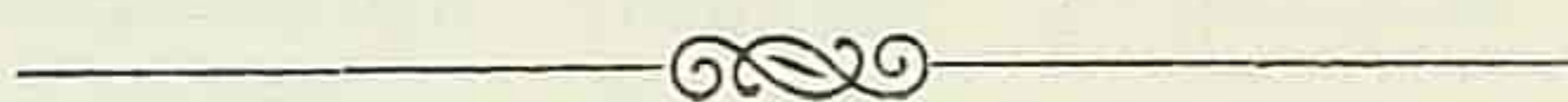
— Изрядно же ты заготовила на зиму! — поздоровавшись, промолвилъ Король. — Чай, и священниковъ не забыла.

Женщина подняла отъ корыта измученное злое лицо.

— Ни для священниковъ, ни для прохожихъ гостей у меня ничего нѣтъ! Своя семья велика. Накорми-ка такую ораву!...

Король вынулъ изъ бумажника крупную сумму.

— Вотъ возьми... накорми!

КОРОЛЬ ѣхалъ въ автомобилѣ въ г. Никшичъ. На одной, узкой и крутой, дорогѣ автомобиль поравнялся съ крестьянской телѣгой, запряженной волами. Телѣга была полна дровъ. Крестьянинъ не могъ свернуть въ сторону. Надо было разгрузить телѣгу. Крестьянинъ - черногорецъ бодро принялся за работу.

Король вышелъ изъ автомобиля и сталъ ему помогать.

— Продавать везешь дрова? — спросилъ Король.

— Да, въ городъ.

— Сколько думаешь получить за нихъ?

— Динаръ сто.

Когда телѣга была опорожнена, и автомобиль могъ двинуться дальше, Король раскрылъ бумажникъ, вынулъ тысячу динаръ и далъ черногорцу за дрова и хлопоты.

Бѣдный человѣкъ не зналъ, какъ и благодарить.

— По всему вижу, — сказалъ онъ Королю, — что Ты — знатный господинъ. Потому скажу Тебѣ правду: я ѣду въ городъ не только, чтобы продать дрова, но еще, чтобы видѣть нашего Короля. Говорятъ, Онъ сегодня пріѣдетъ...

— Ты съ Королемъ говоришь, — шепнулъ черногорцу адъютантъ.

Черногорецъ востепенулся, бросился къ Королю, обхватилъ Его руками и крѣпко, какъ это дѣлаютъ только черногорцы, поцѣловалъ Короля въ лицо...

ВЕСЕННИМЪ утромъ Король съ адъютантомъ остановились какъ-то въ полѣ. Они сѣли подъ деревомъ закусить. Мимо нихъ, торопливо и озабоченно, проходилъ школьникъ, деревенскій мальчуганъ лѣтъ восьми-девяти. Поддерживая

рукой котомку съ книгами, мальчикъ не подымалъ глазъ на незнакомыхъ людей.

Король подозвалъ его.

— Спѣшу въ школу, боюсь опоздать... — не останавливаясь, буркнулъ мальчикъ.

Король посмотрѣлъ на часы.

— У тебя еще полчаса есть. Подойди на минутку!

Мальчуганъ, котораго догнали два товарища, насупившись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ Королю.

— Далеко-ль тебѣ ходить въ школу? — поинтересовался Король.

— Километровъ десять будетъ.

— Въ какомъ ты отдѣленіи?

— Въ третьемъ, — не безъ гордости отвѣчалъ школьникъ.

— Какъ учишься?

Мальчикъ оглянулся на товарищей.

— Не оставался на второй годъ... Перехожу изъ отдѣленія въ отдѣленіе.

Король похвалилъ его и показалъ билетъ въ тысячу динаръ.

— Можешь ли раздѣлить тысячу на три части?

Мальчикъ кивнулъ головой и зашевелилъ губами.

— Будетъ 333...

— Невѣрно! Подумай еще...

У мальчика блеснули глаза.

— Двое получаютъ по 333 динара, а я — 334...

Король протянулъ ему билетъ, и маленькая ватага впрыпрыжку понеслась по дорогѣ.

БЕЗКОНЕЧНАЯ доброта Короля распростиралась на всѣхъ нуждающихся. Сплошь да рядомъ, Онъ оказывалъ помощь даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣднякъ и не просилъ о ней. Такъ, объѣзжая Западную Боснію, Король столкнулся на Плитвичскихъ озерахъ съ однимъ мельникомъ, бывшимъ военнымъ добровольцемъ.

— Какъ идутъ дѣла? — спросилъ Король.

— Не плохо, слава Богу, — отвѣчалъ мельникъ.

— Расскажи-ка еще разъ, какъ мы жили на Салоникскомъ фронтѣ, — предложилъ Король.

Мельникъ вспомнилъ все, что зналъ.

Король протянулъ ему руку и тысячу динаръ.*

ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТЬЮ Королевскаго имѣнія въ Опленцѣ являются виноградники (200.000 лозъ) и винные подвалы, сооруженные по послѣднему слову техники. Король хотѣлъ, чтобы милые Его сердцу шумадинцы наглядно учились въ Его имѣніи образцовому винодѣлію.

Въ свою очередь, Король, ставъ Хозяиномъ несравненныхъ виноградниковъ, продолжалъ состоять Членомъ кооператива въ Венчацѣ, предсѣдателемъ котораго былъ зажиточный крестьянинъ.

И Король, какъ рядовой членъ, дѣлалъ членскіе взносы и получалъ квитанціи:

„Александръ Карагеоргіевичъ за ... мѣсяцы ... года уплатилъ ... динаръ“.

ЛѢТОМЪ на королевскихъ виноградникахъ работаетъ масса народа. Собственно говоря, и бѣдныхъ въ Тополѣ (Топола — село у подножья Опленца) нѣтъ; каждый при желаніи можетъ хорошо заработать.

Однажды въ жаркій лѣтній день въ виноградникахъ дружно и часто стучали мотыки. Молодые парни, съ капельками пота на лбу, соперничали между собой въ быстротѣ работы. Старики отставали. Среди послѣднихъ выдѣлялся одинъ худой и дряхлый дѣдъ, которому, видимо, совсѣмъ не подъ силу была работа.

— Неужели ты не могъ послать кого-нибудь помоложе? — раздался надъ старикомъ голосъ.

Дѣдъ поднялъ голову и очутился лицомъ къ лицу съ Королемъ.

— Простите, Ваше Величество. Сынъ мой замѣшкался... Вотъ я и пришелъ замѣнить его.

Король вынулъ 1000 динаръ и далъ старику.

— Иди домой, старый, и отдохни! А сюда пришли твоего сокола. Пусть заработаетъ для себя и для тебя.

КОРОЛЬ жилъ на Бледѣ во дворцѣ „Сувоборъ“. Былъ поздній вечеръ. Король отпустилъ камердинера и собирался лечь въ постель. Вдругъ, взглянувъ въ окно, Онъ увидѣлъ зарево. Никому ничего не сказавъ, какъ былъ — въ одной пижамѣ, Король поспѣшно вышелъ изъ дворца и направился въ сторону пожара.

Горѣлъ небольшой домъ, принадлежавшій двумъ старикамъ. Старикъ-хозяинъ такъ растерялся, что даже не догадался поднять

крикъ и разбудить сосѣдей. Его жена, пытавшаяся спасти домашній скарбъ, полузадохнулась въ дыму.

Король пришелъ первымъ и во-время: Онъ успѣлъ спасти старуху.

Въ слѣдующій моментъ пылавшая кровля обрушилась...

Стали сбѣгаться сосѣди и люди изъ дворца.

ПРОВОДЯ лѣтніе мѣсяцы на Бледѣ, Король часто разѣзжалъ по окрестностямъ, любуясь красотой и чистотой словенскихъ селъ. Однажды Король направлялся къ берегамъ Бохиньской Быстрицы. Дорога была сильно размыта недавно бывшимъ наводненіемъ. Одинъ изъ рабочихъ, приводившихъ въ порядокъ дорогу, остановилъ Короля:

— Господинъ Король! Дальше — опасно...

Черезъ нѣсколько дней Король вторично проѣзжалъ по этому мѣсту. Рабочіе заканчивали свои заданія.

Король вышелъ изъ автомобиля, отыскалъ глазами словенца, предупредившаго Его объ опасности, и незамѣтно вложилъ въ его руку 1000 динаръ.*

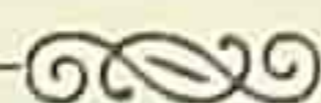
ВСѢ дѣти въ Словеніи изучили гудокъ королевскаго автомобиля. Едва слышавъ его издалека, они толпами сбѣгались на шоссе и начинали кричать:

— Да здравствуетъ Король!

Одному двѣнадцатилѣтнему мальчику пришло въ голову составить красивый букетъ, прикрѣпить къ нему записочку со своимъ именемъ и бросить его въ королевскій автомобиль.

Король налету поймалъ букетъ, улыбнулся мальчику и махалъ цвѣтами до тѣхъ поръ, пока автомобиль не скрылся изъ глазъ.

Черезъ нѣсколько дней въ село, гдѣ жилъ мальчикъ, приѣхалъ адъютантъ Короля, разыскалъ мальчика и передалъ ему прекрасные серебряные часы.*

НА окраинѣ Новаго Сада, въ крошечной сырой комнатѣ, жила горемычная мать съ шестью ребятами, малъ-мала меньше. Семья голодала. Отецъ, не найдя выхода изъ создавшагося положенія, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Мать ожидала

появленія на свѣтъ седьмого ребенка. Помощи, казалось, неоткуда было ждать.

И вотъ совершенно случайно кто-то разсказалъ Королю о бѣдной вдовѣ.

Король немедленно распорядился, чтобы ей была оказана единовременная помощь въ 30 тысячъ динаръ и пожизненная — въ 1500 динаръ ежемѣсячно. Семья была спасена отъ голода и смерти.*

То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ...
Некрасовъ.

Въ 1914 году въ двухъ маленькихъ черногорскихъ селахъ подъ Никшичемъ было разгрѣяно и повѣшено 88 человекъ. Въ 1925 году въ Никшичѣ происходило открытіе памятника этимъ жертвамъ Великой войны. На торжество пріѣхали Король и Королева.

Черногорцы, люди пламеннаго сердца, обожали Своего Короля. Они говорили Ему „Ты“, называли Государемъ и стремились прикоснуться къ краю Его одежды. При видѣ Короля, черногорцы забывали тягчайшія свои горести.

Такъ въ 1925 году у только что открытаго памятника гордо стояла немолодая черногорка, мать двухъ замученныхъ сыновей. Взглядъ Короля упалъ на нее, взглядъ, полный сочувствія и безконечной доброты.

Черногорка выпрямилась, и въ ея глазахъ зажегся былой огонь.

— Теперь я вознаграждена за всѣ мои страданья! — сказала она. — Если бъ я имѣла не двухъ, а пятнадцать сыновей, я бы всѣхъ отдала за Родину и Короля... и не плакала бы больше!..

Одинъ взглядъ Короля могъ осушить самыя жгучія въ мірѣ слезы — слезы матерей.

ОБЪѢЗЖАЯ города и села Македоніи, Король пріѣхалъ въ г. Струмицу. Было лѣтнее утро, предвѣщавшее душный и жаркій день.

Представители городской администраціи и видные обыватели собрались у въѣзда въ городъ. Большинство присутствовавшихъ было въ народныхъ одеждахъ; среди нихъ выдѣлялся одинъ господинъ самоувѣреннаго вида въ хорошо сшитомъ европейскомъ костюмѣ.

Приблизился покрытый пылью Королевскій автомобиль. Пальто, волосы и лицо Короля тоже были сѣры отъ пыли.

Король весело поздоровался со всѣми присутствующими. Предсѣдатель общины, солидный, благообразный крестьянинъ, съ патриархальной простотой обратился къ Королю.

— Когда построишь намъ желѣзную дорогу? — спросилъ онъ. (Струмица удалена отъ желѣзной дороги въ одну сторону на 40, а въ другую — на 60 километровъ).

Улыбка тронула губы Короля.

— Построю, не безпокойся! Только Я не вожу въ карманѣ желѣзной дороги!

Потомъ Король сталъ обходить собравшихся. Дошла очередь и до самоувѣреннаго господина.

— Какъ идутъ ваши дѣла? — милостиво спросилъ Король.

— Слава Богу, Ваше Величество, хорошо! — отвѣчалъ господинъ.

— Ваше занятіе?

— Торговля, — уклончиво произнесъ господинъ.

— Чѣмъ, именно, вы торгуете? — освѣдомился Король.

— Я — аптекарь...

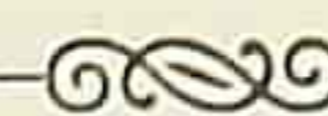
Король пересталъ улыбаться.

— Если у васъ хорошо идутъ дѣла, это скверно. Значить, Мой народъ здѣсь много болѣетъ.

С ОВЕРШАЯ одну изъ Своихъ лѣтнихъ поѣздокъ, Король увидѣлъ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ молодую дѣвушку. Она происходила изъ старой, хорошей семьи, но рано осталась сиротой и притомъ безъ всякихъ средствъ. Дѣвушкѣ не на что было продолжать образованіе, и она принуждена была поступить на фабрику простой работницей. Зарабатывала она гроши, которыхъ едва хватало на жалкое существованіе.

Король принялъ участие въ судьбѣ дѣвушки, далъ ей возможность окончить гимназію и стать на ноги.

Д ЪЛО было въ Черногоріи. Безлуннымъ вечеромъ стоялъ на часахъ молодой солдатъ, изъ новобранцевъ. Вдругъ онъ услышалъ за собой тихіе, какъ ему показалось, осторожные шаги. Солдатъ вздрогнулъ и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Стой! Кто идетъ?

— Король... — мягко раздалось въ отвѣтъ.

Солдаты разинулъ ротъ и онѣмѣлъ. Король вышелъ изъ темноты и подошелъ ближе.

— Да ты, молодецъ, закрой ротъ, не бойся! Ты правильно поступилъ, и Я не сержусь на тебя.

Солдаты пришелъ въ себя и сталъ отвѣчать на вопросы Короля о службѣ, о домѣ, о семьѣ. Въ отвѣтъ на одинъ изъ вопросовъ широкая простодушная улыбка раздвинула его губы. Король увидѣлъ, что у парня не хватаетъ двухъ переднихъ зубовъ.

— Гдѣ твои зубы, молодецъ?

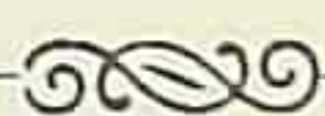
— Потерялъ, Ваше Величество!

— Надо вставить.

— Это денегъ стоитъ. Да мы — не большіе господа и такъ проживемъ.

— Ну, нѣтъ! — рѣшительно сказалъ Король — Ты — человекъ молодой, и тебѣ нужны зубы.

И Король далъ солдату денегъ, примѣрно разъ въ десять больше той суммы, которая требовалась для зубного врача.

НАХОДЯСЬ въ Скопльѣ, Король Александръ какъ-то вечеромъ вышелъ на прогулку съ Великимъ Княземъ Арсеномъ. На улицѣ Короля Петра Король приблизился къ одному изъ часовыхъ и строго спросилъ его:

— Что ты дѣлаешь?

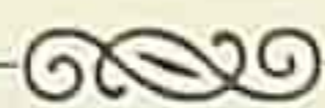
— Стою на часахъ, Ваше Величество.

Король улыбнулся и еще ближе подошелъ къ часовому:

— Дай мнѣ ружье!

— Не могу, Ваше Величество: служба... — безъ колебанія отвѣтилъ солдатъ.

На другой день Король приказалъ наградить часового.*

ДУШНЫМЪ лѣтнимъ вечеромъ Король Александръ выѣхалъ изъ Бѣлграда. Автомобиль шелъ по Авальскому шоссе. Но и за предѣлами города не чувствовалось прохлады; вѣтеръ подымалъ облака сухой густой пыли. Справа отъ проѣзжей дороги двигалась странная группа: два солдата, неловко и тяжело ступая, несли на плечахъ третьяго. Король приказалъ шофферу остановиться.

— Что съ нимъ? — спросилъ Король у солдатъ.

— Дурно стало, Ваше Величество; вѣроятно, отъ жары... — съ трудомъ переводя дыханье, отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

Король приказалъ внести больного въ Свой автомобиль и положить на переднее сидѣнье.

Шофферъ свернулъ въ сторону ближайшаго лагеря, и тамъ сдалъ больного на лѣченіе.

Интересы ближняго были для Короля всегда на первомъ мѣстѣ.*

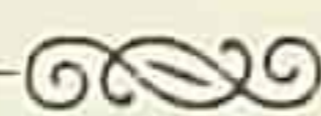
КОРОЛЬ Александръ былъ очень деликатенъ даже въ обращеніи со Своими слугами. Регулярно посѣщая службы и мастерскія, Король прекрасно зналъ всѣ отрасли производства. Но Онъ никому не дѣлалъ замѣчаній, избѣгалъ выговаривать за промахи или недосмотръ.

Приходя въ рабочій кабинетъ, Король внимательно, хотя и бѣгло, осматривалъ всѣ предметы.

Однажды Его взглядъ упалъ на стеклянный абажуръ лампы, и Онъ провелъ пальцемъ полосу на абажурѣ. На другой день провелъ вторую полосу, потомъ третью...

Черезъ нѣсколько дней Король полувопросительно спросилъ одно лицо изъ Своей свиты:

— Интересно знать, сколько полосъ долженъ Я провести, чтобы они (лакеи) замѣтили и вытерли пыль съ абажура?

ИЗЪ Бѣлграда въ Тополу шелъ королевскій автомобиль. По этой же дорогѣ возвращалась изъ города крестьянка среднихъ лѣтъ — „снаша“. Она распродала яйца, масло и вырученныя деньги основательно спрятала за чулокъ. „Снаша“ устала и, увидѣвъ попутный автомобиль, остановила его.

— Подвези меня, будь добра! — обратилась крестьянка къ Королевѣ. — Я заплачу.

— А куда тебѣ нужно? — улыбаясь, спросила Королева.

— Въ Младеновацъ.

— Садись! — разрѣшила Королева.

Автомобиль тронулся. Помѣстившись на заднемъ сидѣньѣ, крестьянка нѣсколько разъ и весьма солидно заявляла, что она въ состояніи оплатить свой проѣздъ и даже для убѣдительности пыталась достать деньги.

— Не нужно, не безпокойся! — смѣясь, останавливалъ ее сидѣвшій рядомъ Офицеръ.

Доѣхавъ до Младеновца, крестьянка еще разъ полѣзла за чулокъ.

— Сколько я должна? — дѣловито спросила она.

— Ничего. Развѣ ты, не узнала Королевы? — улыбнулся ей Сосѣдъ — Король.

КОРОЛЬ не любилъ медленной ѣзды. Его автомобиль долженъ былъ идти со скоростью 60 - 70 километровъ въ часъ. Однажды королевскій автомобиль шелъ по дорогѣ къ Санджаку. Близъ мѣста, называемаго „Бѣлымъ полемъ“, рабочіе поправляли шоссе.

— Стопъ! Дальше нельзя!.. — закричали они, увидѣвъ издали автомобиль. — Будь хоть Король — нѣтъ проѣзда!..

Шофферъ затормозилъ машину. Король, недовольный остановкой, высунулся изъ автомобиля.

— А если, дѣйствительно, ѣдетъ Король? — спросилъ Онъ. Рабочіе засуетились и разступились.

— Извольте, Ваше Величество!

Король откинулся назадъ и приказалъ выдать рабочимъ по золотому „за усердіе“.

ГУЛЯЯ однажды безъ свиты, Король встрѣтилъ деревенскаго мальчугана, который, увидѣвъ Короля, задрожалъ отъ радости и, выткнувшись, бодро произнесъ:

— Здравія желаю, Ваше Величество!

— Откуда ты Меня знаешь? — спросилъ Король.

— Видѣлъ Вашъ портретъ въ школѣ.

— Въ какомъ ты отдѣленіи?

— Въ третьемъ.

— Кѣмъ хотѣлъ бы ты быть потомъ? — продолжалъ спрашивать Король.

— Офицеромъ, — отвѣчалъ мальчикъ, прямо глядя въ глаза Короля.

— Почему?

— Чтобы быть всегда около Васъ...

Король далъ ему тысячу динаръ, приказалъ хорошо учиться и, по окончаніи основной школы, сдѣлалъ его Своимъ питомцемъ.*

ЛѢТОМЪ 1928 года изъ Осека въ Бѣлградъ пріѣхали члены юношескаго и дѣтскаго отдѣловъ Краснаго креста. Осмотрѣвъ столицу, юные гости собрались въ Топчидерѣ, гдѣ узнали, что ихъ пожелалъ видѣть Король. Радость дѣтей

была неопиcуема. Построенные правильными шпалерами, они, едва за-видѣвъ Короля, сбѣжались и обступили Его плотнымъ кольцомъ.

Пѣли пѣсни Королю, декламировали, снимались вмѣстѣ съ Королемъ; веселились отъ всей души.

Дѣвочки принесли Королю цвѣтовъ, при чемъ два лучшихъ букета просили передать Престоноаслѣднику Петру и Королевичу Томиславу.

Когда Король обратился къ гимназистамъ и спросилъ ихъ о планахъ на будущее, всѣ мальчики хоромъ закричали:

— Хотимъ въ Военную Академію!

— Отлично, — похвалилъ Король. — Намъ нужны офицеры; и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ лучше.*

Въ Дединѣ, подъ руководствомъ русскаго инженера, мастера проводили канализацію. Король проходилъ мимо и задержался около одного монтера.

— Зачѣмъ вы проводите тутъ трубы? — спросилъ Король.

— Для отвода дождевой воды, Ваше Величество, отвѣчалъ монтеръ.

Король заинтересовался планомъ работъ, и монтеръ тожково, хорошимъ сербскимъ языкомъ, набросалъ передъ Королемъ схему ихъ заданія. Услыхавъ изъ устъ монтера нѣсколько математическихъ выкладокъ и научныхъ терминовъ, Король вскинулъ на него глазами.

— Гдѣ вы учились?

— Въ Петербургскомъ Университетѣ, Ваше Величество, — отвѣчалъ монтеръ.

— Такъ вы — русскій?

— Да!

— Ваша работа дѣлаетъ вамъ честь, — медленно и серьезно произнесъ Король, — но Я совѣтовалъ бы вамъ подумать объ окончаніи университета... здѣсь.

Черезъ нѣсколько лѣтъ бывшій монтеръ получилъ дипломъ инженера и хорошую практику.

ОДИНЪ русскій эмигрантъ работалъ въ окрестностяхъ Земуна. Когда кончался рабочій день, онъ выходилъ на шоссе и пѣшкомъ возвращался домой. Въ ненастные дни просилъ попутчиковъ подвезти его.

Однажды въ дождливый осенній вечеръ онъ остановилъ проѣзжавшій мимо автомобиль.

— Куда вамъ нужно?
— Въ Земунъ. Я плохо вижу...

Бывшій въ автомобилѣ Офицеръ пригласилъ его сѣсть рядомъ.

Эмигрантъ наклонился и узналъ Короля.

— Простите, Ваше Величество, — оробѣвшимъ голосомъ проговорилъ онъ, отступая назадъ въ воду.

— Ничего, ничего, садитесь! — ласково повторилъ Король.

Въ пути Король, внимательно осмотрѣлъ Своего спутника, задалъ ему нѣсколько вопросовъ и потомъ далъ денегъ на лѣченіе и покупку одежды, соответствующей сезону.

НЕДАЛЕКО отъ Призрена, въ селѣ Циновци образовалась колонія переселенцевъ изъ Сербіи.

Когда Король посѣтилъ эту колонию, Ему навстрѣчу вышелъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ трехъ, въ военной формѣ, съ деревянной сабелькой.

— Ваше Величество, — началъ онъ звонкимъ дѣтскимъ голосомъ. — Въ селѣ все — въ порядкѣ. Жандармы — при исполненіи служебныхъ обязанностей...

Король не понялъ и ласково переспросилъ:

— Что ты говоришь, дитя?

Ребенокъ не смутился

— Я рапортую, Ваше Величество! Состояніе села — въ порядкѣ. Жандармы...

Король разсмѣялся отъ всего сердца, принялъ необычный рапортъ и спросилъ ребенка:

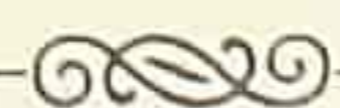
— Чей ты?

— Сынъ командира колоніи.

— А откуда родомъ твой отецъ?

— Съ острова Брача и съ нашего Адриатическаго моря, — съ удареніемъ отвѣтилъ малышъ.

Король расцѣловалъ ребенка и подарилъ ему золотую монету со Своимъ изображеніемъ.*

ОДНАЖДЫ въ дождливый день Король возвращался въ автомобилѣ изъ штаба 3-ей арміи въ Скопльѣ. Посрединѣ улицы стоялъ офицеръ и, дѣлая рукой знаки, что-то кричалъ.

Король приказалъ остановиться.

— Прошу Васъ, Милостивый Государь, (если это возможно),

отвезти меня въ Призренъ. Я задержался на службѣ. Меня захватила непогода, а до Призрена далеко.

— И вы поэтому остановили автомобиль? — спросилъ Король.

— Да, только поэтому. Дождь усиливается, и я очень усталъ.

— Знаете ли вы Меня? — спросилъ Король

Офицеръ всмотрѣлся и вытянулся во фронтъ.

— Простите, Ваше Величество, — взволнованно проговорилъ онъ, дѣлая шагъ, чтобы удалиться.

— Подождите, — сказалъ Король, — найдется мѣсто и для васъ. И Король настоялъ, чтобы офицеръ вошелъ въ слѣдующій за королевскимъ автомобиль свиты.*

В О время пребывания въ Сараево Короля Александра былъ устроенъ званый обѣдъ, на который получили приглашеніе представители власти и выдающіяся лица мѣстнаго общества. Среди приглашенныхъ оказался одинъ земледѣлецъ. Послѣ обѣда гости пили кофе и курили Король переходилъ отъ одного гостя къ другому, бесѣдуя съ каждымъ о его дѣлахъ.

Подошелъ Король и къ гостю въ крестьянскомъ нарядѣ, съ широкими бѣлыми рукавами рубахи. Земледѣлецъ смутился.

Король протянулъ ему руку и сталъ задавать вопросы о сельской жизни и полевыхъ работахъ. Земледѣлецъ отвѣтилъ на одинъ-два вопроса, и вдругъ расплакался, какъ малое дитя.

— Я плакалъ, — объяснялъ онъ потомъ окружающимъ, — отъ радости. Имѣли мы и раньше королей, но тогда не видѣли ихъ. Прежде, бывало, обыкновенный офицеръ — а ты не смѣешь взглянуть на него, подойти къ нему. Тѣмъ его обходишь. А тутъ — Король, нашъ Король, нашего роду-племени. Меня, крестьянина, позвалъ въ Свои покои, угостилъ, расспросилъ о моихъ заботахъ... Такого Короля и прадеды мои не имѣли, — закончилъ земледѣлецъ.*

В 1929 году Король ѣхалъ въ автомобиль въ словенское мѣстечко Гольникъ, которое находится въ замѣчательно красивой мѣстности и славится своей санаторіей для слабогрудыхъ. Шофферъ сбился съ пути. Король издали увидѣлъ крестьянина, который удобрялъ землю передъ своимъ домомъ, и приказалъ шофферу подѣхать къ нему.

Король вступилъ въ разговоръ съ крестьяниномъ. Послѣдній словоохотливо отвѣчалъ на вопросы Короля, не подозрѣвая, съ кѣмъ говорить.

Король пожелалъ осмотрѣть домъ. Хозяинъ ввелъ Гостя къ себѣ, гостепріимно угостилъ колбасой, которую мастерски готовятъ въ Словеніи, сыромъ, чернымъ хлѣбомъ и молокомъ.

На прощанье Король спросилъ хозяина:

— Ъздилъ ли ты когда-нибудь въ автомобиль?

— Нѣтъ, куда намъ, Господинъ! — простодушно отвѣчалъ крестьянинъ.

— А не хочешь ли показать намъ дорогу въ Гольникъ?

— Съ удовольствіемъ.

Король усадилъ крестьянина въ автомобиль и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Въ пути Король вынулъ свой блокнотъ, оторвалъ листокъ и написалъ: „Александръ, Король Югославіи“; въ записку вложилъ 1000 динаръ и незамѣтно засунулъ все въ карманъ широкихъ штановъ своего сосѣда.

Послѣдній только дома полѣзъ въ карманъ за табакомъ и обнаружилъ королевскій подарокъ.

ЭТО было подъ г. Скоплѣ. Король шелъ огородами и любовался раскрывающейся передъ нимъ панорамой. Передъ однимъ полевымъ шалашомъ Король увидѣлъ старика, сидѣвшаго въ безнадежной позѣ отчаянія. — Какъ Богъ милуетъ, дѣдушка? — обратился къ нему Король. Старикъ угрюмо взглянулъ и махнулъ рукой: „Проходи молъ, мимо“...

Но Король остановился.

— У тебя, вѣроятно, горе? Расскажи мнѣ. Я постараюсь помочь.

Старикъ еще больше нахмурился.

— Много васъ, господъ, тутъ гуляетъ... Въ моемъ горѣ никто помочь не можетъ.

— Да ты скажи, въ чемъ дѣло? — не отходилъ Король.

И старикъ рассказалъ, какъ еще дѣдъ и прадѣдъ его владѣли землей, на которой онъ сидитъ. Къ сожалѣнію, у него затерялась бумага на право владѣнія землей. Этимъ воспользовался ловкій сосѣдъ, который подалъ въ судъ и по суду получилъ право вступить во владѣніе землей и домомъ. Старикъ долженъ выселиться.

Король записалъ имя и фамилію старика и обѣщаль похлопотать.

Черезъ недѣлю старика вызвали въ судъ и объявили, что по указу Его Величества земля и домъ навсегда закрѣплены за нимъ.

Счастливый старикъ ходилъ по городу, останавливалъ незнакомыхъ людей и всѣмъ рассказывалъ о добромъ сердцѣ Короля.

БЛАЖЕННОПОЧИВШІЙ Король Александръ очень любилъ Свою рано умершую Мать — Княгиню Зорку. Въ каждой женщинѣ Онъ уважалъ прежде всего мать, по справедливости, (не всѣми осознанной), считая материнство — очень труднымъ и отвѣтственнымъ государственнымъ дѣломъ.

Однажды лѣтнимъ утромъ Король вышелъ на прогулку въ поле. Оставивъ на межѣ Своихъ спутниковъ, Король продолжалъ путь Одинъ.

На полосѣ, засѣянной кукурузой, Онъ увидѣлъ крестьянина и крестьянку, видимо мужа и жену. У обоихъ были одинаково согнуты спины. Оба равномерно подымали мотыки и опускали ихъ въ сухую, твердую землю.

Дойдя до конца полосы, мужъ посмотрѣлъ на небо (было около 10 часовъ утра), выпрямился, бросилъ мотыку и пошелъ въ сторону къ дереву, на одной изъ вѣтокъ котораго висѣла котомка съ ѣдой.

Крестьянинъ сѣлъ въ тѣни, досталъ хлѣба, сала и лука, поѣлъ, потомъ растянулся и заснулъ.

Его жена подняла съ земли мотыки, перенесла и бережно положила ихъ въ тѣни. Потомъ, подойдя къ другой вѣткѣ дерева, гдѣ на веревкѣ висѣла люлька съ груднымъ ребенкомъ, сѣла его кормить. Ея спина устало опиралась о стволъ дерева; съ разгоряченнаго лица стекалъ крупный потъ; одна рука поддерживала ребенка, другая бессильно висѣла вдоль тѣла.

Накормивъ ребенка, женщина развѣсила пеленки, сбѣгала къ ручью и принесла воды. Потомъ присѣла и наскоро закусила тѣмъ, что ей оставилъ мужъ.

Она завязывала котомку, когда ея мужъ, потянувшись, раскрылъ глаза и всталъ. Отдохнувшій и сильный, онъ легко вскинулъ на плечо мотыку и пошелъ къ кукурузѣ. Безмолвно и покорно за нимъ послѣдовала жена.

Когда они отошли, Король приблизился къ люлкѣ и опустилъ въ нее Свою лепту.

— Трудъ крестьянской женщины надрывнѣе самаго тяжелого мужского труда, — вернувшись къ Своимъ спутникамъ, сказалъ Король. — Женскій трудъ не знаетъ отдыха, несмотря на то, что женщина, слабая отъ природы, трудится не меньше мужчины и отдаетъ еще свои силы дѣтямъ.

НАСЕЛЕНИЕ Южной Сербіи (Вардарской бановины) въ мартѣ 1931 года сильно пострадало отъ землетрясенія. Къ счастью, человѣческихъ жертвъ было немного, но четыре села были разрушены до основанія, а другія села — частично. Болѣе 800 семей остались безъ крова.

Какъ только вѣсть о несчастьѣ дошла до Бѣлграда, Король немедленно отправился къ пострадавшимъ. Первые слѣды разрушенія Король замѣтилъ на станціи „Удово“. Несмотря на просьбы часовыхъ и народа, Король безстрашно вошелъ въ станціонный домъ. Уяснивъ тамъ размѣры несчастья, Король въ автомобилѣ поѣхалъ дальше.

Всюду приказывалъ Онъ вызывать войска, строить временныя палатки, собирать перепуганное и разбѣжавшееся населеніе, разводить костры и кормить горячей пищей мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей. Изъ Своихъ средствъ Король оказывалъ пострадавшимъ первую помощь.

Въ одномъ мѣстѣ въ землѣ образовалась трещина. Король лично обслѣдовалъ ея края. Не было дома, сколько-нибудь уцѣлѣвшаго отъ землетрясенія, чтобы Король не пытался войти въ него и осмотрѣть: пригоденъ ли онъ для дальнѣйшаго жилья или нѣтъ?

Жители волновались.

— Пусть лучше мы всѣ погибнемъ, чѣмъ случится бѣда съ Тобой, Величество! Не входи въ дома! Храни Тебя Богъ! Богъ насъ наказалъ, Богъ и помилуетъ, если Ты будешь живъ.

Король обратилъ вниманіе на различныя народныя одежды обступившихъ Его крестьянъ.

— Откуда вы?

— Изъ Босніи, Хорватіи, Далмаціи, Черногоріи, Сербіи... — раздались голоса.

— Настоящее объединеніе! — резюмировалъ Король.

Взглядъ Его упалъ на одного крестьянина, который, не отрываясь, съ нѣмымъ восторгомъ смотрѣлъ на Него.

— Откуда ты и чего хочешь? — спросилъ Король.

— Я — изъ окрестностей Бѣловара (Хорватіи), — отвѣчалъ крестьянинъ. — И хочу одного: поближе посмотрѣть на Васъ, Величество, и поблагодарить Васъ... Мы ничего не боимся, когда видимъ нашего Любимаго Короля, который печется о насъ.

Король пожалъ ему руку. Крестьянинъ зарыдалъ.

Черезъ день Король вернулся въ Бѣлградъ. Министерство Соціальной Политики и Народнаго Здоровья получило распоряженіе позаботиться о постройкѣ и возстановленіи жилищъ и о питаніи населенія. Совѣтъ Министровъ отпустилъ 5 милліоновъ динаръ. Красный Крестъ — столько же.*

Въ „имотскомъ“ селѣ Каменостѣ изъ толпы крестьянъ вышелъ и приблизился къ Королю древній старикъ, едва державшійся на ногахъ.

— Какъ поживаете, дѣдушка? — привѣтливо обратился къ нему Король, протягивая руку.

Старець попробоваль выпрямиться, но не могъ. Дрожащими руками принялъ онъ руку Короля и поднесъ ее къ губамъ.

— Я счастливъ, что дождался Моего Короля, Который говорить на моемъ языкѣ, — сказалъ растроганный старикъ. — Это лучшій день моей жизни. Теперь я могу умереть...*

КОРОЛЬ ѣхалъ въ село Крапискія Топлицы. Ему захотѣлось отдохнуть на лугу. Мимо Него съ тяжелой ношей прошла пожилая женщина.

— Какъ Богъ милуетъ, тетушка? — окликнулъ ее Король.

— Плохо, господинъ. Мужъ мой умеръ. Сынъ боленъ; дома четыре дочери, а кормлю всѣхъ я одна.

Король вынулъ три червонца и далъ женщинѣ.

— Съ кѣмъ ты говорила? — спросили ее встрѣчные крестьяне.

— И сама не знаю. Какой то знатный господинъ, вѣроятно, генераль, — растерянно отвѣчала женщина.

— Слѣпая! — воскликнулъ молодой крестьянинъ. — Да вѣдь это — Король!

Женщина всплеснула руками и бросилась обратно. Подбѣжавъ къ Королю, она упала передъ Нимъ на колѣни. Отъ слезъ и волненія она не могла произнести ни одного слова.

Король положилъ ей руку на плечо.

— Полно, полно!.. Встань, голубушка! Передъ Богомъ мы всѣ равны.*

МНОЖЕСТВО народа собралось встрѣчать Короля въ хорватскомъ селѣ Равенъ.

Король обратился сначала къ взрослымъ, выслушалъ ихъ просьбы, распросилъ о жизни, похвалилъ скотъ. Потомъ позвалъ къ Себѣ дѣтей. Дѣти разучили нѣсколько, подобающихъ случаю, стихотвореній и пѣсенокъ.

Королю понравился одинъ мальчикъ, который съ большимъ чувствомъ и пониманіемъ прочелъ прекрасное стихотвореніе.

— Хочешь ли ты учиться въ гимназіи? — спросилъ его Король.

Мальчикъ покраснѣлъ отъ радости.

— Запишите его имя и фамилію, — сказалъ Король адъютанту.*

ЛЪТОМЪ 1931 года Король былъ въ Карловцахъ. Онъ долго разговаривалъ съ представителями власти и народа. Уѣзжая изъ города, Король увидѣлъ на шоссе крестьянина, который, видимо, былъ чѣмъ-то озабоченъ. Король приказалъ шоферу остановить машину.

— Скажите, пожалуйста, г. Генералъ, — живо обратился къ Королю крестьянинъ, — это правда, что здѣсь долженъ проѣхать Король? Я пришелъ издалека и хотѣлъ бы видѣть Его. Потомъ — хоть въ гробъ ложись!

— А почему ты хочешь видѣть Короля?

— Онъ, говорятъ, очень добръ и любитъ Свой народъ. Какъ же намъ не любить Его?

Король вынулъ двѣ тысячи динаръ и далъ крестьянину.

— Люби и дальше твоего Короля!*

ВЪ далматинскомъ селѣ Загвоздѣ ждали приѣзда Короля. Пастухи раньше обычнаго пригнали домой свои стада. Маленькая пастушка нарвала по дорогѣ цвѣтовъ и составила простенькій, трогательный букетъ. Когда королевскій автомобиль остановился посерединѣ села, дѣвочка съ цвѣтами вышла впередъ и устремила на Короля взглядъ большихъ ясныхъ глазъ.

Король взялъ цвѣты, притянулъ къ Себѣ дѣвочку и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Среди собравшихся настало неопишуемое волненіе... А когда Король сталъ спрашивать крестьянъ объ урожаѣ, о скотѣ, о школахъ, о церкви — изумленію бѣднаго народа, привыкшаго къ чужеземному владычеству, не было предѣла.

— Король — и знаетъ всѣ наши нужды!

— Такого сына еще не имѣла ни одна мать, — сказалъ старикъ-нищій, сорокъ лѣтъ колесившій по всей Европѣ.*

ОСЕНЬЮ 1932 года Король и Королева совершали объѣздъ Краины, Хомолья и Порѣчья. Путешествіе носило неофициальный характеръ. Въ автомобилѣ вмѣстѣ съ Королевской Четой были только адъютантъ и шоферъ. Вслѣдствіе частыхъ дождей, дорога между рудникомъ „Боръ“ и Жагубицей оказалась испорченной, и королевскій автомобиль завязъ въ огромной выбоинѣ. Убѣдившись въ невозможности выбраться собственными силами, Путешественники рѣшили вызвать по телефону частный автомобиль и нанять воловъ, которые вытащили бы изъ грязи Ихъ машину.

Дѣло было подъ вечеръ. Адъютантъ быстро справился съ первой задачей. Жандармская станція оказалась недалеко, и вскорѣ за Ихъ Величествами прибылъ вполне приличный автомобиль.

Найти воловъ оказалось дѣломъ болѣе труднымъ.

Когда Путешественники подѣхали къ ближайшему хутору, Они застали тамъ только хозяйку — угрюмую, несговорчивую старуху — валашку.

— Не дамъ воловъ! — наотрѣзъ отказала она.

— Тебѣ хорошо заплатятъ! — убѣждалъ бабу адъютантъ.

— Знаю я васъ, господь! — ворчала старуха. — Нѣтъ у васъ такихъ денегъ, чтобы могли расплатиться со мной!

Королева попробовала заговорить по-румынски. Ничто не помогало. Старуха упрямо стояла на своемъ.

— Не дамъ!..

— А если бѣ Король попросилъ тебя? — не выдержалъ Король.

— И Королю бы не дала: ночь на дворѣ.

Путешественникамъ не оставалось ничего другого, какъ отправиться на слѣдующій хуторъ. Онъ находился довольно далеко отъ мѣста, гдѣ завязъ ихъ автомобиль.

Хозяинъ, тоже валахъ, оказался болѣе сговорчивымъ и за умеренную плату согласился дать воловъ. Потомъ онъ получилъ въ десять разъ больше той суммы, которую запросилъ.

КОРОЛЬ и Королева ѣхали въ маленькомъ двухмѣстномъ автомобилѣ.

На одномъ изъ перекрестковъ Они остановили встрѣчную бабу и попросили указать дорогу въ село **. Баба показала рукой направленіе и добавила:

— И я иду туда же.

— Садись! Подвеземъ, — предложилъ ей Король.

Баба стала отнѣкиваться.

— И для Васъ мало мѣста. Куда еще я сяду?

Король указалъ ей на скамейку для шоффера. Проѣхали нѣсколько километровъ. Бабѣ надоѣло молчать; ее стало разбирать любопытство. Наклонившись къ Королевѣ, она спросила интимнымъ шопотомъ, указывая глазами на Короля.

— А что, Онъ — Мужъ Твой?

— Мужъ, — отвѣчала Королева.

— Ладите Вы съ Нимъ?

— Ладимъ, — улыбнулась Королева.

— И дѣтокъ имѣете?

— Да, трехъ Сыновей.

— Пошли имъ Богъ жизни и здоровья! — произнесла крестьянка фразу, которую въ Сербіи принято говорить каждой матери. — А какъ ихъ зовутъ?

Королева оглянулась и внимательно посмотрѣла на женщину.

— Старшаго зовутъ Петромъ. А двухъ младшихъ — Томиславомъ и Андреемъ.

Тутъ крестьянка взмахнула руками и заголосила.

— Охъ, горе мое горькое!.. И какъ же я не признала Тебя, Величество?! Прости Ты меня, бабу глупую, неразумную...

Она не знала въ лицо ни Короля, ни Королевы, но твердо помнила имена трехъ Королевичей.

О СЕНЬЮ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, Король ѣхалъ какъ-то по направленію къ г. Велесу (въ Южной Сербіи). Шли дожди. Дороги были размыты. Королевскій автомобиль шелъ замедленнымъ темпомъ. Въ концѣ концовъ онъ завязъ въ болотѣ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

Шофферъ сталъ давать сигналы сиреной. Ихъ услышали въ ближайшемъ баракѣ, гдѣ жили рабочіе новостроящейся желѣзнодорожной вѣтки.

Изъ барака вышелъ молодой надсмотрщикъ, который, узнавъ, въ чемъ дѣло, немедленно вызвалъ рабочихъ и приказалъ имъ вытаскать автомобиль.

Пока рабочіе суетились, надсмотрщикъ подошелъ ближе, увидѣлъ Королевскій штандартъ и узналъ Короля. Онъ очень смутился и хотѣлъ было отойти, но Король подозвалъ его и похвалилъ за усердіе, которое онъ проявилъ къ путешественникамъ, не зная, кто они.

Дальше Король пожелалъ узнать, откуда родомъ надсмотрщикъ. Узнавъ, что изъ ближайшаго села, Король еще разъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что сынъ крестьянина, самъ, безъ посторонней помощи выбился въ люди.

— Кѣмъ бы вы хотѣли быть въ будущемъ? — спросилъ Король молодого человѣка.

— Штатнымъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, Ваше Величество.

Король приказалъ маршалу Двора записать имя, фамилію и просьбу надсмотрщика.

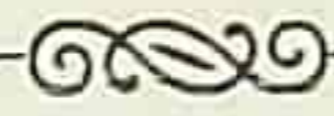
Черезъ недѣлю онъ былъ вызванъ въ Бѣлградъ и тамъ получилъ прекрасное мѣсто по личному распоряженію Короля.

Въ іюль 1932 года Король объѣзжалъ города и села Черногоріи. Въ г. Никшичѣ адъютантъ обратилъ вниманіе Короля на стоявшую въ толпѣ пожилую черногорку, дочь и жену извѣстныхъ черногорскихъ героевъ. Король привѣтливо обратился ко вдовѣ, спросилъ ее о здоровьѣ, о семьѣ и желаніяхъ.

— Я имѣю два желанья, — твердо сказала черногорка. — Первое — касается моей старшей дочери. Пятнадцатилѣтней дѣвушкой, во время Балканской войны она потеряла руку. Я прошу Ваше Величество дать ей мѣсто. Второе мое желаніе — видѣть сына, переведеннымъ на службу въ нашъ родной Никшичъ.

Король исполнилъ оба желанія почтенной черногорки, пообѣщавъ заботиться объ ея семьѣ, пока будетъ живъ и отъ Себя прислалъ ей десять тысячъ динаръ на лѣченіе.

НЕДАЛЕКО отъ г. Ниша рабочіе починали шоссе. Король, часто гулявшій по шоссе, присмотрѣлся къ рабочимъ и однажды вступилъ съ ними въ разговоръ. Оказалось, что всѣ они были людьми бѣдными; но все же положеніе одного изъ нихъ, отца многочисленной семьи, было самымъ тяжелымъ.

Король далъ ему тысячу динаръ.

— Пошли домой!

ГОДА за два до трагической кончины Король былъ въ „Нишской банѣ“.

Въ одну изъ Своихъ обычныхъ утреннихъ прогулокъ Король повстрѣчалъ на шоссе крестьянина, который велъ двухъ воловъ.

— Куда ведешь? — спросилъ Король.

— Въ Нишъ продавать.

— Развѣ такая нужда?

Крестьянинъ опустилъ голову.

— Налоги платить надо. За мной ихъ много накопилось...

— Но почему ты рѣшилъ продать, именно, воловъ? — попытался Король.

— На все другое — отвѣчалъ крестьянинъ — цѣны стоятъ теперь низкія. Вотъ я, къ примѣру, имѣю около двухъ тысячъ литровъ домашней водки. Да за нее никто не даетъ мнѣ сейчасъ настоящей цѣны; нужно ждать до конца осени. Ужъ я думалъ и такъ, и сякъ. Вижу, надо продавать воловъ...

Король досталъ бумажникъ, вынулъ изъ него четыре тысячи динаръ и далъ крестьянину.

— Возвращайся домой, уплати налоги и не смѣй продавать того, что тебѣ въ хозяйствѣ нужнѣе всего.

ДОБРОЕ сердце Короля не знало дѣлений на своихъ и не своихъ. Король отличался широкой вѣротерпимостью. Кромѣ того, Онъ былъ снисходителенъ къ человѣческимъ слабостямъ. Больше всего цѣнилъ Король въ людяхъ — правдивость.

Эти черты Короля привели въ умиленіе профессора самой свободной въ мірѣ страны д-ра Пренса, б. американскаго посланника. Д-ръ Пренсъ рассказывалъ, какъ однажды, возвращаясь съ охоты, Король подвезъ въ Своемъ автомобилѣ старуху-крестьянку. Когда шофферъ шепнулъ старухѣ, что рядомъ съ ней сидитъ Король, она страшно переполошилась.

— Да, да, матушка, Король, — ласково улыбнулся ей Его Величество, точно поѣздка старухи въ королевскомъ автомобилѣ была самымъ обыкновеннымъ событіемъ.

Въ другой разъ Король разговорился съ шофферомъ американскаго консульства.

— Съ виду ты — босанецъ.

— Такъ точно, Ваше Величество!

— А на чьей сторонѣ воевалъ во время Великой войны?

— На австрійской, Государы! Противъ Васъ...

— А теперь?

— Теперь я съ Вами до гробовой доски, — твердо сказалъ босанецъ.

— Такихъ людей надо держать при себѣ, — сказалъ Король, обращаясь къ посланнику. — Человѣкъ, который не боится говорить истину...*

ЛЮБОВЬ Короля къ русскимъ была общеизвѣстной. Не всѣ, однако, знали, какъ смотрѣлъ Король на принятіе русскими югославскаго подданства. Король находилъ, что въ борьбѣ за существованіе русскіе могутъ становиться югославскими подданными, но они остаются русскими. Новое подданство будетъ длиться для нихъ до момента, когда они смогутъ вернуться въ Россію.

Король издалъ законъ о льготномъ принятіи русскими югославскаго подданства, въ чемъ полагалъ новое проявленіе широкаго гостепрѣимства въ братской странѣ.

Короля очень трогали чувства преданности и любви, питаемыя къ Нему русскими изгнанниками.

Когда одно лицо сказало Королю на аудіенціи, что сочло бы за счастье назвать Его „своимъ Королемъ“, Король просвѣтлѣлъ.

— Повторите, пожалуйста, что вы сказали!

Убѣдившись въ томъ, что Онъ не ослышался, Король не скрылъ Своего удовольствія.

КОРОЛЬ Александръ умѣлъ быть признательнымъ. Такъ, узнавъ о тяжеломъ матеріальномъ положеніи бывшаго директора Пажескаго корпуса, Король назначилъ ему большую пенсію. Затѣмъ Король выписалъ изъ провинціи б. воспитателя Корпуса и далъ ему мѣсто въ столицѣ.

Въ числѣ многихъ другихъ, Король устроилъ на службу сына воспитателя Корпуса, на квартирѣ котораго Онъ жилъ, будучи Пажемъ.

Особеннымъ вниманіемъ и любовью Короля пользовались русскіе инвалиды, среди которыхъ Король имѣлъ „крестниковъ“

Помимо обычнаго инвалиднаго пособія, „крестники“ Короля получали и продолжаютъ получать помощь изъ личныхъ средствъ Короля.

ВЪ Академіи: Военную и Интендантскую принимаютъ лицъ съ законченнымъ среднимъ образованіемъ, то есть, имѣющихъ аттестатъ зрѣлости — „большую матуру“.

Двое юношей кончили шесть классовъ гимназіи и на дальнѣйшее ученіе у нихъ не было средствъ. Оба были на хорошемъ счету у начальства, прилежны и способны. И вотъ кто-то посоветовалъ имъ обратиться къ Королю.

Юноши произвели на Короля благопріятное впечатлѣніе и по Королевскому распоряженію были приняты на казенный счетъ въ Академію. Въ настоящее время они отлично учатся и идутъ первыми по успѣхамъ и поведенію.

Не отказывалъ также Король и русскимъ юношамъ, избравшимъ военную карьеру, въ правѣ поступать въ Академію. Свыше 100

человѣкъ, воспитанниковъ русскихъ средне-учебныхъ заведеній, кончили Военную Академію и были приняты въ Югославскую Армію.

Для поступленія въ Академію обычно требуется выполненіе цѣлаго ряда формальностей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Король отдавалъ приказаніе, и молодыхъ людей принимали немедленно.

Такъ одинъ юноша, сынъ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ Короля, пріѣхалъ въ Бѣлградъ изъ Франціи и прямо съ вокзала отправился въ Академію, гдѣ къ приему его не встрѣтилось никакихъ препятствій.

К ОРОЛЬ Александръ былъ творцомъ по природѣ. Всю жизнь Онъ строилъ, сооружалъ, обновлялъ и украшалъ Свою державу. Король Александръ еще при жизни вошелъ въ легенду — сначала, какъ Герой, перенесшій всѣ испытанія войны, а потомъ, какъ Строитель государства.

Послѣ окончанія Великой войны, Король въ кратчайшій срокъ привелъ въ порядокъ желѣзныя и шоссейныя дороги, мосты, фабрики, курорты, города. Въ одномъ мѣстѣ Онъ строилъ электрическую станцію, въ другомъ — проводилъ водопроводъ, въ третьемъ — устраивалъ образцовую экономію, въ четвертомъ — больницу...

Всѣ поѣздки Короля по селамъ и городамъ имѣли одну цѣль: лично узнать, что нужно починить, исправить, построить.

Въ столицѣ Король построилъ два великолѣпныхъ моста, Студенческой Домъ, Домъ для школьниковъ, Русскій Домъ, разбилъ парки, украсилъ улицы. Въ нѣсколько лѣтъ Бѣлградъ сталъ неузнаваемъ.

Король строилъ дворцы, виллы, памятники. Задуманный Имъ

памятникъ Неизвѣстному Солдату на Авалѣ будетъ самымъ импозантнымъ выраженіемъ любви Монарха къ Своей арміи.

Но больше всего, съ наивысшей любовью Король строилъ, обновлялъ и украшалъ храмы.

Благодаря Королю Александру, церковное зодчество (сербское и міровое), а равно и церковная живопись обогатились рядомъ цѣннѣйшихъ памятниковъ, которые будутъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе...

С АМЫМЪ великимъ творческимъ дѣломъ Короля Александра является Храмъ - Усыпальница въ Опленцѣ. Храмъ этотъ былъ построенъ Королемъ Петромъ. Королю Александру принадлежитъ честь созданія изъ этого Храма шедевра искусства.

Король Александръ покрылъ всѣ стѣны, своды и колонны Храма драгоцѣнной мозаикой, въ которой увѣковѣчилъ средневѣковыя фрески 60-ти старыхъ сербскихъ монастырей и церквей отъ Фрушкой горы до Хилендара. Благодаря этому, Храмъ на Опленцѣ вошелъ въ число міровыхъ достопримѣчательностей Рима, Константинополя, Равенны, Венеціи и т. д.

Всѣ работы въ Храмѣ, начиная съ главныхъ задачъ и кончая мелочами, велись по точнымъ указаніямъ Короля. Поистинѣ, ни одинъ гвоздь не былъ вбитъ безъ Его вѣдома.

Предварительно Король долго изучалъ вопросъ. Потомъ приступилъ къ дѣлу съ Ему Одному присущей энергіей. Наконецъ, Онъ внесъ въ дѣло украшенія Храма религіозное и эстетическое чувство Свое и Своего народа.

Бѣломраморный, съ пятью позолоченными куполами, Храмъ расположенъ на самомъ высокомъ мѣстѣ Опленца и виденъ на сотни километровъ вокругъ.

Храмъ построенъ въ старомъ сербско-византійскомъ стилѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльныя части: куполь, арки, колонны, полъ, склепъ напоминаютъ церковь Св. Марка въ Венеціи, Св. Софію, церковь въ Палермо, церковь Св. Луки въ Эокизѣ, церковь St.-Denis въ Парижѣ и т. д.

Въ Храмѣ — двѣ церкви. Верхняя посвящена Св. Георгію Побѣдоносцу. Въ ней находятся двѣ бѣлыхъ гробницы: Ктитора Храма — Короля Петра и Основателя династіи — Карагеоргія.

Гробницу Карагеоргія окружаютъ мозаичныя фигуры средневѣковыхъ сербскихъ государей съ моделями храмовъ, построенныхъ ими.

На колоннахъ Храма символически изображена жизнь „столпа Сербской Православной Церкви“ — Св. Саввы.

Всѣ иконы, орнаменты и мотивы Храма представляютъ собой копию лучшихъ сербскихъ средневѣковыхъ фресокъ.

Въ верхней церкви хранятся боевые трофеи и славныя знамена старой Сербской арміи. Теперь вдоль стѣнъ церкви лежатъ и стоятъ золотые, серебряные и бронзовые вѣнки — земные дары Ушедшему отъ земли...

Нижняя церковь посвящена Апостолу Петру. Она представляетъ собой склепъ, куда были перенесены останки почившихъ членовъ Дома Карагеоргиевичей.

Первымъ изъ живыхъ сошелъ подъ ея своды Блаженнопочившій Король Александръ. Справа отъ алтаря нашель мѣсто вѣчнаго успокоенія Тотъ, Кто по праву и заслугамъ былъ Вторымъ Ктиторомъ Храма.

СЕРБСКІЙ народъ можетъ и въ правѣ гордиться своими обычаями. Главными изъ нихъ являются: обычай праздновать крестную „славу“ и обычай строить „задужбины“.

Праздникъ „славы“ представляетъ собой чудомъ сохранившійся остатокъ жизни первыхъ христіанъ, когда домъ имущаго былъ открытъ для всѣхъ ближнихъ, сирыхъ и голодныхъ.

„Задужбина“ — это долгъ передъ Богомъ и предками. „Задужбиной“ называютъ церковь или богоугодное учрежденіе, которымъ суждено пережить построившее ихъ лицо во искупленіе грѣховъ.

Если отецъ или другой близкій человекъ не успѣлъ при жизни окончить „задужбины“ — долгъ сына продолжить дѣло отца.

Старые сербскіе государи считали главнымъ дѣломъ своей жизни сооруженіе храмовъ Божіихъ. По всей Сербіи стоятъ и понынѣ ихъ „задужбины“.

Вступивъ на престолъ, Король Александръ позаботился о томъ, чтобы съ истинно царскимъ великолѣпіемъ окончить „задужбину“ Своего Отца на Опленицѣ. Потомъ Онъ приступилъ къ сооруженію Своей „задужбины“ на одномъ изъ красивѣйшихъ холмовъ въ окрестностяхъ Бѣлграда — на Дединьѣ.

Церковь въ честь Апостола Андрея Первозваннаго (Святого Покровителя Дома Карагеоргиевичей), по желанію Короля украшена только каменными фресками, точной копией средневѣковыхъ сербскихъ фресокъ. Иконостасъ для этой церкви собирали по частямъ, между прочимъ въ Константинополѣ у турокъ, выносившихъ на продажу имущество старыхъ византійскихъ церквей. Въ этой церкви хранятся реликвиі императора Павла I, полученныя имъ отъ Мальтійскихъ рыцарей въ 1799 году.

И церковь Св. Андрея Первозваннаго, и дворець, который построилъ на Дединьѣ Король Александръ, доказываютъ любовь Короля къ средневѣковому искусству, въ частности, къ сербско-византійскому стилю, который Онъ стремился закрѣпить въ жизни и въ исторіи чело-вѣческой культуры.

КОРОЛЬ Александръ былъ не только любителемъ, но и большимъ знатокомъ въ области искусства. Въ Его личной библиотекѣ больше всего было книгъ по общей исторіи и по исторіи искусства. Обладая рѣдкимъ вкусомъ, Король умѣлъ строить и умѣлъ приобрѣтать предметы старины. Больше всего радовался Король, когда его коллекція картинъ пополнялась полотномъ кисти какого-нибудь знаменитаго художника.

Исключительную любовь проявлялъ Король къ иконописи. Въ королевскомъ дворцѣ на Дединьѣ было много старыхъ иконъ, подаренныхъ Королю въ разное время населеніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя Онъ посѣщалъ. Среди нихъ была одна старая икона Спасителя византійскаго письма, преподнесенная Королю въ Южной Сербіи. На ней еле проступалъ ликъ Спасителя, почти нельзя было различить цвѣта ризъ и прочесть надписи на открытомъ Евангеліи въ рукахъ Христа.

Король рѣшилъ очистить икону. Въ Бѣлградъ былъ вызванъ извѣстный нѣмецкій реставраторъ, которому не разъ посылали старыя иконы сербскаго письма. Король приказалъ реставрировать икону въ Своемъ присутствіи.

Съ радостнымъ изумленіемъ смотрѣлъ Король, какъ проступали на иконѣ нѣжныя, свѣжія краски.

По желанію Короля, икону отнесли въ Его рабочую комнату, и рядъ лѣтъ съ раскрытаго въ рукахъ Спасителя Евангелія къ Королю были обращены слова (Еванг. отъ Матѳея 11, 28):

„Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ успокою вы. Возьмите иго Мое на себе....“

... До мученической кончины Король несъ на Себѣ иго Христа.

КОГДА Король что-либо строилъ, главнымъ желаніемъ Его было сохранить народный стиль и поддержать сербскую промышленность (горную), а также кустарное производство.

Невдалекѣ отъ Храма - Усыпальницы на Опленцѣ, Король построилъ домъ для приѣзжающихъ. Домъ этотъ — въ стилѣ крестьянскихъ домовъ изъ долины Моравы.

Однажды Король пріѣхалъ на Оплепацъ безъ провожатыхъ, кухни и лакеевъ. Онъ пришелъ обѣдать въ нововыстроенный домъ, гдѣ Его приняли, какъ и всякаго другого посѣтителя. Король былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ.

Встрѣтивъ знакомаго офицера съ женой, Король пригласилъ ихъ въ читальню, гдѣ имъ былъ сервированъ обѣдъ. Въ пріятной бесѣдѣ прошло около двухъ часовъ. Король имѣлъ возможность убѣдиться, что Его добрыя начинанія (отдѣлка храма, образцовое имѣніе и виноградники) привлекаютъ посѣтителей, вызываютъ интересъ и восхищеніе.

Въ тотъ день Король уѣзжалъ въ Бѣлградъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа: одинъ день Онъ жилъ такъ, какъ и всѣ другіе люди.

КОРОЛЬ Александръ былъ покровителемъ искусствъ: музыки, ваянія, живописи, архитектуры, литературы и театра. Любя театръ, Король отлично зналъ, какую роль игралъ театръ въ исторіи духовнаго развитія народовъ и, въ частности, въ исторіи русской культуры.

Когда строили Русскій Домъ имени Императора Николая II, Король говорилъ академику А. Беличу:

— „Вы должны сохранить за русскими русскую душу. Смотрите, они пріѣхали со своими семьями. Каждая семья — это народъ въ миниатюрѣ, это праначало каждаго народа. Повѣрьте, русскіе найдутъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ свою Родину, если семья будетъ дышать русской атмосферой.

Русская школа, начальная и средняя, должна навсегда закрѣпить за ними русскую національность, безъ которой ихъ семья — оторванный листокъ отъ могучаго дерева.

И это не все, и этого мало. Русскій челоѣкъ не можетъ жить безъ удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей. Помните это всегда. Пріютить, накормить, вылѣчить — хорошо, необходимо и очень полезно. Но если въ то же время вы не дадите русскому челоѣку отвести душу на лекціяхъ, концертахъ, выставкахъ, а, въ особенности, въ своемъ театрѣ, въ своей оперѣ — вы ничего для него не сдѣлали.

Помните всегда, что есть въ мірѣ народъ, который пожертвуетъ хлѣбомъ для духовныхъ благъ, которому искусство, наука, театр — также кусокъ хлѣба. Это — наши русскіе...“

Въ Бѣлградѣ пріѣхалъ хоръ Жарова. Это событіе радостно взволновало все общество, русское — въ особенности. Разсѣянные по всему міру и, за небольшими исключеніями, матеріально необезпеченные, русскіе эмигранты не похожи на людей, побѣжденных или раздавленныхъ жизнью.

Располагая однимъ оружіемъ — Искусствомъ (вокальнымъ и хореографическимъ, по преимуществу), бездомные русскіе мирно завоевываютъ города, державы и народы. Искусство преемственно роднитъ ихъ съ русскими побѣдителями прежнихъ лѣтъ.

Анна Павлова была единственнымъ именемъ въ мірѣ. Второго Шаляпина не слышалъ ни Старый, ни Новый Свѣтъ. Хоръ Жарова тоже является побѣдоноснымъ явленіемъ русскаго искусства. Понятно, что пріѣздъ этого хора въ Бѣлградѣ чрезвычайно обрадовалъ русскихъ.

Цѣны на билеты были высокія. Только немногіе русскіе могли позволить себѣ роскошь — пойти на концертъ.

Объ этомъ узналъ Король Александръ.

Глубоко цѣнившій и любившій русское искусство, Король пригласилъ хоръ во Дворецъ. Въ назначенный день во Дворцѣ состоялся концертъ, на которомъ имѣли высокую честь присутствовать, по милостивому соизволенію Короля, многія лица бѣлградской русской колоніи.

Въ сентябрѣ 1928 года въ Бѣлградѣ происходилъ первый Съѣздъ русскихъ писателей и журналистовъ. Король Александръ пожелалъ видѣть у Себя участниковъ Съѣзда. Каждый получилъ отъ маршала Двора пригласительную карточку. 27-го сентября радостно-взволнованные русскіе изгнанники вступили въ большой двухсвѣтный пріемный залъ. Русскихъ размѣстили „цѣпочкой“ въ лѣвой половинѣ зала, а справа стали делегаты другого международнаго съѣзда.

Вотъ, что вспоминаетъ объ этомъ пріемѣ Евгеній Жуковъ:

„Мы недолго ждали выхода Короля. Среди придворныхъ пронеслось волненіе, мигомъ прервались шопотъ и разговоры, раздались звуки гимна.

Въ залъ вошелъ бодрый, стройный Офицеръ, въ темно-синемъ мундирѣ, почти безъ всякихъ украшеній, съ палашомъ въ лѣвой рукѣ, въ пенснэ, смуглый. Онъ издали производилъ совсѣмъ молодое впечатлѣніе. Только вблизи увидѣли мы нервныя черты, бѣлѣющіе виски — слѣды войны, постояннаго напряженія и заботъ.

Сперва Ему представили иностранцевъ. Мы внмательно слѣ-

дили за всѣми Его движеніями. Онъ каждому подавалъ руку, для каждаго у Него былъ вопросъ, искреннее вниманіе.

Наконецъ, въ глубинѣ зала Король замѣтилъ нашего Нестора — В. И. Немировича-Данченко. Король ускорилъ шагъ, быстро подошелъ къ нему, обѣими руками пожалъ его руку. Спросилъ объ участіи въ Освободительной войнѣ, вспомнилъ о послѣдней встрѣчѣ въ Парижѣ. Потомъ послѣдовалъ невольный вопросъ:

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Восемьдесятъ четыре, — бодро отвѣчалъ военный корреспондентъ Скобелева.

Король движеніемъ руки показалъ Свое уваженіе къ столь почтенному возрасту и добавилъ:

— Вы — живая исторія Сербіи.

Пришла очередь другихъ членовъ президіума. Съ проф. А. А. Боголѣповымъ Король бесѣдовалъ о положеніи русскихъ въ Германіи, съ А. И. Ксюнинымъ и Евг. Жуковымъ говорилъ по-сербски. Потомъ Король подошелъ къ парижской группѣ.

А. И. Купринъ неожиданно поздоровался съ Королемъ по-военному: — Здравія желаю, Ваше Королевское Величество!

— Здравствуйте, милый! — отвѣтилъ ему Король. — Я васъ знаю.

— И я Васъ знаю, Ваше Величество, — отвѣтилъ Купринъ.

— Откуда вы Меня знаете? — привѣтливо улыбнуля Король.

— Я уже пять дней въ Вашей странѣ. Я люблю вращаться среди простого народа и за эти дни убѣдился, что народъ Васъ обожаетъ. Вотъ откуда я Васъ знаю, Ваше Величество!

Король опять улыбнулся и крѣпко пожалъ руку демократическому писателю.

Обходъ кончился. Насъ пригласили въ столовую пить чай. Передъ нами былъ богато сервированный столъ. Подъ покровомъ гостепріимнаго дома люди, знавшіе другъ друга по виду и по имени, впервые знакомились и сближались.

Когда начался разѣздъ, у выхода, прощаясь съ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, М. Гролемъ, А. Купринъ обронилъ фразу: — Я влюбился въ Вашего Короля.

...Мы всѣ тогда влюбились въ Короля Александра, нашего Короля“.

КОРОЛЬ Александръ умѣлъ цѣнить талантливыхъ людей. Еще въ юные годы внимательно познакомился Онъ съ произведеніями выдающихся ученыхъ, художниковъ, писателей и поэтовъ родной земли. Въ годы испытаній, на фронтѣ и

позже, утомленный государственными дѣлами, Онъ отдыхалъ душой надъ сборникомъ стиховъ, надъ хорошей книгой такъ, какъ отдыхалъ на лонѣ любимой Имъ природы.

Когда Король узнавалъ, что кто-нибудь изъ славныхъ югославянъ заболѣвалъ, Онъ окружалъ больного совершенно исключительными знаками вниманія: выписывалъ изъ за границы знаменитыхъ докторовъ, бралъ на Себя всѣ расходы по лѣченію, лично навѣщалъ и т. п.

Такъ видѣлъ Короля у своего смертнаго одра географъ d-г Иванъ Цвіичъ. Съ умиленіемъ рассказываетъ о добротѣ Короля долго хворавшій писатель Браниславъ Нушичъ и много, много другихъ.

Цѣнилъ Блаженнопочившій Король и русскихъ великихъ людей: ученыхъ, общественныхъ дѣятелей, героевъ, художниковъ.

Однажды Король пригласилъ во Дворецъ Д. С. Мережковского съ супругой, поэтессой Зинаидой Гиппіусъ. Король и Королева очаровали супруговъ Мережковскихъ. Оставили ихъ обѣдать. За обѣдомъ Король сидѣлъ рядомъ съ Зинаидой Николаевной, а *vis-à-vis* — Королева и Д. С. Мережковскій. Велась оживленная бесѣда. Говорили о Россіи, о великой русской литературѣ, о Петербургѣ, о поэзіи.

Король спрашивалъ Дмитрія Сергѣевича объ его очередномъ романѣ.

— Король неповторимъ, — говорилъ впоследствии Д. С. Мережковскій. — Въ Немъ соединено все лучшее, что можетъ быть присуще человѣку. Такимъ долженъ быть настоящій король, исключительный человѣкъ и славянинъ въ полномъ смыслѣ слова.

— Я не могу забыть прекраснаго и чуднаго выраженія глазъ Короля, — говорила Зинаида Николаевна. — Эти глаза въ одно и то же время были ясными и скромными, покойными и внимательными.*

КОРОЛЬ помогалъ талантливымъ людямъ и поддерживалъ всякую, полезную для народа и государства, инициативу. Король поручилъ нѣсколькимъ художникамъ объѣхать монастыри, изучить и скопировать старыя иконы и фрески. Художники замѣтили, что одинъ изъ нихъ въ свободное время пишетъ пейзажи, и послѣдніе получаютъ у него болѣе удачными, чѣмъ лики святыхъ.

По возвращеніи въ Бѣлградъ, кто-то рассказалъ Королю объ этомъ художникѣ.

Король пригласилъ его въ Свою виллу „Сувороръ“ (въ Словеніи), предоставилъ въ его распоряженіе автомобиль, и художникъ сталъ писать.

Спустя мѣсяцъ Король пріобрѣлъ всѣ пейзажи молодого художника, щедро наградивъ его и, тотъ, окрыленный надеждами, вернулся въ Бѣлградъ.

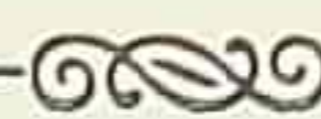

Н А Съѣздѣ русскихъ писателей и журналистовъ, въ 1928 году, Король говорилъ А. Куприну:
— Для Меня нѣтъ лучшаго отдыха и удовольствія, чѣмъ тѣ краткіе часы, которые Я изрѣдка провожу въ маленькомъ наслѣдственномъ имѣніи среди дружественныхъ крестьянъ, отдыхая отъ Моей тяжелой государственной службы. Тамъ все чисто: и воздухъ, и люди, и мысли...

И Король съ улыбкой рассказывалъ, что Ему извѣстно, сколько у каждаго крестьянина лошадей, коровъ и барановъ, хорошо ли крестьянинъ живетъ съ женой, сколько вина наточилъ онъ въ своемъ виноградникѣ за прошлое лѣто. Король зналъ, кому изъ крестьянъ нужно придти на помощь, у кого крестины, кого выдавать замужъ.

.

Эти идиллическія отношенія Короля съ народомъ кончились холодомъ октябрьскихъ дней, когда съ зажженными свѣчами, со стономъ на стиснутыхъ губахъ, захлебываясь отъ слезъ, колѣнопреклонный народъ провожалъ своего мертваго Короля...

В СѢ, кому дорого было величіе Югославіи, молили Короля беречь Свою жизнь.
Бывая въ Загребѣ, Король Александръ посѣщалъ славнаго у себя на Родинѣ и за предѣлами ея скульптора Ивана Мештровича.

— Ваше Величество, осторожность — никогда не лишняя. Не рискуйте Своей жизнью! — просилъ скульпторъ.

— Я знаю, что ждетъ Меня на каждомъ шагу, — сказалъ ему незадолго до трагической кончины Своей Король. — И Я долженъ быть готовымъ на все. Глубоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что, убивъ Меня, убьютъ и Югославію. Вѣдь Я — не больше, какъ человекъ. Югославію строили до Меня и будутъ строить послѣ... Она станетъ только сильнѣе, если Я за нее отдамъ Свою жизнь...

Король служилъ правому дѣлу съ такимъ энтузіазмомъ и вѣрой, съ какими древніе христіане шли на смерть. Одному лицу, расходившемуся съ Нимъ по вопросамъ внутренней политики, Король Александръ задалъ вопросъ:

— Готовы ли вы умереть, защищая вашу точку зрѣнія?

.....

Король умеръ, защищая „миръ всего міра“...

У КОРОЛЯ Александра былъ вѣрный слуга, камердинеръ Зечевичъ. Король ласково звалъ его „Зека“. Зечевичъ 32 года служилъ своему Государю и любилъ Его безъ памяти.

Король часто бесѣдовалъ съ Зечевичемъ, такъ какъ устами послѣдняго говорила народная мудрость.

— Не нужно разрушать старыхъ крѣпостей, — говорилъ Зечевичъ. — На нихъ когда-то держалась жизнь. И потомъ это приноситъ несчастье.

— Ты суевѣренъ, Зека, — замѣчалъ Король, — но словъ слуги Своего не забывалъ.

— Ну вотъ, собираетесь на охоту и взяли новыя перчатки. Точно нѣтъ у насъ ношенныхъ, — ворчалъ Зечевичъ.

— Не сердись, Зека! Я постараюсь ихъ не порвать, — успокаивалъ его молодой Король и, обращаясь къ гостямъ, шутилъ:

— Видите, господа, и у Меня есть „свекровь“!

Король былъ Рыцаремъ безъ страха; Зечевичъ всегда боялся несчастныхъ случаевъ:

— Ваше Величество, между 72-ымъ и 73-имъ километромъ дороги, по которой Вы собираетесь ѣхать, на Васъ готовится покушеніе. Отложите поѣздку! — умолялъ Зечевичъ.

На другой день Король звалъ „Зеку“.

— Твои свѣдѣнія оказались невѣрными. Въ указанный тобой часъ Я былъ на мѣстѣ, которое ты считалъ роковымъ, и тамъ никого не было.

Однажды Король былъ въ Своей виллѣ на Опленцѣ. Послѣ обѣда Онъ легъ отдохнуть, а въ это время убиравшая въ нижнемъ этажѣ прислуга что-то уронила и разбудила Короля.

Старикъ Зечевичъ взялъ палку и выгналъ изъ виллы всю прислугу — сорокъ человѣкъ.

Всѣ они сидѣли на лужайкѣ парка до четырехъ часовъ дня, пока не проснулся и не увидалъ ихъ изъ окна Король. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Король очень смѣялся.

Король Александръ интересовался нумизматикой. Онъ собиралъ и бережно хранилъ старыя монеты.

Однажды, проходя мимо витрины, гдѣ лежали наиболѣе цѣнные экземпляры, Король замѣтилъ исчезновеніе одной маленькой, очень старой монеты. Король поставилъ это на видъ Зечевичу и убравшему лакею.

Ворча и охая, Зечевичъ принялся за поиски, которые въ концѣ концовъ увѣнчались успѣхомъ.

— Господи, Ты Боже мой! — вздыхалъ старикъ. — Ну, будь что нужно: золото тамъ или серебро! А то — „пара“ несчастная, завалящаяся... Гроша мѣднаго не стоитъ. А Онъ разсердился на насъ, точно мы дѣла не знаемъ...

„Онъ“ — Король, работавшій въ сосѣдней комнатѣ, только разсмѣялся, услышавъ сентенціи вѣрнаго слуги.

Когда Король послѣдній разъ въ жизни подѣзжалъ къ берегамъ Франціи, бѣдный Зечевичъ страшно волновался: Король рѣшительно отказался принять какія-либо мѣры предосторожности. Тогда Зечевичъ положилъ въ передніе карманы адмиральскаго мундира Короля два массивныхъ, изогнутыхъ серебряныхъ портсигара. Король замѣтилъ, что мундиръ сталъ стѣснять Его и нащупалъ портсигары.

— Я думалъ, — проговорилъ смущенный Зека, — что для дороги потребуется двойная порція папиросъ...

— Да... — неопредѣленно сказалъ Король.

— И потомъ я думалъ, что Ваше Величество будете рады взять съ Собой этотъ подарокъ Принца Павла...

— Да... — еще разъ протянулъ Король. Потомъ живо обернулся къ Зечевичу, и лицо Его освѣтилось улыбкой.

— Послушай, Зека, разъ мы ѣдемъ во Францію, это „царство Моей радости“, Мнѣ не нужна „двойная порція папиросъ“, какъ ты удачно выразился. Ничего не нужно!

...И черезъ часъ послѣ этого разговора Король былъ убитъ...

Горе Зечевича было такъ безпредѣльно, какъ и его любовь. Его глаза не высыхали, его вопли не смолкали, его нельзя было оторвать отъ тѣла Короля...

...И когда все было кончено, и одинъ за другимъ поднялись и вышли изъ Храма на Опленцѣ всѣ отдавшіе Королю послѣдній долгъ — у новой, залитой слезами, могилы остался Зечевичъ. Безъ пищи, безъ сна... И только Королева могла потомъ увести его....

Зечевичъ не пересталъ заботиться о Своемъ Государѣ: онъ и Мертвому Королю, какъ прежде Живому, ежедневно приноситъ Его любимые цвѣты — „босилякъ“ (душистый зеленый василекъ).

ЖИТЕЛИ Зетской Бановины, села Ханъ - Гаранчичъ, вспоминаютъ, какъ въ началѣ октября 1934 года Король послѣдній разъ обѣдалъ на родной землѣ. Крестьяне работали въ полѣ, когда увидѣли, что по шоссе спускается нѣсколько автомобилей. Доѣхавъ до сложенныхъ балокъ, путешественники остановились, вышли изъ автомобилей и стали закусывать. Крестьяне съ любопытствомъ приблизились къ нимъ.

Одинъ изъ путешественниковъ былъ въ генеральской формѣ. Онъ обратилъ вниманіе на одного оборваннаго батрака, далъ ему 1000 динаръ, потомъ наградилъ и другихъ крестьянъ. Увидѣвъ издали дѣтей, Король подозвалъ ихъ къ Себѣ, приласкалъ, какъ нѣжный Отецъ, и тоже одарилъ.

...Спустя годъ крестьяне просили разрѣшенія назвать лугъ, на которомъ послѣдній разъ сидѣлъ Король, — „Королевской трапезой“.

НЕДАЛЕКО отъ Херцегови, въ Которской бухтѣ находится старый монастырь Савина-святыня, глубоко чтимая всѣмъ населеніемъ Приморья. Въ день Успенія Пресвятой Богородицы, на храмовой праздникъ собираются вмѣстѣ православные и католики, чтобы помолиться Небесной Защитницѣ путешествующихъ и скорбящихъ.

Передъ послѣдней роковой поѣздкой за границу Король Александръ пожелалъ посѣтить этотъ монастырь. Король долго молился передъ образомъ Пресвятой Богородицы, возжегъ и поставилъ свѣчу.

Выйдя изъ храма, Король расписался въ книгѣ посѣтителей. Это была Его послѣдняя подпись: „Александръ. 6 - X - 1934 г.“

Уѣзжая, Король далъ настоятелю монастыря 1000 динаръ — совершилъ послѣднее доброе дѣло на родной землѣ.

И невольно хочется сопоставить посѣщеніе Княжичемъ Александромъ монастыря Сергіева Пустынь въ 1903 году и послѣднее посѣщеніе монастыря Савина.

Предъ иконой Божьей Матери склонился тогда будущій Престолонаслѣдникъ, и у Божьей Матери просилъ Онъ благословенія на послѣдній, смертный путь Свой...

ВЪ первыхъ числахъ октября 1934 года у далматинскихъ береговъ Адриатическаго моря былъ сильный штормъ. Король совершалъ путешествіе во Францію на борту крейсера „Дубровникъ“. Всѣ близкіе уговаривали Короля пристать къ берегу и продолжать путь по желѣзной дорогѣ.

— А Мои славные моряки, которые съ нетерпѣніемъ ждутъ ордена Почетнаго Легіона, — возразилъ Король. — Развѣ Я могу лишить ихъ этой радости изъ-за пустячной бури!

Такихъ и имъ подобныхъ разказовъ можно было бы привести великое множество, но оно всегда останется недостаточнымъ и малымъ для того, чтобы исчерпать море добрыхъ дѣлъ и помощи, оказанной Королемъ людямъ.

УСЫПАЛЬНИЦА Карагеоргиевичей на Опленцѣ стала святымъ мѣстомъ всего населенія Королевства. Въ погожій день и въ будни идутъ къ могилѣ Любимаго Короля толпы паломниковъ. Идутъ взрослые, дѣти, подростки; идутъ знатные господа, идетъ бѣдный людъ въ опанкахъ, съ торбами черезъ плечо;

идутъ крестьянки въ живописныхъ народныхъ костюмахъ, идутъ молчаливыя, грустно опустивъ головы.

И нѣтъ имъ конца... Нѣтъ дня, когда бы у могилы Короля не стояли колѣнопреклоненныя фигуры, и когда бы изъ нижняго храма съ печальными сводами не подымались навѣрхъ люди съ заплаканными глазами.

.

Это было лѣтнимъ утромъ 1933 года.

Группа странствующихъ нѣмецкихъ музыкантовъ пришла на Бледъ. Какъ очарованные, остановились музыканты, залюбовавшись чудной панорамой, развернувшейся передъ ихъ глазами.

Окутанное туманомъ, въ высокой рамѣ густой темной зелени лежало передъ ними озеро, и сказочно подымался надъ озеромъ бѣлый воздушный замокъ. Музыканты захотѣли приблизиться, чтобы лучше рассмотреть замокъ. Но навстрѣчу имъ вышелъ жандармъ и запретилъ:

— Это дворецъ Короля.

Музыканты вздохнули и повернули обратно. Не прошли они и двадцати шаговъ, какъ встрѣтили молодого, привѣтливо улыбавагося Офицера.

— Что вамъ сказалъ жандармъ?

— Сказалъ, что дальше идти нельзя.

— А почему вы направлялись ко дворцу? — поинтересовался Офицеръ.

— Потому что онъ очень красивъ. Мы не видѣли ничего прекраснѣе этого дворца, — одушевленно стали объяснять нѣмцы.

— Идите за Мной! — ласково сказалъ имъ Офицеръ.

По тому, какъ разступалась передъ ними стража, музыканты поняли, что ихъ ведетъ не простой офицеръ.

Но когда имъ показали дворецъ, когда ихъ угостили и когда въ присутствіи только Одной Семьи имъ предложили играть, музыканты поняли, что передъ ними — Король.

Они играли съ рѣдкимъ одушевленіемъ, долго и много. Король щедро одарилъ ихъ и по просьбѣ одного изъ нихъ вынесъ Свою карточку съ надписью: „Милымъ и симпатичнымъ нѣмецкимъ музыкантамъ — Александръ, Король Югославіи“.

.

Прошло немного больше года. Германія узнала о безвременной кончинѣ Короля. Горько заплакали, разѣхавшіеся по разнымъ городамъ, нѣмецкіе музыканты.

Когда кончилась зима и весенняя распутица, они съѣхались на границѣ, сдѣлали красивую серебряную пальмовую вѣтвь и пошли пѣшкомъ въ Югославію.

Одѣтые во все черное, они шли, неся инструменты, на ко-

торыхъ когда-то играли Королю. На груди у того, кто шелъ первымъ, висѣла въ массивной дубовой рамѣ карточка Короля съ Его надписью.

Придя на Опленацъ, музыканты долго оставались въ храмѣ, у могилы Короля. А когда вышли, ихъ окружила толпа паломниковъ.

Музыканты взглянули другъ на друга, и печальные звуки Шопеновскаго „Marche funèbre“ торжественно разнеслись въ воздухъ.

Потомъ музыканты подняли свои инструменты и молчаливо, какъ пришли, пустились въ обратный путь.

ВЕСНОЙ 1935 года по дорогѣ въ Опленацъ шла старая македонка съ двумя корзинами цвѣтовъ. Увидѣвъ попутный автомобиль, она попросила подвезти ее.

— Иду на могилу къ Нему, къ нашему Королю, — со слезами говорила старуха. — Онъ былъ у насъ въ Македоніи во время войны. Пришелъ вечеромъ, поздно. Былъ очень утомленъ. Я и невѣстка собрали Ему поужинать. Не побрезгалъ нашей ѣдой; потомъ легъ и уснулъ. На зарѣ я вышла въ огородъ. Туда-сюда, вижу — Онъ проснулся, стоитъ у окна и улыбается.

„Хорошо у тебя, бабушка“, говоритъ. „Я давно такъ крѣпко не спалъ. Цвѣты твои сладко пахнуты!..“

Старуха сжалась вся и зарыдала.

— Я бы сердце свое Ему вынула, душу бы отдала... — со стономъ вырвалось у нея изъ груди.

— Постоялъ Онъ у насъ недолго, — продолжала она. — Армія все шла и шла... Уходя, денегъ намъ оставилъ и все цвѣты хвалилъ...

— Вотъ теперь цвѣты распустились такіе, какъ были тогда. Я срѣзала ихъ и несу Ему. Знаю: не подыметъ Онъ больше, не улыбнется... А все, можетъ быть, легче станетъ Ему лежать, какъ почуветъ запахъ родныхъ цвѣтовъ...

18 ГО октября 1934 года мы, русскіе, хоронили Нашего Короля. Четвертые славяне въ Его объединенномъ государствѣ, мы 15 лѣтъ жили подъ Его защитой. Онъ заботился о насъ, какъ Другъ, какъ истинный Союзникъ, какъ Славянинъ, и какъ Король.

Онъ принялъ три эвакуаціи русскихъ бѣженцевъ и послѣдній составъ Русской Арміи.

Онъ принялъ на сохраненіе знамена Русской Арміи и прахъ генерала Врангеля.

Онъ содержалъ русскихъ дѣтей, русскія школы и русскихъ инвалидовъ.

Онъ содержалъ русскій госпиталь и санаторію.

Онъ содержалъ при Дворѣ русскій церковный хоръ.

Черезъ Державную Комиссію Онъ помогалъ всѣмъ нуждающимся русскимъ людямъ.

Онъ принималъ на службу русскихъ эмигрантовъ, наравнѣ со Своими подданными.

Онъ соорудилъ Русскій Домъ имени Императора Николая II.

Онъ сооружалъ русскія православныя церкви и построилъ въ столицѣ величественный храмъ Александра Невскаго.

Онъ помогаль устройству русскихъ колоній во всѣхъ городахъ Югославіи.

Онъ сохраниль преемственную отъ Россійскаго Посольства Делегацию помощи русскимъ бѣженцамъ.

Онъ пожелалъ перенести и достойно похоронить останки русскихъ воиновъ, павшихъ на Салоникскомъ фронтѣ.

Онъ славиль Свою „Славу“ въ день праздника нашего старшаго Императорскаго ордена — Св. Андрея Первозваннаго (знаки котораго Онъ имѣлъ).

До самой смерти Своей Онъ не признавалъ совѣтской власти.

И постоянно повторялъ, что мало добра дѣлаетъ русскимъ; что придетъ время, когда Онъ поможетъ больше...

М. Кожина - Заборовская.

Бѣлградъ.

Неугасимая лампада отъ русской эмиграціи надъ гробницей
Короля - Витязя Александра I.

ИСТОЧНИКИ.

Prof. Stjepan Roca — Viteški Kralj Ujedinitelj i narodu.

Душан Шијачки — Наш највећи Краљ.

Иван Квесић — Наш народни Краљ.

Пера Поповић — Краљ Александар I, као љубитељ архитектуре, уметности и технике (говор, одрж. у Опленцу 18-VI-1935 г.).
— Црква Св. Ђорђа на Опленцу.

Ген. Б. В. Адамовичъ — Рѣчь, сказанная 26-X-1934 г. въ Бѣлой Церкви.

„Россиа“ — № 13 отъ 17-XI-1934 г. Бѣлградъ.

„Иллюстрированная Россиа“ — № 19 (521) отъ 4-V-1935 г.

„Правда“ — бр. 11.116 од 9-X-1935 г. Београд.

Цѣна — 40 дин. (18 фр. фр.)

Складъ изданія:

НАЦИОНАЛЬНОЕ О - во РУССКИХЪ ЖЕНЩИНЪ
БЕОГРАД, Његушева, 10.